Геннадий Ильин

Под лепестком несущего винта

Книга вторая

Геннадий Ильин

Под лепестком несущего винта. Книга вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Ильин Г. Ф.

Под лепестком несущего винта. Книга вторая / Г. Ф. Ильин — «ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-5321-2589-6

Вторая книга трилогии "Любовь и небо". Судьба распорядилась служить во многих регионах и странах с разными людьми, делить с ними победы и поражения, усмирять бунты и восстания, голодать и спать под одной шинелью, до хрипоты отстаивать свою честь и достоинство, рисковать, быть на грани жизни и смерти, но всегда в критические моменты появлялось верное плечо незнакомого друга, спасающего от беды. Мне удивительно повезло служить с авиаторами, чистыми душой и открытыми сердцами. И это понятно – авиация других не терпит. Не все имена моих героев подлинны, кто ещё остался в живых, узнают себя по косвенным приметам.

ISBN 978-5-5321-2589-6

© Ильин Г. Ф., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Часть 1 5
Глава первая 5
Глава вторая 22
Глава третья 36
Глава четвертая 53
Глава пятая 67
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Часть 1

Глава первая

– Манты! Манты Горячие манты!

Темнокожий человек с узким скуластым лицом и характерным прищуром каштановых глаз стоял у тележки с облезлыми термосами и монотонно зазывал к себе покупателей. Его когда – то белая куртка была заляпана жирными пятнами, брюки на коленях пузырились, а бывшие чёрными ботинки покрывал толстый слой серой пыли. Однако неряшливый вид энергичного и весёлого продавца нисколько не смущал. Соблазнённый дразнящим аппетитным запахом, я, несмотря на непонятное слово, не удержался и попросил:

– Дай – ка парочку на пробу.

Продавец ловко выудил из термоса два варёных пельменя, по форме похожих на трюфели, бросил их на клочок бумаги и обильно посыпал сверху молотым красным перцем.

– С чем они у тебя?

– С мясом! – с гордостью ответил парень, и его раскосые глаза заблестели счастливым бисером.

Брызнул и потёк по пальцам густой тёмный сок, и я с удовлетворением отметил, что запах вполне соответствует вкусу импровизированного завтрака.

– О, – кивнул я на манты, обращаясь к узбеку, – да здесь один лук!

– Зачем один? – откровенно обиделся продавец. – Много лука!

Так состоялось моё знакомство с Азией, стороной для меня загадочной и своеобразной, со скудным ландшафтом и укладом жизни. Чахлая растительность прикаспийской полупустыни давно ожила, вдали, невидимой, но вполне угадывающейся реки, зеленел, опушенный желтизной, камыш и изумрудом светились роскошные лужайки неизвестной растительности. Несколько аборигенов, как бусами увешанные связками копчёной и вяленой рыбы активно торговались с пассажирами, вышедшими из вагонов поразмять ноги. Цены на рыбу были бросовыми, я не удержался и взял кусок осетрового балыка…

Столица Узбекистана поразила меня обилием зелени, чистотой и приземистыми глиняными зданиями, далёкими от шедевров европейской архитектуры. Люди в пёстрых халатах неторопливо спешили по своим делам, совершенно не обращая внимания на длинную фигуру лейтенанта, разинувшего рот от удивления: по противоположной стороне улицы, мелко семеня ногами, двигалась женщина в парандже.

Я остановился в гостинице «Ташкент», привёл себя в порядок, съел на обед вполне приличное и своеобразное местное блюдо под названием лагман и бодро зашагал в расположение штаба Туркестанского военного округа.

Кадровый чиновник в погонах капитана быстро посмотрел мои документы, полистал тонкое личное дело и сообщил, что меня направляют в вертолётный полк, дислоцирующийся в городе Кагане.

– Это в десяти километрах южнее Бухары, – пояснил капитан, вручая предписание и проездные документы. – Места, скажем так, легендарные и экзотические.

«Бог создал три дыры, – провожая меня, сообщил всезнающий Толя Хоробрых. – Термез, Кушку и Мары». Каган в этом списке не значился, стало быть, жить в этом месте сносно. И я безропотно помчался навстречу неизвестности.

Через два дня, преодолев в неторопливом, останавливающимся у каждого столба поезде приличное расстояние, я покинул душный вагон, подхватил чемодан, узнал у станционного смотрителя, где живут военные. И бодро зашагал в направлении к гарнизону, с интересом

прислушиваясь к гортанному клёкоту горлиц, прятавшихся в густой листве пирамидальных тополей. Улицы сплошь состояли из глинобитных строений, и низкорослые дома глядели на меня узкими бойницами тёмных, ещё не проснувшихся окон. Мир был полон ароматом весенних запахов, и мягкий, тёплый воздух ласково обволакивал утренней свежестью. Вдоль улиц, сладко мурлыкая, бежала по арыкам кристально чистая вода, и первые лучи пронзительного солнца переливались в ней радужным многоцветьем.

Потревоженный солдат на контрольно–пропускном пункте в защитного цвета панаме вместо привычной глазу пилотке терпеливо разъяснил, как добраться до штаба. И я, достигнув цели, уселся на лавочку в ожидании начальства.

Вскоре гарнизон зашевелился, мимо, окидывая меня любопытными взглядами, проходили офицеры и в одном из них я узнал Володю Шутова, моего родственника по истребительному училищу. Мы крепко обнялись, и Вовка коротко обрисовал местную ситуацию.

– Служить можно, – резюмировал свой репортаж Шутов, – но не нужно: жарища здесь адова. Помнишь фильм про Космодемьянскую? Там есть ещё эпизод, когда Зою ведут босиком по снегу. На самом деле съёмки велись здесь, на солончаках, где от перегрева вся соль земли вылезла наружу. Так – то вот. Ну, я побежал. Заходи в офицерский клуб, там пока пристанище для прибывающего пополнения. Кстати, и Яхновский здесь, – назвал он фамилию нашего однокашника, поляка по происхождению.

Командир полка полковник Бравчук, небольшого роста, сухой и компактный человек, производил благоприятное впечатление. Он сообщил, что полк формируется, кадров не хватает, и если переучивание пройдёт успешно, прямая дорога для меня в командиры экипажа.

– Дерзайте, юноша, ваша судьба в ваших руках.

В тот же день меня определили в эскадрилью подполковника Федоренко, рослого и крепкого хохла с ярко выраженным украинским акцентом.

– Летать будешь лётчиком – штурманом в экипаже старшего лейтенанта Кондратьева, – после недолгой беседы определил он. – С жильём туговато, но что-нибудь придумаем. Программу переучивания начнёшь с завтрашнего дня на «Ми – 4». Слыхал о таком?

Я молча кивнул, и он, посмотрев на часы, благословил:

– Ну, иди с Богом.

Левое крыло офицерского клуба, куда я вошёл, оживлённо гудело. Человек пять, каждый одетый во что горазд, сгрудились вокруг биллиардного стола, заставленного пивными бутылками, и на повышенных тонах выясняли карточные проблемы. Моё появление было встречено с весёлым энтузиазмом и откровенной доброжелательностью.

– Лейтенант, – как к старому знакомому обратился ко мне пухлый блондин со стаканом в руке, – за что сослан в наши прекрасные края?

Я коротко рассказал свою немудрёную биографию и по лицам ребят определил, что был понят.

– Что ж, выбирай себе кровать, а вечером пропишешься, – подытожил мою исповедь словоохотливый блондин, которого все называли Боб, и отвернулся к собеседникам.

Я облюбовал место возле оркестровой ямы и занялся благоустройством.

К вечеру мне удалось повидаться и с командиром экипажа Николаем Кондратьевым. Высокий, подтянутый и вполне накачанный старший лейтенант с небольшим шрамом на нижней губе производил хорошее впечатление. Быстрый в движениях, он и мыслил стремительно и непредсказуемо.

– Обучать вертолётному делу тебя будет замкомэска капитан Лавренёв. Мужик нормальный и знает толк в своём деле. Усёк?

Я усёк.

– И с этого момента станешь моей тенью. Усёк?

Господи, конечно усёк.

– Работа начнётся после первомайских праздников, а пока внедряйся в коллектив. Как тебе, геликоптеры, нравятся?

Откровенно говоря, душа моя противилась этому аэродинамическому безобразию, но в порядке субординации и уважения к профессии командира ответил, что в восторге от возможности летать хвостом вперёд.

Коля заулыбался и поощрительно похлопал меня по плечу.

По случаю Международного праздника трудящихся личный состав полка построили на плацу, и командир части, тот самый Бравчук, небольшого росточка полковник, по облику и манерам похожий на Суворова, поздравил нас с Днём солидарности людей всего мира и его окрестностей и предоставил слово начальнику политотдела подполковнику Воспянскому. Идейный вдохновитель и организатор полковых побед не стал затягивать зажигательную речь, но в заключение напомнил, что отметить праздник достойно заставляет нас осознанная необходимость и сложная международная обстановка.

Я стоял во второй шеренге второй эскадрильи рядом с Шутовым, окутанный лёгкой аурой вчерашней «прописки», и тоскливо ждал команды « разойдись». Вскоре строй действительно рассыпался, но офицеры сбились в кучки по интересам, фотографировались «на память» и экспромтом планировали проведение праздника.

Володька Гвозденко, долговязый нескладный бортовой техник, дыша ароматом вчерашних напитков и закусок, держал в руке рублёвую купюру, шлёпал ею по жёсткой ладони и негромко, но призывно предлагал:

– По рыжему, по рыжему, по рыжему…

Я, Шутов и Яхновский живо откликнулись на страдающий голос техника, и вся компания отправилась на рынок. Только там в это раннее время можно было без особых хлопот обменять «рыжие» на водку.

Базар гудел и жил своей, только ему, свойственной жизнью. Поражало обилие фруктов и зелени. Цены на экзотические продукты были удивительно низкими. Только что произошла денежная реформа десять к одному, но на базарные стоимости это никак не отразилось. Как были «дамские пальчики» по сорок копеек за килограмм, так и остались. «Так привычней», – рассудили торгаши, потирая руки с удовлетворением.

На ребят изобилие южных даров на прилавках не подействовало, привыкли, и Гвозденко уверенно повёл за собой группу к стоящему в сторонке мангалу, от которого исходил дразнящий и знакомый шашлычный запах. Молодой узбек, демонстрируя в улыбке белоснежные зубы, радостно, как родных, приветствовал нас, и без лишних слов сервировал широкое блюдо помидорами, свеженькими огурчиками, изумрудной зеленью и снятыми с мангала шашлыками.

Я не заметил, откуда в руках техника оказалась бутылка, и он немедленно опорожнил её в гранёные стаканы.

– Ну, с праздником! – торопливо произнёс он и ловко выплеснул водку в широко раскрытый рот. Мы последовали его примеру и набросились на шашлыки.

– Хлебца бы не мешало, – заметил я, хрустя сочной молодой редиской.

– А вот, – с готовностью протянул подобревший Гвозденко выуженный из кармана отполированный сухарь. Я засмеялся, но потянул его в рот.

– Эй, ты что! – перехватил мою руку Володька. – Его не кушать – его нюхать можно. Он у меня закусоном уже второй год служит.

Мы развеселились и по достоинству оценили юмор товарища.

Здесь же на рынке я и Шутов сняли подходящую комнату в частном доме минутах в пятнадцати от гарнизона. Жилище было чистеньким, светленьким, с яркими домотканными ковриками и окнами, выходящими в роскошный сад. Не откладывая, мы занялись переселением, а гостеприимная хозяйка, пожилая узбечка в пёстром шёлковом платье и чёрными,

как смоль, глазами, с азиатской щедростью разрешила пользоваться садовыми и огородными дарами, сколько и когда угодно.

На следующий день мы проснулись под гортанные крики горлинок. Солнце поднялось уже высоко, и его жаркие, пробивающиеся через окно лучи, нежно ласкали наши молодые тела.

– Есть предложение, сэр, – сказал Шутов, растирая грудь полотенцем после обливания. – Здесь неподалеку имеется отличное Комсомольское озеро. Может, искупнёмся?

– Без балды, – тотчас согласился я. – Прихватим с собой ребят, закусок, и устроим праздничный пикничок в американском стиле.

– Замётано.

Одетые по гражданке, мы, не торопясь, отправились на завтрак. Людей на улицах почти не было, зато часто попадались разномастные ишаки, неприкаянно бродившие от дома к дому и перекликаясь между собой знаменитым сочетанием букв «и – а»..

– Такое впечатление, будто их повыгоняли, – походя, заметил я.

– Эт верно, – подтвердил мои догадки Вовка. – Вышло постановление Правительства об обложении всякой скотины налогом. Вот и вытурили ослов за ворота. С одной стороны, он как бы ничей, а с другой, – куда ему идти от привычного стойла.

– Умно.

– А как ты думал. Узбек – он смекалистый, и лишнюю копейку из кулака не выпустит.

В столовой наше предложение поддержали Яхновский и Матвейкин, парень основательный, самоуверенный, но суетливый. Он тоже был женат, однако, пока холостяковал ввиду отсутствия жилищных условий.

Если ехать из Кагана в Бухару по асфальтовой дороге, то сразу же за городом, справа от себя увидишь обширное водохранилище, обвалованное песком и глиной. Это и есть Комсомольское озеро, сооружённое энтузиазмом молодёжи. Водоёмы с таким названием имелись в каждом приличном городе. Однако местное население в них купается редко. Узбеки считают неприличным раздеваться на людях, и потому сюда приходят только приезжие и гарнизонные ребята. Вода в озере солоноватая, но кое – какая растительность по краям берегов произрастает.

От водоёма, куда ни глянь, ровная, как стол, полупустыня с чахлой колючкой, которую умудряются жевать верблюды, и перекати – полем. Серый, с желтизной, ландшафт, населённый змеями, варанами, ящерицами, тарантулами и скорпионами наводит тревогу и грозным молчанием предупреждает об опасности. Ни единого деревца не видать до самого горизонта, поэтому Каган, утопающий в зелени, со стороны кажется, сказочно красив.

Мы подошли к пляжу, расстелили прихваченную с собой скатерть, сложили на неё пожитки, быстро разделись и с превеликим удовольствием погрузились в тёплую, как парное молоко, воду.

– Хорошо! – не удержался я от восклицания. – Как в раю.

– Это что! – на правах старожила пробасил Яхновский. – Вот подожди, съездим в Бухару, там такой классный бассейн во дворце эмира!

После купания и по случаю праздника мы дружно раздавили пузырь «московской», и с запозданием поняли, что на четверых этого до смешного мало.

– Я так и знал, – сказал Яхновский. – Вова, тебя за водкой посылали, а ты купил одну. Дуй, братан, в город, исправляй прокол, а заодно и пивка прихвати.

Давным-давно замечено, что на отдыхе мужики говорят о работе, а на работе – о женщинах. Наша беседа не была исключением.

– Тебе повезло, – начал Саша Матвейкин, вычерчивая на песке какие – то фигуры. – Эскадрилья у Федоренко слётанная, да и сам командир умница, своих в обиду не даёт. Но требователен по высшему классу. И заместители у него толковые. Тебя кто вывозить будет,

Лавренёв? О, этот от природы лётчик. Ас из асов. И мужик, что надо. Впрочем, сам скоро увидишь.

Мы успели ещё пару раз окунуться, пока не заметили Шутова, и дружно расхохотались. Вздымая пыль, Вова мчался верхом на ишаке, размахивал длинными руками и что – то кричал. Ноги его цеплялись за землю, он их поджимал и, подгоняя, бил пятками по животу иноходца.

– Ну, и дела, бойцы, – ещё не отдышавшись, сказал Вова, сползая с ослиной спины. – Не поверите, но нашего полку прибыло. С сыном тебя, с наследником! – и он протянул мне телеграмму – молнию.

Я с волнением поднёс к глазам серый бланк и прочитал короткое сообщение: «От души поздравляем сыном 2 мая. Всё в порядке». И подпись – «Шамов».

Улыбаясь непроизвольно, я молча перечитывал текст и с трудом осознавал, что стал настоящим отцом. Вовка, толкнув меня в плечо, вывел из стрессового состояния, а Матвейкин телеграмму озвучил.

– Мужики, – проговорил я счастливым голосом, – пикник прекращается. Пошли в ресторан.

Через две недели после напряжённой теоретической подготовки в четыре часа утра я сидел в кабине вертолёта. Вёрткая, своенравная машина никак не хотела висеть над квадратом, рыскала по своему усмотрению, свободно гуляла по высоте и курсу и словно вулкан, вела себя непредсказуемо.

Капитан Лавренёв занимал правое кресло, корректировал мои спонтанные действия и по СПУ отпускал подсказки:

– Не торопись. Шаг – газом пользуйся пореже. Он тебе практически не нужен. Следи за землёй и не дёргай ручку управления.

Я старался изо всех сил, но стервозная машина мои усилия, похоже, игнорировала.

– Ручку управления держи легко, не выжимай из неё сок, всё равно не получится. Вот, смотри, – показал он один из своих эффектных трюков, вращая её, словно шумовкой в кастрюле.

К моему изумлению, вертолёт никак не реагировал на его агрессивные действия. Висел себе на трех метрах от земли, и висел.

– Машина тупая, – пояснил Лавренёв по внутренней связи, – имеет большой момент запаздывания, и чтобы предупредить возможную ошибку, нужно её предвидеть. А ну, давай ещё разок.

Мы садились и зависали, зависали и садились, отрабатывая элементы взлёта и посадки. Пот струился по спине и моему лицу, но руки были заняты, и смахнуть его было не чем. А в стороне от квадрата, над которым я мучился, сидели мои друзья и с любопытством наблюдали за укрощением строптивой.

Когда – то в цирке я видел, как ловко эквилибристы удерживают на вытянутом пальце волчком вращающийся мяч, и пробовал повторить этот трюк, но ничего не добился. Что – то похожее происходило и сейчас, только в роли мяча выступал вертолёт, который никак не хотел устойчиво вращаться на виртуальном пальце.

Наконец, через четверть часа немыслимых истязаний машина опустилась в центре квадрата, двигатель выключили, лопасти прекратили свой сумасшедший бег и уныло, словно усы запорожца с похмелья, повисли по сторонам пилотской кабины. Не покидая сидения, инструктор стал анализировать мои ошибки, и их было так много, что я засомневался, смогу ли освоить это авиационное чудище.

Наверное, я здорово сглупил, расставшись с самолётами – истребителями, где было всё легко и просто.

– А вообще, ты молодец, – закончив разбор, похвалил меня мой учитель. – У других хуже получается.

Я с недоверием поднял на него глаза, ожидая подвоха. Не разыгрывает ли? Но Лавренёв не шутил. Как же тогда другие летали?

Дважды ещё в эту лётную смену я шёл на приступ геликоптера, и с каждой минутой понимал, что нехотя, со скрипом, но строптивая, как женщина, машина уступает свои позиции.

Не прошло и недели, как я стал сносно взлетать, выполнять полеты по кругу и прилично садиться в ворота, обозначенные красными флажками.

С каждым днём становилось всё жарче. В полдень свирепое солнце все металлические предметы разогревало так, что без риска обжечься, прикоснуться к ним было невозможно. Казалось, разбей сырое яйцо, вылей его на капот, и через пару минут получишь готовую яичницу.

К обеду плотность воздуха заметно падала, и аэродинамические характеристики винтокрылых машин ухудшались. Только поэтому тренировочные полёты в районе аэродрома устраивались в утренние часы. Вставали задолго до восхода солнца, и к десяти часам смена заканчивалась.

Каждый вечер я писал жене любовные признания, рассказывал о своей жизни, о своеобразии и экзотике этой страны, расспрашивал о сыне и досадовал на то, что отсутствие жилья мешает нашей встрече.

Дважды я посещал Бухару и был сражён великолепием минаретов, эмирского дворца с его знаменитым зинданом и неповторимым базаром. Я сравнивал его с тем, каким видел в киноленте «Насреддин в Бухаре», и наяву базар заметно выигрывал. От обилия овощей и фруктов, дынь и арбузов, абрикосов, персиков и винограда рябило в глазах. Бойкие зазывалы на весь свет расхваливали свой товар, чуть ли не за руку ловили потенциальных покупателей, предлагая за бесценок фруктовые шедевры. Гвалт стоял неимоверный, и в море людских голосов звонко вписывался перестук наковален уличных кузниц. Восточный базар – это не только место купли – продажи и обмена товарами. Это ещё и место встреч, свиданий и деловых отношений, место, где можно узнать свежие новости со всего Узбекистана и даже про отдельных лиц, живущих от Бухары за сотни и тысячи километров. В дни религиозных праздников сюда стекаются огромные толпы паломников, чтобы поклониться священной Бухаре, прикоснуться к её святыням, почерпнуть духовной энергии.

Зиндан – внутренняя дворцовая тюрьма – расположен в трехметровой толщины стенах дворца. В случае осады удар будет нанесен, прежде всего, по узникам, догадался я. В глубине стен за массивными решётками виднелись искусно выполненные муляжи осуждённых, закованных в цепи. Ужасающие условия их обитания вызывали трепет перед жестокостью правителя. Рядом, на дворцовой площади, словно космические ракеты, уходили в небо стройные минареты, облицованные голубой плиткой. Удивительно, но за многие века цвет её под неистовыми лучами разъярённого солнца никак не изменился. Впечатление было такое, что минареты сдали в эксплуатацию только вчера.

Я смотрел на неприступную твердыню эмира Бухарского и с трудом верил, что какие – то сорок лет назад его свергли революционные войска под командованием пролетарского полководца Михаила Фрунзе.

Обо всём этом я подробно рассказывал жене, стараясь сгладить её вынужденное одиночество, и настойчиво «пробивал» квартиру у начальника политотдела Воспянского и жилищной комиссии.

По обоюдному согласию со Светланой мы нарекли своего сына Сергеем.

Между тем, вертолётный полк посетил корреспондент окружной газеты «Фрунзевец». Вполне понятно, что заражённый однажды военкоровским вирусом, не встретиться с ним я не мог. К сожалению, фамилию его я запамятовал, зато портрет журналиста даже теперь стоит перед моими глазами. Это был высокий майор с пронзительным, как у гипнотизёра, взглядом из – под кустистых белесых бровей, с квадратным боксёрским подбородком и большими пудо-

выми кулаками. Более всего он отвечал требованиям, предъявляемым молотобойцам, чем к представителям изящной словесности. Шумливый, общительный непоседа, он сразу же взял меня в оборот и обязал подготовить ряд материалов, от которых дух захватило.

– Я у вас пару дней поработаю, а ты постарайся что–нибудь подготовить к моему отъезду. Лады?

Не знаю, беседа ли с ним о моём семейном положении, или другие сложились обстоятельства, но через неделю мне предложили крохотную квартирку в бывшем караван – сарае. Одноэтажное и глинобитное П–образное заброшенное здание не эксплуатировалось со времён революции, но предприимчивая КЭЧ, сделав профилактический ремонт, приспособила его для проживания лётно–подъёмного состава. Комнатка площадью метров в двенадцать и кухонька – лилипут с газовой плитой привели меня в восторг, несмотря на то, что туалет и вода находились во дворе.

Я немедленно отстучал телеграмму – приказ в Сиверскую о приезде жены и интенсивно начал заниматься обустройством нашего гнёздышка. Жара стояла невыносимая, и чтобы поскорее заснуть, я вымачивал простынь, оборачивался ею, и в таком вот коконообразном виде засыпал.

Нет, решил я, без холодильника с маленьким ребёнком нам не выжить.

– Езжай в Учкудук, – посоветовали старожилы, – только там реально можно приобрести холодильную камеру.

Я уже слышал об этом месте. Под большим секретом мне рассказали, что там находятся урановые копи, и шахтёров материально снабжают на порядок выше остального населения, поскольку опасная работа заметно сокращала продолжительность их жизни. Однако без специального разрешения попасть на рудники никому не удавалось.

Собственно, я и не рвался на рудники, мне не уран был нужен, а банальный холодильник.

Не знаю, то ли форма моя помогла (узбеки военных глубоко уважают), то ли личное обаяние, но я нашёл на станции снабженца, который за небольшую мзду выделил для меня холодильник самой последней модификации, и в тот же день я с триумфом установил новенький «ЗИЛ» на кухне.

Ранним июльским утром на Бухарском аэродроме я встречал жену и сына. Неторопливый «Ан –2» важно зарулил на стоянку, выключил двигатель, и через минуту пассажиров стали выпускать на волю. Стоя в толпе встречающих, я во все глаза смотрел в проём двери, боясь упустить момент их появления.

Жена вышла в числе последних, бережно прижимая к груди небольшой серый свёрточек. Она быстро дошла до зоны ожидания, и мы встретились глазами. Я нежно обнял и поцеловал супругу, а она заплакала.

– Ну, что ты, что ты, – успокаивал я Светку. – Всё позади, и мы снова вместе.

– Ты посмотри, какое я тебе чудо привезла, – откинула она край простынки с лица младенца, и я впервые увидел моего сына, мирно посасывающего голубую пустышку. Кукольные черты парня с белесыми, как у матери, бровками и курносым, с пуговку, носиком, пухленькие щёчки и широкий подбородок вызывали умиление, и я осторожно принял из рук Светланы нашего наследника. На нас смотрели, и старик в ватном халате, заглянув через моё плечо внутрь приоткрытого кокона, щёлкнул языком и в восхищении сказал:

– Настоящий батыр будет!

Через час на стареньком такси с нехитрыми Светкиными пожитками мы торжественно въехали во двор нашего пристанища. Я открыл дверь и внёс Серёжу в помещение. Будто чувствуя важность момента, он проснулся и скривил губки. Глаза его бессмысленно уставились, пытаясь, очевидно, понять, кто такой этот дядька, позволивший его взять себе на руки.

Светка быстро осмотрела комнату, скользнула взглядом по кухне и разочарованно произнесла:

– И это ты называешь квартирой?

– Временной. Сейчас в Пролетарабаде, новом районе Кагана, строят коттеджи, каждый на две семьи. К осени сдадут, и мне обещали. Зато посмотри, какой холодильник! – похвастался я.

– Ну, осваивайтесь, обустраивайтесь, а я побежал в полк. Завтра с утра полёты.

Наступил август месяц, жаркий в прямом и переносном смысле слова. Я втянулся в работу и легко, ступень за ступенью осваивал азы летного мастерства. Меня допустили к полётам в качестве лётчика – штурмана, и теперь неотъемлемой частью моей экипировки стал ветрочёт, прибор, с помощью которого я вычислял скорость, направление ветра и давал командиру поправку в курс, по которому следовали. Ветрочёт и логарифмическую линейку. Кондратьев, самолюбивый и тщеславный, с пренебрежением благоволил к бывшим истребителям и ревностно относился к каждому моему успеху. Но, как мог, учил.

Как – то нам поставили задачу вылететь на Ашхабадский полигон для обеспечения учений. Задание было не ахти, какое сложное, но чтобы добраться до цели, нужно было преодолеть четыре сотни километров над безориентирной местностью. В однообразном ландшафте полупустыни не за что зацепиться взглядом. Привязкой для нужных расчётов служили, как правило, нанесённые на карту колодцы, действующие и заброшенные, похожие друг на друга, словно морды верблюдов, и растворённые в серо – жёлтом белесом мареве, как крупицы риса в молоке: попробуй, найди. Правда, к северу от маршрута проходила железнодорожная магистраль Ташкент – Ашхабад, но она была вне видимости и годилась на случай блудёжки.

Ранним утром, попрощавшись с женой и сыном, я взял курс на аэродром, и с первыми лучами солнца вертолёт оторвался от земли. Командир по радио отработал с диспетчерским командным пунктом и поинтересовался, прихватил ли я с собой « тормозок». По неписанному правилу все лётчики – штурманы на путь следования запасались провиантом. На всякий случай, на случай вынужденной посадки, например.

– Обижаешь, командир, – с укором ответил я. – Харч – дело святое.

– Тогда всё в ажуре. Бери управление, – успокоился Кондратьев, и я перешёл к технике пилотирования.

До особого распоряжения мы получили корректировку произвести посадку на аэродроме Мары. С высоты птичьего полёта городок показался приплюснутым к земле, а истребители, выстроенные в одну шеренгу вдоль рулёжной полосы, будто приклеенными алюминиевыми силуэтами на гигантский лист серой бумаги.

Зачехлив лопасти несущего винта, мы отправились на поиски гостиницы. Ей оказалась длинное здание барачного типа, такое же серое и унылое, как и всё вокруг. Зато рядом с гостиницей маняще сверкал чистейшей водой настоящий бассейн с отбортовкой и лестницами. Однако никого вокруг не было.

– Днём купаться запрещено, – опередил командир мой вопрос. – Начальник гарнизона считает, что в рабочее время надо работать.

Кроме нас в экипаж входил и летающий техник вертолёта старший лейтенант Панкратов. Скромный и ничем не привлекательный, спокойный и невозмутимый в любых ситуациях, офицер добросовестно тянул трудовую лямку и содержал машину в образцовом состоянии. Его часто «песочили» за пристрастие к игре в нарды на рабочем месте, но даже самые придирчивые проверяющие не находили изъянов на обслуживаемом им вертолёте.

– Я, конечно, могу растянуть работу на весь день, – откровенно признавался Панкратов технику звена, – но это во многом сложнее, чем сделать её быстро и качественно. Так что не насилуй меня, капитан, – говорил он инженеру эскадрильи, – по – человечески прошу.

Панкратов хранил в памяти сотни анекдотов, и с непревзойдённым мастерством рассказывал их на заданную тему. Рассудительный и серьёзный, среди друзей он пользовался безоговорочным авторитетом, и его мнением дорожили. Кроме того, он отлично готовил шашлыки и понимал толк в вине.

Я знал о нашем технике больше, чем остальные, потому что познакомился с его личным делом. Кадровик вначале заупрямился: кто ты такой, чтобы рыться в секретных документах, но я подключил к этому начальника политотдела, объяснил, что участвую в конкурсе на лучший очерк, объявленный окружной газетой, что Панкратов – мой будущий герой, и проблема была решена.

Вечером мы подошли к бассейну. Ни женщин, ни даже детей не было. А жаль: ничто не украшает более водную гладь, чем полуобнажённая рядом девушка. Не знаю, почему, но в моём восприятии это связано с Афродитой, выходящей из морской пены. Картины, более привлекательной, я не встречал.

Мы с удовольствием погрузились в тёплую, прогретую за день воду, я исследовал дно и убедился, что бассейн недавно чистили. Ни ила, ни мусора не было. Кроме того, я понял, что навыки подводного плавания, приобретённые в раннем юношестве, не утратились. К тому же сказались тренировки по задержке дыхания. Однажды, ожидая вылета по тревоге, я установил в кабине вертолёта своеобразный личный рекорд. Мне заткнули рот и ноздри, и я продержался в таком состоянии около пяти с половиной минут. Справедливости ради следует заметить, что перед экспериментом я дышал чистым кислородом из бортовых баллонов жизнеобеспечения через кислородную маску.

Я вынырнул рядом с подъёмной лестницей и обратил внимание на человека в очках, ощупывающего свою одежду.

– Какие – то проблемы? – смахивая с лица капли воды, спросил я.

– Да вот, кажется, часы уронил в воду. Уже и нырял, но не нашёл. И куда они запропастились?

Бассейн – не река, здесь течения нет, рассуждал я, просматривая дно и для страховки шаря по нему руками. Если и упали, то где – то здесь.

И действительно, часы нашлись. Я вынырнул и вручил их растеряхе:

– Твои?

– Вот спасибо, дорогой, обрадовался очкарик. – С меня причитается. Назовите свои координаты.

Довольный собой, я пренебрежительно ответил, что не стоит благодарности, но для знакомства…

Не понял намёка потерпевший, не пришёл. А может, как и мы, был в командировке и по тревоге сорвался в иные края.

Климат в Марах ещё теплее, чем у нас. Плодовые деревья растут плохо, зато шелковица, подстриженная под «ёжик», и пирамидальные тополя чувствуют себя прекрасно. Иссиня – чёрную ягоду шелковицы, похожую на ежевику, называют тутовником. Среди детишек она пользуется большой популярностью. А темно – зелёные листья её с удовольствием пожирал тутовый шелкопряд, из коконов которого производят самый выносливый и лёгкий шёлк. Мне объяснили, что с одного кокона сматывают нить, длиной в двести метров, крепкую и тончайшую, словно паутина. Впрочем, длина нити находится в прямой зависимости от качества и количества листвы, съеденной червями.

До Ашхабада добрались без всяких хлопот. Рассматривая с высоты утонувший в зелени город, совершенно не верилось, что всего восемь лет тому назад он был почти полностью уничтожен мощнейшим землетрясением. Отстроенный заново всем миром, он, как и любая новая вещь, радовал своей первозданностью. В момент катаклизма я с родителями находился в Баку, на противоположном берегу Каспия. Теперь между этими городами ходил паром.

Мы изучили кроки полигона площадью в сорок квадратных километров и расположились на вертолётной площадке у командного пункта. Статус дежурного экипажа позволял нам бездельничать до команды, и мы, укрывшись от жары в комнате отдыха, с азартом гоняли кости по нардовой доске. Победить Панкратова было невозможно.

Взлетели после полудня с проверяющими и посредниками на борту и взяли курс на восточную окраину полигона. Высота полёта не превышала пятидесяти метров, и нам были отлично видны противостоящие стороны с массой техники и морем солдат. Многие из них приветливо махали панамами, с завистью провожая летательный аппарат, где встречный поток воздуха создавал иллюзию прохлады. Приземлились рядом с командным пунктом, проверяющие ушли, приказав нам ждать. Скудная растительность жадно тянулась к жизни, и среди жухлой травы и мёртвых, на первый взгляд, стеблей юрко сновали ящерицы, как всегда озабоченные чем – то муравьи и тёмные, похожие на запятые, долгоносики. При малейшей опасности они мгновенно зарывались в песок.

– Сейчас устроим битву при Ватерлоо, – сказал неунывающий Панкратов, достал литровую стеклянную банку для проверки чистоты бензина из заправочных ёмкостей, сунул в неё кусочек рафинада и поставил на муравейник. Минут через двадцать сотни муравьёв облепили кусок так, что из белого он стал черно – рыжим.

– А теперь смотрите, – и с этими словами техник бросил на дно банки небольшую фалангу.

Забыв о дармовом лакомстве, муравьи мгновенно сориентировались и всем скопом набросились на своего заклятого врага. Паук, как жерновами, перемалывал тела насекомых, но количественный перевес противника решил исход поединка. Через несколько минут лохматый верзила затих, а через час в бесформенном месиве трудно было угадать живое существо.

В детстве я слышал от одного старателя всякие небылицы о дикой Сибири. Но меня поразил рассказ о том, как приговорили к смерти вора из их бригады. Они посадили преступника на муравейник голой задницей. Через полчаса подвыпившая братва подобрела и сняла с кучи негодяя. Два месяца после этого человек провалялся в больнице, и только чудом не умер. А бывали случаи и похлеще, и через сутки от наказанного оставался только скелет. Чистый и отполированный, как стёклышко.

За время, пока мы обслуживали учения, я закончил зарисовку о Панкратове и по возвращении на базу отослал её в редакцию. Вскоре она была опубликована, и жюри определила мне премию в сотню рублей. Это была приличная сумма, рекордная среди моих прежних полученных гонораров.

Прошло три месяца, сын заметно подрос и стал узнавать своего папу. Глазки приобрели осмысленное выражение, и улыбка всё чаще стала появляться на его личике, когда я склонялся над ним или брал его на руки. Светкино молоко он сосал с удовольствием, и она жаловалась, что он больно кусается.

– Весь в меня, – горделиво шутил я. – С детства к женской груди неравнодушен. Мать сосал до пяти лет, хотя она и мазала соски горчицей, чтобы отучить меня от затянувшейся привычки. Но твои лучше, – нежно ласкал я Светкины барханы.

Она притворно охала, получая наслаждение и становясь мягкой и податливой, словно какая – то сила парализовала её волю к сопротивлению.

– Знаешь, – сказала она в порыве откровения после бурной ночи, – когда ты тискаешь мою грудь, у меня в голове какое – то помутнение возникает.

– Твой намёк понял, – рассмеялся я и лизнул её открытый сосочек. – Так хорошо?

– Очень! – и она скользнула мягкой, бархатной ладонью вдоль моего тела, добралась до ушастика и поощрительно потрепала его пальцами:

– У, какой он у тебя ленивый.

– Не скажи, – не согласился я. – Просто он тоже соскучился по ласке. Особенно по поцелуям.

– Да – а, неужели, – недоверчиво произнесла она и стала покрывать моё тело отрывочными поцелуями сверху вниз. Я немедленно возбудился, и приятель мой восстал и вознёсся

в небо, как Эйфелева башня, и Светка водрузилась на её макушку и нанизала себя, как на шампур.

– Ах, – с наслаждением прошептала она, закинув руки на затылок, – ах, – причитала она, всё более мощно вгоняя в себя негнущийся стержень, – я не вытерплю этого, я закричу!

В исступлении я ласкал её напрягшиеся груди, скользил ладонями по телу и облапывал её попку, до боли сжимая в порыве страсти. Словно по клавишам фортепиано, я перебирал её рёбра, чувствовал, как это её возбуждает, и амплитуда её движений возрастает с риском потерять вершину любви. Божественное наслаждение, если учесть, что на мне восседала женщина, которую я хотел со второго класса. Интересно, получают ли они сексуальное удовлетворение, сидя верхом на жеребце? Что за глупый вопрос!

Однако ласк, которых мне очень хотелось, я не получал. Неужели не научилась в свои двадцать пять лет? Или я не научил?

Скупые на нежность женщины и не подозревают, как много теряют в интимных отношениях с мужчиной. Осторожные, вкрадчивые прикосновения к местам эротически чувственным могут раскрепостить партнёра, поощрить на откровенное выражение чувств и на живое стремление удовлетворить любое желание. В его подсознании складывается образ восхитительной соблазнительницы и остаётся надолго, если не навсегда. Спросите любого пожилого человека, о чём он грезит по ночам, одиноко ворочаясь в холодной постели. Будьте уверены, – о той, которая подарила ему когда – то жар своего сердца и букет нерастраченной нежности.

Нежность и ласка, оброненный во – время комплимент – это и есть пища для души, мощнейший катализатор для раскрытия потенциальных возможностей человека, его творческого начала. Если угодно, эволюция человека и развитие цивилизации произошли благодаря и во имя любви к женщине. Это так.

Но вот парадокс: мы любим и ненавидим, лелеем и презираем, обожествляем и проклинаем одновременно. Редкий мужчина согласится, что живёт ради любви, однако представим на минуту, что её нет, и смысл жизни будет потерян.

Но это – так, лирическое отступление.

…Поздней осенью, как раз к празднику Великого ноября, нам, наконец – то, дали квартиру в Пролетарабаде. Высоченные потолки и толстые, метровые стены из привозного булыжника, способные выдержать многомесячную осаду целой армии, надёжно защищали от зноя и холода. Единственное неудобство – это печь, которую надо было топить. В Узбекистане самым популярным топливом считается саксаул, каменное дерево, которое тонет в воде и от которого тупилось лезвие топора, и я раскалывал обухом. Разжигали его дровами, зато горел саксаул лучше любого антрацита. Светлана, как ребёнок, радовалась новоселью, быстро перезнакомилась с соседями, и в свободные вечера, во дворе под сенью деревьев, мы устраивали посиделки, делились новостями, сплетнями, травили анекдоты и потягивали кислое пиво. За стеной нашей квартиры расположилась семья Гвозденко, техника по профессии, выпивохи и балагура по призванию. Красавица жена Наташа гоняла его в хвост и в гриву, к этому он давно привык и на все её выступления реагировал спокойно и снисходительно. На службу техник наплевал, про будущее мыслил скептически. А на моё робкое высказывание о замене в другой округ откровенно развеселился:

– Дорогой мой, – рассуждал он, категорически взвинтив указательный палец вверх, – ты видел максимально раздвинутый циркуль? Так вот, расстояние между ножками – это ворота в Туркестанский округ, а точки соприкосновения ножек – это и есть выход. Так что привыкай, акклиматизируйся, отсюда ещё никто не уезжал. Разве что в ящик сыграешь…

Неожиданно заболел Серёжа. Красная сыпь по всему телу и высокая температура нас перепугали.

– От перегрева, – предположили врачи, и на семейном совете мы приняли решение отвезти его на Урал. Через три дня я остался один. Никогда не думал, что климат может стать причиной разлуки…

На торжественном построении по случаю сорок четвёртой годовщины Октября зачитали приказ, по которому мне присвоили звание старшего лейтенанта…

Не успел я поднять рюмку за здравие, как пришлось выпить и за упокой.

Разбился Володя Шутов, мой самый близкий друг и верный товарищ, с которым я бок – о – бок прожил добрых пять лет.

Судьба – злодейка распорядилась с ним жестоко и несправедливо. Он вылетел на разведку погоды с заместителем командира полка по лётной подготовке подполковником Бадоляном. Первоклассный воздушный волк, Бадолян был общим любимцем не только за непревзойдённое мастерство в технике пилотирования, но и за добрый нрав и сердечную отзывчивость. Никогда и никого он не давил своим авторитетом, и отношения его с подчинёнными были на равных.

Володя считал большой удачей, что летает с человеком, слава о котором гремела по всему Союзу. Ему по – доброму завидовали все лётчики – штурманы, ожидая, что со дня на день парень пересядет на левое сиденье командира экипажа.

В облаках у них отказал двигатель, и несущие лопасти пошли вразнос. Командир приказал Шутову и технику покинуть машину, а сам остался. На высоте около полутора тысяч метров, подчинённые выполнили приказ, но у Шутова парашют не раскрылся. А Бадолян посадил машину и остался жив. Он настолько был потрясён нелепой гибелью правого лётчика, что подал рапорт на увольнение .

Владимира Шутова похоронили. Проводили в последний путь с соблюдением воинских почестей, с троекратным салютом из карабинов. Женщины рыдали, мужчины скорбно молчали, дети смотрели на смерть с недоумением.

Жаль, что покинул сердечный друг этот мир, не успев жениться и не оставив потомства. Да так ли – жаль? Может, это и хорошо, что в России на одну вдову будет меньше. Господи, какие кощунственные мысли приходят от глубокого горя!

Не стало Володи, а мир не изменился. Утро, как всегда, начиналось с построения, где начальник штаба полка в пух и прах разносил никудышную караульную службу, потом следовали разбор вчерашних полётов, предварительная подготовка и работа на материальной части.

К концу рабочего дня проводился контроль готовности к полётам с проверкой знаний по действиям в особых случаях. Действия, регламентирующие безопасность, каждый знал назубок, и от этой тягомотины было ни холодно, ни жарко.

Я продолжал сотрудничать с редакцией окружной газеты, пробовал себя в разных жанрах, но легче всего удавались зарисовки, поскольку писал я их с натуры. Рассказы не удавались. Сюжеты были мелкими и жалкими, развитие событий длинным и нудным, но главное – не удавались концовки. Хотелось рассказать о мелочах, из которых, в сущности, и состоит наша жизнь, однако чувственное восприятие бытия мне не подчинялось. И я всё чаще стал задумываться над тем, чтобы продолжить образование. Хорошо бы поступить в Литературный институт, но при мысли о том, что в нём обучались корифеи, с которыми и стоять – то рядом не достоин, я загодя обрекал себя на провал. Надо чего-нибудь попроще и понадёжней. Факультет журналистики, к примеру. Почему бы и нет?

Настроив себя на мажорный лад, я отправился в отдел кадров на консультацию.

– И – и-и, дорогой, – выслушав меня, развеселился курчавый капитан, – да ты понимаешь, о чём спрашиваешь? Где ты видел, чтобы военные обучались в гражданских ВУЗах? В академию – пожалуйста. Но туда принимают с должности командира звена или отряда. А ты всего на всего – правый лётчик. Так что дело твоё правое, – скаламбурил он. – Сиди, и не рыпайся, – и одарил меня щедрой лучезарной улыбкой.

– Что же делать, если хочется?

– А ничего не делать. Служишь, и служи. Не забивай голову мусором.

Я не стал доказывать своё конституционное право на получение образования. Что он может, клерк, послушный винтик в машине, исполняющей приказы и инструкции? Только на пороге кабинета, обернувшись, я принял позу человека с оскорблённым достоинством и гордо произнёс:

– Нет таких крепостей, которые бы не взяли большевики!

– А валяй! – чему – то обрадовался кадровик и углубился в бумаги.

С ребятами из « Боевой тревоги» связи я не терял. Каждый из них мне был по – своему дорог, а в целом я гордился своими друзьями. Особенно Серёжей Кашириным, в честь которого дал имя своему сыну. Был Каширин совсем недавно штурманом второго класса фронтового бомбардировщика, похоже, любил свою профессию, но судьбу не обманешь. Был, да сплыл.

Как я себе представлял, в прессе Серёжа тоже прижился. К моменту нашего знакомства у него уже вышло в свет четыре сборника стихов про авиацию, романтичных и слегка сентиментальных. Он частенько хандрил, замыкался и думал о чём – то важном, для меня непостижимым.

В минуты откровенности я делился с ним своими планами, он отвечал тем же, и в одной из приватных бесед поинтересовался, отчего он грустит. Каширин смутился, а потом ответил четверостишием:

– Я теперь летаю
Только пассажиром.
По небу скучаю,
Обрастаю жиром.

В последнем письме я поделился с Сергеем о своей задумке поступить в Ленинградский университет на факультет журналистики. Он бурно приветствовал это решение и заверил, что в меру своих возможностей посодействует в сдаче экзаменов.

Всё это мне нравилось, но принципиального вопроса я не решил. У меня не было официального разрешения на учёбу.

С начальником политотдела полка подполковником Воспянским отношения сложились хорошие. Политработник не мог не заметить, что о подчинённых ему людях окружная газета активно заговорила. Вполне понятно, что он обратил внимание и на автора публикаций. Однако дать разрешение на обучение в гражданском ВУЗе он не имел права. Эта прерогатива принадлежала только Члену Военного совета:

– Как только представится возможность, непременно отправлю вас к нему на беседу, – пообещал подполковник.

Неожиданно мне подфартило. В полк прибыла комиссия политотдела армии во главе со своим шефом. Мощная фигура генерала, его манера говорить коротко, громко и недовольно вызывали у окружающих неприязнь, и я опасался, что предстоящий разговор будет не в мою пользу. Но выбирать не приходилось, и я, как в прорубь, нырнул к нему в кабинет, надеясь на фарт, на удачу.

Несмотря на грозную внешность, генерал – майор встретил меня приветливо:

– Слышал, слышал о местном борзописце, и кое – что читал. Молодцом, лейтенант. Не профи, конечно, но…– он сделал многозначительную паузу, поднял вверх указательный палец и неопределённо повертел им в воздухе.

– Так в чём проблемы?

– Учиться хочу, товарищ генерал, – как на духу признался я и замер в ожидании ответа.

– Ну, и учись, кто тебе мешает.

– Должность не позволяет.

– Так подожди немного. Отзывы о тебе, как о лётчике, хорошие, перспектива есть.

Я почувствовал, что разговор уходит от цели, и чтобы повернуть его в нужное русло, сказал:

– Всё это правильно, товарищ генерал. Но время идёт, мне уже двадцать пять, и очень хотелось бы писать о лётчиках профессионально. Вы же сами знаете, какие небылицы о нас слагают даже в центральной прессе. А хотелось бы правду, да такую, чтобы мороз по коже и восхищение читателей перед авиаторами.

– Чего же ты хочешь, правдолюбец, – хмыкнул генерал.

– Разрешите учиться в гражданском университете. На факультете журналистики. Заочно.

Секунд десять член Военного Совета барабанил пальцами по столешнице, что – то просчитывал в уме, затем поднял тяжёлую голову и коротко бросил:

– Хорошо. Будет тебе разрешение, писатель. Строчи рапорт.

– Есть! – приложил я руку к головному убору, круто повернулся и уже выходя, с благодарностью обронил:

– И – большое вам спасибо!

Окрылённый, я выскочил из кабинета, нашёл стандартный лист и выложил свою просьбу на бумаге. По наивности мне подумалось, что генерал тут же наложит на неё свою резолюцию, но пришлось ждать целый месяц, прежде чем это произошло.

Весть о разрешении высокого начальства обучаться в гражданском учебном заведении какому – то старлею мгновенно разошлась среди офицерской братии. Событие невероятное, экстраординарное, оно подняло мой авторитет на целый порядок. Даже Коля, мой командир, не выдержал и, посмеиваясь, как – то сказал

:– Ну, старик, ты и даёшь! Ты случайно в детстве говно не ел?

– Всяко бывало, – отшутился я, – но крапиву и лебеду – это точно!

Приёмные экзамены в ЛГУ начинались в конце июля, и чтобы совместить приятное с полезным, я взял на это время отпуск, написал жене пространное письмо о своих приключениях и с её благословения вылетел в Пулково.

Прежде всего, следовало позаботиться о месте проживания в Ленинграде. В этом я во многом рассчитывал на двоюродного брата Ивана. Со времени нашей разлуки прошло полтора года, и он успел поменять адрес. Нашёл я его на 9 – той линии Васильевского острова, недалеко от Чёрной речки, где ему впоследствии, как участнику Отечественной войны, выделили однокомнатную квартиру.

– Ты удачно приехал, – обрадовался Ваня. – Я уже собирался на дачу махнуть. Дачу каждое лето мы снимаем в Парголово. Женщины уже там. А ты какими судьбами?

Вкратце я рассказал о своих перипетиях, и он уехал, оставив мне ключи от квартиры и обещание вскорости вернуться

«Так, – подумал я, – проблема с жильём решена. – Теперь – в университет на разведку, а завтра – в редакцию».

Молоденькая секретарша из числа студенток, решивших подработать во время каникул, подняла моё дело и радостно сообщила, что я числюсь в списках абитуриентов. Она быстренько зарегистрировала мою фамилию, выдала листок с расписанием приёмных экзаменов и консультаций, и посчитала свою миссию законченной.

«Хорошенькая, – плотоядно подумал я, поворачиваясь к ней спиной. – Не будь у меня дефицита времени, обязательно уделил бы внимание». Тем более, что я уже давно не имел близости со Светкой, и мне снились кошмарные, сладкие сны, после которых приходилось отмывать трусы от поллюций. И я, пропустивший через себя тонны беллетристики, не переставал удивляться, что герои романов никогда не испытывали этой проблемы, как будто были кастрированы.

В узких коридорах университета толпилась разношерстная молодёжь, и гул стоял, как на вокзале. Несмотря на мою военную форму, никто на меня не обращал внимания. Девушки, и совсем молоденькие промокашки и возрастом постарше, нещадно курили длинные тонкие сигареты, изящно удерживая их между указательным и средним пальцами и оттопырив мизинцы. Парни старались выглядеть солидно, пряча свою робость за толстыми стёклами очков. Как в фельетонах Зощенко, везде было накурено и наплёвано, и густо воняло терпким потом перепуганных тел, зачехлённых в джинсы и едва прикрытых мини – юбками, – первыми вестниками западной моды.

Старинные стены никогда не видели откровенного нашествия безнравственности, и со стоном выдерживали натиск широких спин и попок, пришедших послушать обзорные лекции по интересующим темам. И над всем этим висела мощно выраженная аура желания стать студентами прославленного ВУЗа. Десятки тысяч шпаргалок, уменьшенных до невозможности, надёжно прятались в карманах, складках одежды, запястьях, чулках и трусах, украшали колени, ляжки и ладони. Здесь же за умеренную плату можно было приобрести шпаргалки по любому предмету. Шустрые продавцы уверяли, что авторами их являются профессиональные ведущие преподаватели, доктора наук и даже члены приёмных комиссий. Не сдержав соблазна, я приобрёл гармошкой сложенные фотографии с сочинениями по русскому языку и литературе по двадцати предполагаемым темам, но вечером обнаружил, что это самая заурядная туфта, переписанная из учебников.

Редакцию я навестил ближе к вечеру. Знал, что к этому времени работы завершаются, и журналисты настраиваются на домашнюю волну. От университета до неё – рукой подать. После необходимых формальностей меня пропустили в штаб, и вскоре я вошёл в большую, знакомую комнату с пятью столами. Ребята рты разинули от неожиданности и встретили, как родного. Капитан Карклин, могучий, как Зевс, и лупоглазый, добродушный гигант, радостно меня облапил, похлопывая по спине широкими лапищами.

Скромный, почти незаметный литературный корреспондент газеты с уменьшительно-ласкательной фамилией Красненький учтиво пожал руку, будто я был какая – то знаменитость. Когда я впервые с ним познакомился, мне сразу же припомнился рассказ моего отца на эту тему. Во время Гражданской войны к ним в деревню нагрянули белые, перетрясли всех и прилипли к мельнику, известному чудаку и балагуру, который на потеху мужикам и на заказ кукарекал в бане задницей.

– Где, – спрашивают, – у вас здесь красные?

Мельник как раз был навеселе, и решил созорничать:

– Айда, – говорит, – я вам самого красного покажу.

Подводит он конный наряд к крыльцу дома, что стоял у околицы, и кричит во всё горло:

– Васька, выходи, тут твоей харей шибко интересуются!

Вышел Васька на крыльцо с рыжей бородой– лопатой и огненной шевелюрой, а как увидел казаков, всё лицо кумачом затянулось от испуга.

– Вот, – указал довольный мельник на соседа, – краснее этого в селе никого нет!

Хорошо, урядник с юмором оказался, понял розыгрыш. А то бы мельнику плетей не миновать.

Толя Хоробрых осмотрел меня с ног до головы, позавидовал загару:

– Вылитый узбек, только глаза зелёные. Совсем взрослым стал, истребитель.

Серёжа Каширин приветливо улыбнулся:

– Как там, на наших югах, всё ещё тепло и сухо?

Я выложил дары Узбекистана на стол, и ребята растерзали кучу винограда немедленно.

– А ты говоришь, в ТуркВО несладкая жизнь, – уплетая «дамские пальчики», скаламбурил Александр Михайлович, – пальчики оближешь!

Всей компанией мы отправились на угол Невского, где подавали шампанское, коньяк и лимоны с сахаром, и, побалагурив, разошлись. У каждого была своя личная жизнь, а я человек мимолётный. Но что ни говори, это мои ребята корреспонденты: и приняли за своего и рекомендовали в университет.

Из всех экзаменов более всего меня беспокоило сочинение. Казалось, нет такой темы, на которую в карманах не было бы шпаргалки. Однако я отказался от них, когда предложили написать о лучшем фильме 62–го года. Для меня это был фильм « Девять дней одного года», в главной роли которого снялся Алексей Баталов. Игра актёра потрясала искренностью и мастерством и высокой нравственностью к идеалам.

Не знаю, как, но мне удалось убедить приёмную комиссию, что это действительно лучший фильм, иначе бы хорошей оценки не поставили. Ко всему прочему, из нашего потока четвёрками были удостоены ещё пятеро, и я понял, что буду принят. Более того, я удивился, когда после экзаменов мне предложили учиться на дневном отделении. Лестное приглашение пришлось отклонить.

В секретариате я получил целую кипу рабочих планов, разработок и брошюр для самостоятельных занятий, длиннейший список учебников и обязательной литературы и задания для выполнения контрольных работ. Набралось килограммов пятнадцать, но всё это пустяки. Я знал, что в каганских и бухарских библиотеках ничего путного для учебы не найду.

Накануне отъезда я устроил прощальную вечеринку в кафе « Север», что на Невском проспекте. Ребята радовались моей удаче, сетовали, что далеко живу, я обещал писать и поддерживать деловые отношения. На прощанье сердечно обнялись и разъехались по домам.

Билет на самолёт до Челябинска у меня был в кармане, и я мысленно представлял, какой фурор произведу завтра, свалившись без предупреждения, как снег на голову.

Более полугода я не виделся с семьёй, сыну пошёл уже второй год, он не только научился ходить, но и сносно разговаривать. В нетерпении я подгонял неторопливый Ил – 18, мысленно представляя нашу встречу и гадая, узнает меня Серёжа или нет.

…Не узнал, однако, сын дядьку в военной форме. Когда я поднял его на руки, капризно скривился, слёза навернулись на его глазах, и он потянулся ручонками к матери.

– Вот так оставлять дитё без присмотра. Смотри – ка, своих не признаёт, – прокомментировала тёща возникшую ситуацию. – Проголодался, небось?

– Еще и как! – с оптимизмом ответил я и выразительно посмотрел на жену. Она поняла двусмысленность ответа и зарделась, как девушка, застигнутая в неглиже.

Я с удовольствием наблюдал за сыном и никак не мог понять, что в создании этого чуда есть доля и моего участия. После обеда его уложили спать, однако моё присутствие возбуждало, в кроватке лежать ему явно не хотелось, и он украдкой посматривал в мою сторону, решая, очевидно, дилемму, признавать ли меня за отца или проигнорировать. Наконец, он успокоился, Фаина ушла за продуктами, и я полюбил Светку на кухне, на коврике, прямо на полу. После родов чувственность её обострилась, она смело реагировала на мои откровения, сдёрнула с себя лифчик, и я с вожделением смотрел, как из набрякших и пунцовых сосков выделяются капельки молока, смачивая мой торс. Неужели она до сих пор кормит грудью ребёнка? Её крепкие бёдра плотно обжимали деревянный, изголодавшийся банан, она прерывисто и нервно дышала, закусила в возбуждении прядь своих волос и неистово подмахивая, властно требовала:

– Ещё, ещё, ещё! – как рысь, изгибаясь, умоляла она, и я с болью вдавливал свои чресла в ответ на призыв женщины. Я уже давно заметил, что крики и стоны из – под моего тела рождают во мне сладостное наслаждение и окрылённое чувство превосходства над партнёршей.

Светка вдруг замерла, сцепив ноги на моих ягодицах, я понял, что она кончает, и долгий вздох облегчения дуэтом заполнил тишину испуганной кухни. Мощной струёй, словно из велосипедного насоса, брызнула в жену моё многомесячное воздержание. Раз, другой и, нако-

нец, третий, короткий, как точка. В изнеможении Светка раскинула в стороны руки и ноги, наощупь нашла мои пересохшие губы и наградила долгим, благодарным поцелуем.

– Скучала без меня, – чтобы как – то нарушить паузу, задал я риторический вопрос.

– Не то слово, на стенку лезла, – промурлыкала она и щекой потёрлась о моё плечо.

– Будем подниматься?

– А ты как хочешь?

– Не будем, – засмеялась Светка и закинула руки за голову.

Перескакивая с пятого на десятое, я вкратце пересказал жене наиболее важные события, подробно остановился на процессе экзаменов и о полезных встречах со своими коллегами.

– Умница, – подытожила Светка мой монолог, от души расцеловала и положила голову на грудь. – Нет, действительно, в кого ты такой умный?

– С кем поведёшься… – многозначительно ответил я и почувствовал новый прилив желания. Я властно поставил её на колени. Светкина спина прогнулась, она приникла щекой к коврику, вытянула руки вперёд и прошептала:

– Это что – то новенькое.

– Нам с тобой ещё многому предстоит научиться. А это – классическая поза, подаренная природой всякому живому существу. Поза номер один.

Вцепившись в её свинцовые груди, я стал деловито, не торопя события, накачивать жену кайфом. И мне казалось, что гордость моя прощупывается где – то в районе Светкиного пупка. Она извивалась, как змея, вертела попкой, как пропеллером, и, наслаждаясь, повизгивала.

Глава вторая

Не пришлось мне в текущем году увидеться с родными. Прошлой осенью ностальгия доконала их окончательно, и они, за бесценок, распродав нажитое имущество, перебрались в Сталинград. В каждом письме родители жаловались на бедственное состояние и, несмотря на энергию и деловую хватку матери, им, коренным жителям города – героя, в жилье отказали. По совету знакомых мать, доведённая до отчаяния, самовольно заняла освободившуюся в коммуналке двенадцатиметровую клетушку, но руководство завода произвол терпеть не стало, и началась изнурительная судебная тяжба, шансы победить в которой равнялись нулю. Юра заочно учился в Свердловской консерватории по классу баяна и, чтобы выжить, поступил преподавателем музыкальной школы Тракторозаводского района. Отец – пенсионер устроился на винный завод на должность грузчика, где вся команда, в которую он входил, состояла из закоренелых выпивох и алкоголиков. Зарабатывал он не плохо, но после смены всегда приходил поддатый, и это обстоятельство сильно тревожило мать. Я ломал голову, как бы им помочь, но что можно сделать, находясь за тысячи километров?

Спустя полтора месяца ,я вновь вернулся в Пролетарабад, в квартиру, из которой перед отъездом с трудом выгнал нахального тарантула. О стычке с опасным насекомым я умолчал, в районе и без этого хватало экзотики. Одичавшие ишаки свободно разгуливали между домами, а ночной вой шакалов за дувалом напоминал, что мы ещё живы. Коренные жители рассказывали, что воды в их благодатной стране мало: реки и соленые озёра в жаркое лето пересыхают, и тогда целые площади покрываются солью, сверкая под беспощадным солнцем, словно в насмешку, иссиня белым снегом. Зато каналов и арыков в Узбекистане великое множество. Каналы, обросшие камышом с обеих сторон, кишели рыбой, но попадались и водяные змеи. Одному нашему ухарю одна попалась в трусы, но ничего не откусила. Змеи, говорят, в воде не кусаются.

Несмотря на конец сентября, жара не спадала, и в борьбе с ней вместо кондиционера мы приспособили холодильник. Но и это не помогло: вновь серьёзно заболел Серёжа, и врачи настоятельно рекомендовали смену климата. В документах, регламентирующих прохождение службы офицерского состава, имелась оговорка, что в случае, похожем на мой, я имею право на замену в другой, более подходящий для здоровья семьи, округ. Когда я заикнулся об этом, кадровики дружно заулыбались:

– Да следовать таким рекомендациям – весь полк отсюда убирать надо. Вот если бы кто умер, тогда другое дело, – чёрным юмором закончили они разговор, после которого мой патриотический дух впервые дал трещину. За что и кому служу? Народу? Да плевать ему на какого – то занюханного лейтенанта со всеми его мелочными проблемами! Выходит, и мне на него плевать?

С этого момента я стал усиленно думать, как выбраться из знойного ада, не потеряв офицерского достоинства.

Наверное, я из породы везунчиков, размышлял я, внимательно перечитывая очередное письмо от Серёжи Каширина. Он писал, что в редакции появилась вакансия на должность корреспондента – организатора, и если я не против, он попытается перетащить меня в свой коллектив. Конечно, оклад в армейской газете – ниже среднего, но если учесть гонорары, то жить можно. Мне следует поторопиться со своим решением, иначе поезд уйдёт.

Я крепко задумался. С одной стороны, – душой и телом прикипел к авиации, любил её, как мать родную, и без полётов чувствовал бы себя обездоленным. С другой, – мне предоставлялся беспроигрышный и, может быть, единственный шанс зажить по – человечески, с семьёй, в размеренном ритме, в цивилизованной обстановке и прекрасном городе.

Советоваться с женой не было времени, но я знал, что возражать она не станет. От такой жизни согласишься сбежать хоть к чёрту на кулички.

Будь, что будет, решил я, написал Каширину, что с радостью принимаю его помощь, в тот же день отнёс письмо на почту и затаился в ожидании.

Ни на работе, ни в приватных разговорах о возможных изменениях в своей судьбе я не заикался, боясь спугнуть почти что пойманную за хвост неуловимую жар – птицу.

За освоение программы переучивания днём мне присвоили звание военного лётчика третьего класса. Ларионов был доволен, что нашёл во мне добросовестного ученика, и как – то вскользь обмолвился, что лучшей кандидатуры, чем моя, на должность командира экипажа не найти. Что ж, из многих зол выбирают меньшее, самокритично оценил я его признание. Спасибо, командир, с этого момента я буду уважать себя больше.

За год с небольшим я познакомился со всеми прелестями южных союзных республик. Разницы в ландшафтах почти не было, разве что на востоке, в Киргизии. Там, где имелась вода, буйно зеленели оазисы, виноградники, белыми покрывалами простирались хлопковые поля и алыми морями цвели маки. Гранаты и айва, груши и яблоки, ореховые и тутовые деревья, безбрежные плантации сахарных арбузов и огромных веретенообразных пахучих дынь – торпед, – и над всем этим сказочным изобилием дьявольское, беспощадное солнце. Его было так много, что, казалось, и метровые стены домов не были ему существенной преградой. Как закоренелый, фанатичный садист, оно ежесекундно, каплю за каплей, молекулу за молекулой с наслаждением высасывает влагу из всего живого, и никогда не насыщается.

В октябре солнце снижает свою агрессивность, зато ночью наступают заморозки. Именно в это время в полк пожаловали люди из Москвы для проведения эксперимента на выживание. Добровольцев не старше тридцати лет проинструктировали, что их снабдят фляжкой воды, выдадут пистолет, радиостанцию, компас и десантируют с вертолёта. Когда и где – это не важно. Задача заключалась в том, чтобы в течение трёх суток постараться выйти на людей. Любых живых, в том числе и на пастухов. За выполнение задания – особая премия, а за каждый день работы – сто рублей. Деньги приличные, если учесть, что за месяц я получал двести целковых. Тем более, что за отпуск, экзамены и перелёты семьи я заметно поиздержался и сидел на мели. Почему бы и не попробовать при хорошем здоровье и здоровой тяге к приключениям?

И я ввязался в игру, твёрдо убеждённый, что к финишу приду первым.

За свою жизнь мы, подопытные, не боялись. Пеленгаторы чётко отследят, где мы находимся, и в случае экстремальной ситуации помощь придёт незамедлительно, стоит только нажать на радиостанции кнопку тревоги. Главное, чтобы она не отказала.

К старту меня доставили на вертушке. Весь часовой маршрут проходил на предельно малой высоте, и сориентироваться, в какую сторону мы летим, не представлялось возможным. Негодяи, они продумали и это. Зато восход солнца, моего основного врага на ближайшее время, подсказал, что вертолёт продвигался на юго-восток, в сторону от главной железнодорожной артерии Ташкент – Ашхабад.

Перед тем, как покинуть машину, врач прощупал мой пульс, измерил кровяное давление, довольный, хлопнул ладонью по плечу, протянул кружку с водой и благословил на подвиг.

Через десять минут я остался один, наедине с полупустыней. Нужно было обживаться на новом месте и решать, куда направлять свои ноги. На юге делать не чего. Насколько я помнил, там, до самого Афганистана простиралась безлюдная пустошь. Запад тоже не годился. До Кагана мне не дойти, и шансов встретить какого – либо аборигена на своём пути практически не было. Восток тоже не обещал ничего хорошего. Не думаю, чтобы меня высадили в пригороде Душанбе.

Прикинув, я определил по компасу направление на север, засёк время и зашагал навстречу будущему.

К восьми утра я отмахал километров двадцать, при каждой остановке внимательно изучал местность, но на присутствие человека не было и намёка. Зато солнце, как дамоклов меч, висело над головой, готовое обрушить на мою потную шею разящее жало. Хотелось пить, и я понял, что дальше идти по такому пеклу опасно. Да и темп, который я себе предложил, не годился. При такой прыти далеко не уйдёшь. Нужно делать привал, искать хоть какую – то тень. Но где её найти, если до самого горизонта просматривается только чахлая, перегоревшая за лето, трава, да голые, как скелеты животных, сучки саксаула. Однако мне жутко повезло. Набрасывая на сучки куртку, наподобие шатра, я заметил вдали какой – то холмик, и когда подошёл поближе, обнаружил давно покинутый, полуразрушенный временем и полузасыпанный песчаными бурями колодец. Когда – то здесь проходили караваны с товарами, но не это обрадовало меня, а возможность укрыться от серьёзного противника.

Весь день провёл я у колодца, скрываясь в жидкой тени и борясь с искушением спуститься вниз. Там не только прохладней, но могла быть и вода. Однако у меня хватило ума, чтобы не похоронить себя заживо.

После полудня я позволил себе сделать хороший глоток из фляжки. Почти горячая, вода никак не освежила меня, и я пожалел, что не заполнил её кофе или крепким чаем. Была суббота, и ребята точно потягивают сейчас под навесом шашлычной кисленькое каганское пиво. Как я сейчас им завидовал! Что ж, что не свежее, зато мокрое.

К вечеру жара стала спадать, и я, глотнув водички на дорожку, двинулся в путь, ориентируясь на Полярную звезду. Шёл медленно, сознательно шумел, разговаривал и пел, нарушая фантастическую тишину и распугивая ночных обитателей пустыни. Больше всего боялся потревожить какую-нибудь неосторожную гадюку. На ногах у меня были яловые сапоги на толстой подошве, но кто знает, какой длины у неё зубы. Скорпионы – тоже не радость. Говорят, что в этих местах встречается Чёрная вдова, редкая стерва, которая после первой брачной ночи равнодушно отправляет мужа на тот свет. Отвратительное насекомое с садистскими замашками. Вот, наверное, у кого не бывает любовников!

Еды нам не выдали. В пустыне она не так важна. Крокодилы, говорят, по два года могут обходиться без пищи. Зато воды у них – по самые ноздри. А у меня отсутствовало и то, и другое. Отполированный сухарик Гвозденко здесь бы не помешал, хотя во рту будто прошлись рашпилем.

Я шагал и шагал, как запрограммированный робот, иногда сверяя направление по компасу и зорко вглядываясь в темноту. Был бы костерочек на краю земли, я бы и его заметил. Но ничего похожего не попадалось. Незнакомые звуки пугающе доносились со всех сторон. То раздавалось вкрадчивое шипение, похожее на воздушную струю из проколотой камеры, то слышался цокот лошадиных копыт, то доносился издали протяжный хохот всегда голодных шакалов. Изредка вспыхивали и растворялись в ночи блуждающие зелёные огоньки, словно фонари поисковой группы. Переполненная жизнью, пустыня превратилась в гигантское поле битвы за жизнь, и в этой смертельной схватке выживали сильнейшие. Каждый чувствовал себя охотником и потенциальной жертвой одновременно. Нападение – лучший способ защиты, но когда ты с жадностью пожираешь свою добычу и инстинкт самосохранения у тебя подавлен, наступает самое благоприятное время с тобой расправиться. Точь – в – точь, как у людей.

Накануне эксперимента по поведению экипажей в экстремальных условиях профессионалы рассказали нам, как вести себя в тех или иных ситуациях. Однако практика превзошла теорию. Особенно страшила встреча с неизвестностью. Нервы мои были напряжены до предела, как натянутые струны. Чуть задень, – и они лопнут к чёртовой матери. Я начал бояться, было какое – то назойливое ощущение, что рядом со мной кто – то есть, и этот « кто – то» – враг.

Не в силах больше сопротивляться растущему страху, я остановился, вытащил одну из трёх сигнальных ракет и запустил её в густую и вязкую, как кисель, ночную тьму. Вспыхнув

красным пламенем, цветом тревоги, она озарила окружающий мир на несколько секунд, и всё замерло, шокированное никогда невиданным зрелищем. Ни звука, ни движения, никаких признаков жизни. И вокруг только голая, песчаная земля, похожая на гигантский, никому не нужный, пляж.

Ракета потухла, и тьма стала ещё гуще. Я надеялся на чудо: вдруг повезёт, и кто-нибудь заметил мой отчаянный крик о помощи. Однако чуда не произошло.

До самого рассвета я брёл в выбранном направлении, наблюдая, как с восходом солнца жизнь пустыни замирает. Да и была ли она на самом деле? Может быть, это были галлюцинации моего уставшего, воспалённого мозга.

Воды осталось пол – фляжки. Очень мало для двух предстоящих дней. Я старался о ней не думать, но ничего не получалось.

Где – то я читал или видел, что человек, оказавшись в похожем на моё, положении, убил змею и выпил её кровь. Интересно, сумел бы я повторить его поступок? Не уверен. Следовательно, я ещё не дошёл до его кондиции, и общее состояние моего организма вполне удовлетворительное. Потеть я стал меньше, но губы пересохли. Пора позаботиться и о днёвке. К счастью, на своём курсе я заметил целое скопище саксаула и поспешил ему навстречу. Хоть какая – то, но тень. И если сверху набросать травы, может получиться отличный шалашик.

Метров за пятнадцать до цели я понял, что опоздал. Облюбованное место занимал метровой длины варан. И хотя я знал, что на людей они не нападают, на всякий случай вытащил пистолет, снял с предохранителя и передёрнул затвором. Не шевелясь, мерзкая рептилия смотрела на меня застывшим взглядом и надеялась, что я её не замечу и пройду мимо. Однако выбора у меня не было, и вместо того, чтобы отпугнуть её выстрелом, я заорал благим матом. Варан среагировал, недовольно покинул укрытие и неторопливо пошёл прочь. И только когда он скрылся за барханами, я пожалел, что не пристукнул эту гадюку: местные жители, говорят, иногда употребляют их в пищу, а в каком – то африканском племени мясо варанов считается деликатесом.

Я набросал поверх саксаула целую кучу жухлой травы, обследовал место будущей лёжки на предмет нежелательных соседей, сделал нору, расстелил лётную куртку, лёг и занялся проверкой радиостанции. Как только я щёлкнул тумблером, она чётко заработала. Оставалось выпустить антенну, включить сигнал аварийного бедствия, и помощь придёт. Но я был слишком молод и тщеславен, чтобы так вот, без всякого сопротивления сдаться какой – то природной аномалии. И потом, ситуация находится под контролем, воды ещё не менее четверти фляги. Это – ой, как много, по сравнению с теми, у которых её нет.

К вечеру я окончательно высох. Воды почти не осталось, идти никак не хотелось, но я пересилил себя, встал и пошёл на север. « К чёрту эти дурацкие игры, – подумал я, прошагав часа три. – Если к утру никого не встречу, включу сигнал бедствия».

Во рту всё высохло, язык, словно наждаком, карябал нёбо, обезвоженные, сухие губы грозились потрескаться. Идти дальше не было сил. С тоской оглядев горизонт и не заметив признаков присутствия человека, я включил радиостанцию и нажал на кнопку « SOS».

Через полтора часа на мой «маячок» пожаловал долгожданный, по форме напоминающий головастика, геликоптер. Он приземлился почти рядом, но доплёлся я до него с трудом. Мне помогли подняться в грузовую кабину, встретили, как ни в чём не бывало, и сунули в руки воды. В два глотка я опорожнил кружку и потребовал ещё.

– Не торопись, – дружелюбно посоветовал доктор, усадил в кресло и измерил пульс. – Вот и хорошо. Состояние здоровья не вызывает опасений. Попей зелёного чайку, он бодрит и возвращает силы.

Прихлёбывая горячую жидкость, я запивал её холодной водой и наслаждался. Ничего вкуснее в жизни пить мне не приходилось.

В гарнизонном лазарете меня продержали два дня. Врачи – психотерапевты задавали кучу бессмысленных, на мой взгляд, вопросов, со мной возились, как с больным, взяли анализы крови и мочи, сняли показания функций головного мозга, прощупали каждую мышцу и пришли к выводу, что здоровье у испытателя без патологий.

В сущности, ничего экстраординарного не произошло, зато в кармане у меня появилось две сотни.

Стыдно ли мне было за прерванное истязание? Нисколько. Просто я понял, что испытатель – не моя профессия.

Я написал Светлане о своих злоключениях в шутливой форме. В ответ она назвала меня шизофреником, совершенно забывшим, что у него есть семья, которой нужен здоровый кормилец.

Как и другие участники необычного эксперимента, я на время стал местной знаменитостью, на меня смотрели, кто с любопытством, а кто и с жалостью. По этому случаю на берегу Комсомольского озера мы устроили пикник на английский манер, а попросту – очередную пьянку. В ней участвовали все испытатели. Никому из нас не удалось получить главную премию. Ну, и Бог с ней!

В иное время и в другой стране материал о пережитом в пустыне я непременно бы продал какой-нибудь газете или журналу. Только не в нашем, самом гуманном государстве в мире. Тем более, что каждый из нас дал подписку о неразглашении. Что и говорить, советская власть умела прятать концы в воду. Так что вся эта история не вышла за рамки гарнизона. Посудачили дня три – четыре, и на этом забыли.

Зато телеграфное распоряжение из Москвы о переводе меня в Ленинград для дальнейшего прохождения службы, в рядах друзей и знакомых вызвало сенсацию. Словно меня отправляли на Марс.

Саша Крамаренко, с которым я прибыл в гарнизон одновременно, милый и умный парень, с удивлением рассматривал меня как какое – то чудо, и с завистью допытывался:

– Признайся, старик, кто у тебя в Москве. Не верю, чтобы о старшем лейтенанте из Кагана знали в Министерстве Обороны страны. У тебя наверняка есть мохнатая рука.

Я отшучивался, как мог, но, набивая себе цену, отвечал двусмысленно. Сдержал, таки, слово Серёжа Каширин. Лично ходил к члену Военного Совета армии генералу Тюхтяеву ходатайствовать за мою душу.

Номенклатурный работник ЦК ВЛКСМ, Тюхтяев, высокий, энергичный, непредсказуемый в принятии решений человек, считался самым молодым генералом в Военно–Воздушных Силах после Василия Сталина. У него по старой памяти сохранились крепкие связи с комсомолом, и для него не существовало проблем при наборе людей в свою команду.

Командир эскадрильи Федоренко, узнав, что я покидаю полк, не скрывая огорчения, сказал:

– Чего ты там не видел, сынок. Здесь все свои, родные, в обиду не дадут. Я уж и представление заготовил на твоё повышение. Летаешь – то ты прилично.. Может, передумаешь?

– Не могу, товарищ подполковник. Скажу честно: летать люблю, но семья дороже. Не могу я без них, а здесь они жить не могут.

– Ну, как знаешь, тебе виднее. Устроишься, пиши. Не забывай вертолётчиков.

– Не забуду.

Традиционную отвальную вечеринку я организовал в местной столовой. Прощались так, словно не рассчитывали на дальнейшие встречи. В лицах друзей я улавливал неприкрытую зависть, а Яхновский, со свойственной ему манерой резать правду – матку в глаза, поднял стакан и предложил приватный тост:

– Выпьем за твою волосатую лапу.

– Давай, – охотно поддержал я шутку и залпом опрокинул рюмку в рот.

– А ты шустряк, – с уважением посмотрел на меня тот самый офицер кадров, вручая пачку сопровождающих к новому месту службы документов. – Взял – таки неприступный орешек!

– А как же, – снисходительно, будто речь шла о пустяке, хмыкнул я. – У нас, истребителей, главное – цель обнаружить. А уничтожить её – дело второстепенное.

Из всех вещей я захватил с собой только книги. Собирать я их стал давно, за каждой стояло событие, и расстаться с ними не мог, как невозможно забыть о прошлом. Жене я дал телеграмму и написал длинное и подробное письмо обо всех изменениях в жизни и о скорой, очень скорой встрече.

Северная столица России встретила меня громкоголосо и деловито. Московский вокзал по – хозяйски распределял потоки людей и транспорта, устраивал встречи родных и знакомых, небрежно предлагал широкую сферу услуг. Напористые носильщики с орденами – бляхами на груди резво укладывали вещи пассажиров на тележки и скорым шагом мчались к стоянке такси. Я вышел из вагона и с наслаждением вдохнул свежий, бодрящий воздух Питера, не похожий ни на какие воздуха других городов. Мягкий и пахучий, как свежеиспечённый хлеб, он легко ворвался в лёгкие, раздвинул грудь и прояснил разум.

Если сравнить Невский проспект с рекой, то её устьем можно смело называть станцию метро «Площадь Восстания». Из глубины подземки, словно вода из родника, нескончаемым потоком выходили энергичные люди и спешили по своим делам. Справа от меня высилось современное здание гостиницы «Октябрьская», но мне туда ни к чему. Мне на Дворцовую площадь необходимо. По существу, она совсем рядом, в конце Невского, многократно исхоженного пешком. Таксист, молодой парень в фирменной фуражке с зазывающими глазами, бросил на меня оценивающий взгляд, спросил вопросительно:

– Куда едем, командир?

– К Зимнему, – попросил я, уютно устроившись справа.

Водила разочарованно вздохнул и тронулся с места. Я его понимал: с таким пассажиром много не заработаешь.

– Стало быть, к штабу Воздушной армии, – закончил он свою мысль, аккуратно вписываясь в общий поток. – Первый раз в Питере?

– Не скажи, – возразил я, – приходилось бывать.

– Тогда рассказ о достопримечательностях нашего Невского Бродвея отпадает.

Через полчаса я уже докладывал дежурному офицеру о своём прибытии, предъявил командировочное предписание, и он, ознакомившись с ним, посоветовал подождать: рабочий день в Управлении Воздушной армии начинался с девяти утра.

Начальник отделения кадров политотдела воздушной армии, плотненький майор, представившись Батехиным, не был похож на закоренелого чиновника и принял меня незамедлительно. Среднего роста крепыш, он выглядел безупречно, напоминал преуспевающего дипломата, вскользь полистал моё тоненькое личное дело, поинтересовался семейным положением и с сожалением сказал, что проблема с жильём более, чем сложная. Сказал так, будто был лично виноват в том, что не может сразу предоставить мне квартиру.

– Очередь приличная, и раньше, чем через год, вы её не получите. Место в общежитии мы вам, конечно, предоставим, но такая полумера вас не устроит. Мой вам совет: снимите частную жилплощадь, зовите к себе семью и наберитесь терпения.

Старинная дубовая дверь кабинета мягко приоткрылась, и на пороге появился кряжистый, похожий на штангиста подполковник. Крупная его голова с квадратной челюстью была посажена прямо на широкие плечи, маленькие быстрые глазки внимательно смотрели из глубины надбровий, увенчанных густой растительностью, а голос звучал тихо и вкрадчиво:

– Ответственный редактор газеты «Боевая тревога» подполковник Ялыгин, – протянул мне руку ходячий монумент, похожий на городничего. Он одёрнул тужурку, осмотрел меня

с головы до ног, будто видел впервые, хотя мы и встречались, и спросил Батехина, может ли меня забрать.

Минут через пять мы вошли в знакомую мне сыздавна комнату с огромным, до потолка окном, выходящим на Дворцовую площадь. Комнату разделяла застеклённая перегородка справа на подмостках, за которой, словно на сцене, восседал редактор. Получалось что – то похожее на наблюдательную вышку, из которой журналисты просматривались, как на ладони.

Ребята сидели за столами, и при моём появлении оживились. Капитан Карклин, богатырского сложения журналист с широкой, как пшеничное поле, грудью и выпирающими из – под рубашки тугими мускулами по – медвежьи облапил мою спину и поприветствовал:

– С прибытием, старик. Давно не виделись.

Снялся со своего места и подошёл Серёжа Каширин, сдержанно поздоровался и уступил меня Анатолию Михайловичу.

Привстал со стула и дружески кивнул литературный сотрудник Евгений Красненький. Говорили, что его перу принадлежат несколько книг, но никто из нас их никогда не видел.

– Давай, занимай свободный стол, – жестом указал непоседа Хоробрых на место между колоннами. – Да не засиживайся надолго.

Вечером я ворочался на гостиничной деревянной кровати КЭЧ и подводил итоги. Главное, меня приняли, признали за своего, – не за « варяга», как принято говорить о внедрённом в коллектив новом человеке по распоряжению свыше. Одним словом, как сказал оптимист, пролетая мимо двенадцатого этажа, всё пока началось хорошо.

Утром Ялыгин представил меня начальнику Политотдела Воздушной армии. Несмотря на свою молодость, он был заметно лыс и достаточно полон. Его неторопливые манеры говорили о том, что этот человек принадлежал к сливкам советского общества и давно забыл вкус чёрного хлеба. Он с любопытством окинул меня взглядом, для проформы попросил рассказать о том, что не написано в биографии, но слушал в пол – уха, думая о чём– то своём, генеральском. На исповедь мне хватило минуты две, крупная голова начальника удовлетворённо кивнула и коротко сказала:

– Хорошо. Работайте.

На первых порах мне доверили отслеживать письма военных и служащих. Писем приходило мало, как правило, с жалобами на быт и с обидами на несправедливость, содержание которых я кратко пересказывал ответственному секретарю газеты майору Семёнову. Если тема была на злобу дня, я отправлялся в командировку разбираться по существу на месте происшествия. Командировки мне нравились и потому, что предоставляли свободу действий, и возможностью встречаться с людьми, в глазах которых прочитывалось явное уважение к приезжему журналисту. Работать начинал со встречи с руководящим составом. Как правило, с политсоставом. С кем – либо из них намечал план своих действий, определял потенциальных авторов, встречался с военкорами и почти каждого уговаривал написать заметку на заданную тему.

Авиаторы – народ компанейский, разбитной и хлебосольный. Любой готов последнюю рубашку отдать. Но по части письма – застенчивый до невозможности. Вот и приходилось клещами вытягивать из них фактуру и на этой основе готовить корреспонденцию от их имени. Меня и редакцию это вполне устраивало, и мы не конфликтовали.

Проживать молодожёну в общежитии – сущее наказание. Я скучал по семье, и решил ускорить нашу встречу. По совету друзей отправился в район Пяти Углов, где по выходным собирался народ по вопросам сдачи и найма квартир. Рядом в одноэтажном здании находилось квартирное бюро. Но люди предпочитали совершать сделки вживую.

Часа через два я нашёл, таки, подходящее, на мой взгляд, жильё в конце Московского проспекта. Молодая миловидная хозяйка показала наши будущие апартаменты. Комнатка была небольшой, но чистенькой, с деревянной кроватью и буфетом, обеденным столом и парой стульев. Как раз то, что было нужно, чтобы спокойно дожить до получения ведомственной квар-

тиры. И хотя плата была приличной, и деньги требовалось внести за три месяца вперёд, я пошёл на все условия… Откуда мне было знать, что у хозяйки – пройдохи шестеро детей и примак в придачу.

Вскоре семья приехала в Ленинград, и мы торжественно переступили порог нового обиталища. Но первая же проведённая ночь показала, что я основательно влип. Как только погасили свет, всех троих решительно атаковали клопы. И было их несть числа. Они, сволочи, даже света не боялись.

Кое-как мы дотянули до утра, а потом я поставил ультиматум: или хозяева принимают решительные меры по уничтожению насекомых, или мы съезжаем.

Вечером Светлана доложила, что дезинфекция произведена, кровати и мебель обработаны. Могла бы и не говорить, воздух пропитал густой запах керосина. На всякий случай, вспомнив свой прошлый опыт, мы установили под ножки кроватей железные банки и залили их водой. Однако предосторожности не спасли. В этой квартире клопы обладали незаурядными способностями и отменным аппетитом. Ночью, внезапно включив свет, я наблюдал, как самые сообразительные ползли по потолку, зависали над кроватью и падали в постель.

Не меньше хлопот доставляли и хозяйкины дети. Совершенно здоровые и всегда голодные, они, в первый же выход Светки на прогулку с сыном, дружно почистили наши съестные запасы, и в последующие дни зорко следили, когда комната опустеет. Только тогда я догадался, почему хозяйка наотрез запретила ставить замок на нашей двери.

Кошмар продолжался десять дней, до тех пор, пока я не нашёл двухкомнатную квартиру на Лиговском проспекте, почти рядом с Театром юного зрителя. Плата была невелика, но с единственным условием не портить мебель и соблюдать порядок. Старая хозяйка, как я и предполагал, предоплату не вернула и, мило улыбаясь, посоветовала подать на неё в суд. Надо же, и стервы бывают красивыми.

Мы жили на втором этаже в доме дореволюционной постройки. За окном проходила трамвайная линия, Но вглубь разнесённые рамы заметно глушили внешние звуки, а попривыкнув, мы перестали обращать на них внимание. Вечерами всей семьёй мы отправлялись на прогулку, и Серёжа бодро семенил между нами, уцепившись за пальцы наших рук. Недалеко от ТЮЗа стоял пивной ларёк, у которого мы всегда делали короткую остановку.

Как – то, проходя мимо, я спросил сына, что здесь написано. Он посмотрел и громко произнёс:

– Пиво!

Женщина, стоявшая рядом, от удивления разинула рот:

– Малышка что, умеет уже читать?

– Давно, – не моргнув глазом, подтвердил я. – И считать – тоже.

– Так он у вас вундеркинд! – впервые услышал я незнакомое слово, интуитивно сообразив, что оно из числа похвальных.

По утрам в воскресные дни сыну нравилось забираться к нам в постель и лазать под одеялом. Однажды, проделав этот незамысловатый путь, он вылез у наших ног и с восторгом воскликнул:

– Папа, смотри, был там, а образовился здесь!

Всем было весело, и мы хохотали.

К нашему удовольствию, жизнь постепенно налаживалась. И хотя жена не работала, зарплаты хватало. Гонорары, пусть и небольшие, но помогали.

С учёбой тоже складывалось, как нельзя лучше. Университет находился под боком, контрольные работы выполнялись легко, и в случае затруднений я всегда мог проконсультироваться у профессорско-преподавательского состава на кафедре.

Человек ко всему привыкает. Я тоже быстро адаптировался к своему положению, и кто знает, если бы не поездка в Сиверскую, навсегда остался бы в кругу друзей – журналистов.

Внешне в гарнизоне ничего не изменилось. Те же пятиэтажные дома, тот же клуб и столовая, та же речка с соснами – часовыми по берегам, даже водитель пригородного автобуса – тот. Но вот личный состав полка заметно постарел. Среди лётчиков самыми молодыми остались четверо моих однокашников: Голубков, Латыпов, Летунов и Шамов. Это были уже не те желторотые птенчики, с которыми я расстался около двух лет назад. Передо мной стояли мужественные, решительные люди с гордой посадкой головы, жёсткими подбородками и не менее жёсткими взглядами. И улыбки у них были сдержанными, достаточно корректными, чтобы не обидеть, но не настолько приветливыми, чтобы я поверил в теплоту их отношений к заезжему корреспонденту.

Слушая их захватывающие рассказы о полётах, я искренне жалел, что не сумел противостоять прессингу властей, и как последняя крыса сбежал с терпящего бедствие корабля. Ребята повысили классную квалификацию, уже выполняли перехваты в сложных метеорологических условиях, садились при минимуме погоды, и спокойно, как днём, летали ночью на новой технике. Не запаникуй я, не прими опрометчивого решения – был бы сейчас с ними и чувствовал бы себя человеком. Но поезд ушёл. Вот он, локоток, а не укусишь.

Щемящее чувство тоски саднило моё сердце, пока я работал с военкорами. Меня ещё помнили, здоровались, интересовались, как оказался в этих краях, и ничуть не удивлялись, когда узнавали, что работаю в « Боевой тревоге». Знали о моём пристрастии к журналистике. Одни одобряли, другие говорили с пренебрежением:

– Променять полёты на щелкопёрство? Что ж, дуракам закон не писан…

Мне с сожалением сообщили, что обожаемый нами майор Прошкин с его всеизвестным «ибитть» пол – года назад ушёл в отставку, уступив место наступающему на пятки молодому поколению. Я ещё не забыл, как летал с ним на спарке и как однажды он показал домик в Тосно, в котором жили его родители.

– Уволюсь в запас – обязательно вернусь сюда, – грозился он, тыкая пальцем в пол кабины. – С земли буду следить, как вы летаете, чертенята.

Приезд в Сиверскую меня взволновал не только потому, что здесь я впервые соприкоснулся с боевой авиацией и оставил своих друзей. Очень хотелось узнать, как поживает моя промокашечка. Меня, как вора, притягивало к себе место преступления. И хотя ничего противозаконного я не совершал, чувство неосознанной вины перед Леночкой оставалось. В душе я побаивался встречи с ней и долго колебался, идти в воскресенье в офицерский клуб, или остаться в гостинице. Но появился Голубков с женой под крендель и рассеял все мои сомнения:

– Ты что, дружище, в монахи записался? Пошли на танцы, тряхнём стариной.

Летом в клубе сделали ремонт, и он выглядел конфеткой в нарядном фантике. Остальное почти не изменилось. Тот же оркестр, та же обстановка, те же люди, разве что лица другие. Я внимательно разглядывал публику, выискивая знакомых, и натолкнулся на широкую, приветливую улыбку. Сердце ёкнуло и тревожно забилось, когда я узнал в ней самую близкую подругу Леночки. Неужели и она где – то рядом? Завороженный зовущим взглядом, я, как кролик, двинулся навстречу удаву, не в силах противостоять несокрушимому гипнозу.

– Господи, – сказала она, подавая мне руку, – явление Христа народу. Какими ветрами? По агентурным данным ты должен быть в совершенно противоположной стороне.

– Попутными, Мариша, попутными, – исследовал я пространство за её спиной. Она это заметила и тотчас отреагировала:

– Не ищи. Леночки нет. Замуж вышла Леночка и укатила в Эстонию.

– Вот как, – с облегчением вздохнул я, – рад, что у неё всё устроилось, – и в свою очередь спросил:

– А ты – то, как здесь оказалась?

– Странный вопрос. Да с тобой решила встретиться. Что – то мне подсказало, что сегодня я обязательно тебя увижу, – рассмеялась девушка. – А если серьёзно, то куда, кроме вашего

клуба, можно пойти? Здесь столько романтики, а вокруг ходят заблудшие и холостые души лётчиков.

Я внимательно посмотрел на Марину:

– Ты что, влюбилась?

– Какие глупости. Влюбиться можно только раз, и я это давно уже сделала. А теперь мальчиков я разделяю на две категории: или они мне нравятся, или нет.

Забавно. Прямо философия какая – то.

Оркестр заиграл « Маленький цветок», танго, под звуки которого я познакомился с Леной, а теперь танцевал с её подругой. Серое платье плотно обтягивало высокую грудь Марины, и из – под его выреза, образуя соблазнительную ложбинку, виднелись аппетитные края белых булочек. «Вот бы откусить небольшой кусочек», – с озорством подумал я, с наслаждением прижимаясь к холмам девушки. Наши щёки почти соприкасались, и я с удовольствием вдыхал тонкий, волнующий аромат незнакомых женских духов. Ещё с первой встречи я интуитивно уловил, что она готова со мной подружиться, но отдал предпочтение Лене, и этим всё было сказано. Теперь Лены между нами не было, и путь к сближению с ней стал открытым. Так я себе воображал, осторожно, как бы случайно прикасаясь пальцами к копчику Марины. Именно там, говорят, находится одна из эрогенных зон женщины.

– Ну, а как на семейном фронте, всё в порядке?

– Лучше не бывает. Жена – красавица, сын – чудесный, работа по душе, – что ещё нужно нормальному человеку? – приосанился я. – А чем занимаешься ты?

– Устроилась библиотекарем. В прошлом году попыталась стать студенткой педагогического института, но не прошла по конкурсу.

– Не расстраивайся, какие твои годы. Захочешь, обязательно поступишь.

– Я тоже так думаю.

Весь вечер мы не отходили друг от друга, болтали про всякую чепуху, вспоминали забавные случаи, и Марина под заключительные звуки прощального вальса попросила проводить её домой.

– Надеюсь, дорогу не забыл?

Хрустел под ногами сухой декабрьский снежок, огромным фонарём светила полноликая луна, и Млечный путь широкой рекой уходил в бесконечно манящие космические дали. Всё было так же, как и два года назад, только теперь место Леночки занимала её подруга.

Мы свернули направо и остановились у калитки частного владения. Совсем рядом, метрах в пятидесяти, виднелся дом, в котором жила моя подружка и где я провёл немало приятных минут. К сожалению, времени остановиться не прикажешь.

– Если ты думаешь, что останешься у меня до утра, то заблуждаешься, – услышал я неуверенный голос попутчицы и по её тону понял, что придётся заночевать. Нужно было найти только повод, чтобы она могла оправдаться перед собой в неприличном, но уже принятом ею решении.

Рассмеявшись, я ответил:

– Неужели за два последних года традиции гостеприимства в Сиверской изменились? Чаем – то хоть угостишь?

– Ну, разве что чаем, – поколебалась она и отворила калитку.

Мы взбежали на крыльцо, Марина достала ключ, и я понял, что в доме никого нет. Меня это вполне устраивало. Не люблю встречаться с родственниками своих действующих и потенциальных любовниц. И если в силу обстоятельств это происходит, возникает ощущение, что меня рассматривают под микроскопом.

– Славное гнёздышко, – раздевшись, осмотрелся я.

В центре большой комнаты, прямо под абажуром, стоял овальный стол, покрытый голубой скатертью и окружённый хороводом стульев с резными спинками. Напротив окна присло-

нился к стене диван в мягкой бархатной обивке, прямо по курсу глядело на меня трюмо, а сбоку слева высилась горка, за стеклом которой, как в витраже, были выставлены для всеобщего обозрения произведения хрустальных и фаянсовых дел мастеров. Пол застилал роскошный китайский ковёр с высоким ворсом. Помедлив, я сбросил и ботинки.

– И правильно, – одобрила Маришка, выставляя на салфетки две чайные пары. – Сейчас мы подогреемся.

Она исчезла на кухне, а я стал прикидывать, как бы, не задевая честолюбия девчонки, поиметь её на диване, а лучше – на ковре. На таком пушистом любить женщину ещё не приходилось.

– Тебе кофе с сахаром или без, – донёсся вопрос девушки, и по тембру голоса я понял, что она волнуется.

– Без. И если можно, с лимоном, – обнаглел я, зная наперёд, что в декабре лимонов не бывает.

– Хорошо.

Вот как, здесь, кажется, и цитрусовые водятся. Богато живёшь, подружка. У тебя родители – что, подпольные миллионеры? На зарплату библиотекаря коньки можно отбросить.

Специфический аромат кофе заполнил гостиную. Я с удовольствием отхлебнул глоток обжигающей жидкости, потянулся за печеньем, и руки наши столкнулись. Мы засмеялись, но ладонь Марины я не выпустил, повернул тыльной стороной вверх и стал внимательно рассматривать.

– И что ты там увидел? – с интересом спросила она.

– Книгу твоей жизни, красивая, – настраиваясь на цыганский лад, начал я врать. – Видишь, вот эту линию до самого запястья? Она говорит о том, что на своём длинном веку ты испытаешь много счастливых минут и два потрясения. А эти, – провёл я пальцами по ярко выраженному «м», – означают, что будет у тебя две дочки и сын.

– А это что означает? – довольным голосом поощрила она мои поцелуи на своей руке. – Наверное, дань уважения к хозяйке дома?

– Не только, – возразил я и обнял девушку за талию. – Твои руки пахнут ванилью. А вот губы, какие они на вкус?

– А ты попробуй, – игриво рассмеялась она, и в глубине её зрачков возникло напряжение.

– И попробую.

– И попробуй.

Слегка волнуясь, я приподнялся со стула, осторожно прикоснулся к нежному подбородку девушки и повернул лицо к себе. Она порывисто встала, повернулась всем корпусом навстречу и подняла глаза. Её пухленькие пунцовые губы трепетали, по щекам разлился румянец, и чувствовалось, что сердце её готово было выпрыгнуть из груди. Медленно, как в кино, мы стали сближаться, вслепую соприкоснулись носами, и она, не выдержав пытки, обняла меня за шею и стала жарко покрывать поцелуями. От неистовых ласк я совсем потерял голову, грубо мял её груди и тискал полушария великолепной попки. Пальцы сами отыскали на платье молнию и потянули ползунок вниз. Марина задрожала, колени её подкосились, и я осторожно помог девушке опуститься на пол. Ковёр ласково принял наши тела, моя натренированная рука немедленно соскользнула на колено и забралась под подол.

– Мышка моя ясноглазая, – шептал я ей на ухо, добравшись до трусиков. – Только теперь я понимаю, как ты прекрасна. Ах, какая у тебя прелестная попочка!

Вместо ответа она закупорила мой рот своим языком и стала торопливо срывать с меня рубашку.

Но вдруг что – то произошло. Когда я распустил брючной ремень и выпустил сексуальный инструмент на свободу, когда после бурных ласк уже собирался её оседлать, она упёрлась ладонями в мою грудь и с силой оттолкнула, скрестив свои ноги.

– В чём дело, дорогая? Что – то не так? – вытащил я палец из зажатой щели.– Ты меня не хочешь?

– Не знаю, – ответила девушка, и слёзы навернулись на её глазах. – Уходи!

В растерянности, я приподнялся на локте, оглядел обнажённое, подготовленное к любви тело и недоумённо пожал плечами:

– Но ведь должно же быть какое – то объяснение твоему решению.

– Ах, какое там объяснение, – фыркнула Марина. – Ты предал мою подругу, а теперь собираешься изменить своей жене. И со мной поступишь так же. Все вы такие…

Она сделала паузу и брезгливо произнесла:

– Ловелас. Уходи!

Вот как, да в ней женская солидарность проснулась. Что ж, теперь нечего просить милости от природы. Силой брать женщину не в моих правилах.

– Мариша, милая, пойми меня правильно, я никого не предаю. Что ж выходит, если ты нашла пачку денег на дороге и их не кому вернуть, то по отношению к твоей получке это предательство? Глупо быть моралистом и отказывать себе в том, что ты хочешь.

Я поискал глазами сброшенные брюки и потянулся за ними рукой.

– Нет! – воскликнула Мариша, смахнув слёзы. – Я тебя так не отпущу.

Вот и пойми после этого логику женщины!

Словно заправский жокей, она вскинула ногу и оседлала мои тазобедренные суставы. Как из рога изобилия посыпались короткие страстные поцелуи и, словно ожидая этого, фаллос мгновенно восстал. Он всегда трепетно и чутко относился к женским ласкам вообще, и приходил в восторг, когда девушки соглашались поиграть с ним персонально. Пенис падок на нежности и презирает грубость.

Полные желания груди Марочки коснулись моей груди, её огнедышащий цветок с абсолютной точностью отыскал голову непутёвого кабачка и с удовольствием заглотнул его до самого корешка.

– Ах, – то ли от боли, то ли от удовольствия вырвалось из уст девушки самое популярное среди женщин междометие, и она выпустила своего кумира почти наполовину. – Ох, – спохватилась она, страстно загоняя его внутрь, чтобы не убежал.

Она стояла на коленях, руки её дрожали и упирались в мои развёрнутые плечи, я крутил её жёсткие соски и видел, что партнёрша млеет от удовольствия. Да – а, кто – то её уже научил получать наслаждение от секса.

Не в силах противостоять её позывам и желая продлить блаженство, я прижал бёдра моей скакуньи и замер:

– Остановись, мгновенье, ты прекрасно! Давай чуть – чуть передохнём, иначе я не сдержусь.

Марина послушно застыла, наклонилась и, как кошка, стала вылизывать мои соски. Неведомая ранее истома поползла по телу и прибавила чувственности. Перчик мой ожил, стал сокращаться, и девушка сверху закрутила попкой, словно пыталась моим пестиком взбить сливки в своём стакане. Я пошёл ей навстречу, и скачки возобновились, но ненадолго. Не прошло и минуты, как я изогнулся, словно борец, выходящий на «мост», Мариша часто задышала, закрыла глаза, упала на мою грудь и затрепетала, издавая полные наслаждения нечленораздельные звуки. Крепко пережатый у основания, мой огурчик в три приёма выпустил скопившийся пар, и замер, нежно обласканный в гнёздышке курочки.

– Тебе хорошо? – с неподдельным интересом задала она риторический вопрос, когда мы уселись пить кофе. Странно, но женщин почему – то заботит именно он.

– Не то слово, дорогая, – успокоил я . – Просто восхитительно!

– Мне тоже было приятно. Знаешь, я с первой встречи хотела. Но ты был так увлечён!

– Лучше поздно, чем – никогда, – философски подытожил я наш диалог. – Давай – ка поспим пару часиков.

– А ты разве не в гарнизон?

– Ну, куда мне, на ночь глядя?

– Тогда я мигом, – оживилась Марина и принялась стелить постель.

Наутро «на посошок» мы снова занялись любовью, только на этот раз верховодил я.

На заре туманной юности, когда я с ненасытной жадностью пожирал глазами книгу за книгой, мне совершенно случайно попался трактат « О любви» Стефана Цвейга. Произведение философическое, но, тем не менее, любопытное и забавное. Оказывается, как таковая, любовь – не эфемерное понятие, не состояние души, а нравственная категория, имеющая четыре подвида: любовь – влечение, любовь – страсть, любовь – привычка и – платоническая любовь.

В те далёкие времена я мало смыслил в тонкостях человеческих отношений, однако свою любовь к Светлане в тот час зачислил в разряд влечений. Мне и в голову не приходило, что возлюбленную можно трахнуть. Какое там, у меня дух захватывало от мысли, что к ней можно прикоснуться. И в этом плане любовь смахивала на безответную, строго законспирированную платоническую. Теперь, когда ненаглядная стала моей супругой, и я регулярно утолял свою страсть, оставалась только привычка. Впрочем, и она была с большой выслугой лет. Так что, вопреки утверждениям писателя, все разновидности любви во мне уживались скопом.

Замечание Марины о моей измене я списал на её молодость. Не такой я богач, чтобы пройти мимо лакомого кусочка, если он сам просится в рот. И измена – категория нравственная, но ничуть не физиологическая. Изменить – это значит навредить интересам семьи, замахнуться на её прочность, подорвать материальные устои. А какие убытки от того, что я бросил палку на стороне? Наоборот, я получил порцию адреналина, прочистил мозги, заработал с новой энергией и не нарушил рекомендаций гинекологов, убеждённых, что нормальная половая жизнь должна происходить не менее трёх раз в неделю.

Как – то я спросил одну из моих пассий, что она чувствует после близости с мужчиной.

– Необыкновенную лёгкость и огромный прилив душевных сил! – уверенно ответила она. И я ей поверил.

Молодость беспечна, абстрактно она никогда не стареет, если не привязана к конкретному человеку. Течения времени она тоже не замечает, и молодые смотрят на старость снисходительно и свысока. Они твёрдо убеждены, что шагреневая кожа для них безразмерна как космос, и никогда не ссохнется.

Но время – единственная весомая категория, которую не повернуть вспять. Увы, мы начинаем это понимать только на склоне лет…

В понедельник я сдал подготовленный материал в секретариат, просмотрел накопившуюся корреспонденцию, рассказал ребятам о новостях и получил предписание отправляться в пригородное местечко Парголово для освещения лыжных отборочных соревнований среди авиаторов.

Я никогда не был в Швейцарии, но много читал об этой стране, и не ошибусь, если скажу, что Всевышний при создании Земли отщипнул кусочек от швейцарских Альп и прилепил его в районе Питерской области. Заколдованное место, когда ты стоишь в окружении величественных сосен и жуткой тишины, а сверху, из поднебесья, лениво кружась, на тебя опускаются пушистые невесомые снежинки. Воздух чист и прозрачен, как горный хрусталь. Дышится легко и просто. Красота несказанная! И хочется жить, и тянет на подвиг.

На пороге гостиницы лицом к лицу я столкнулся с Васькой Макаровым, моим однокашником и непревзойдённым чемпионом училища по зимним видам спорта. На дистанции в пять километров он давал фору всему классному отделению не менее, чем в три минуты, и приходил к финишу первым. Внешне угловатый, ничем не привлекательный и даже флегматичный, он ходил по-матросски вразвалку, но разительно преображался, если становился на лыжи.

Когда он летел по лыжне, всем казалось, что в задниках его ботинок вмонтированы миниатюрные реактивные двигатели, позволяющие ему удваивать длину каждого шага. Он, наверное, и родился с лыжами в придачу, потому что жил на охотничьей усадьбе, и все десять лет бегал в районную школу, расположенную в восьми километрах от дома. Каждый день по два раза, туда и обратно. Не мудрено, что он попал на армейские соревнования.

Встрече мы оба обрадовались, но он спешил на тренировку, и успел сообщить, что служит в Прикарпатье, летает на девятнадцатых, и что недавно стал командиром звена. Вот как! А я топчусь на месте, разрываюсь на части, пытаясь поймать за хвост птицу призрачного счастья, а если вдуматься серьёзно, то катастрофически деградирую. Да то ли я делаю, тот ли путь выбрал и к чему стремлюсь? Что я болтаюсь, как дерьмо в проруби? То истребители, то вертолёты, то печать…

Не пора ли определиться всерьёз и навсегда?

Зря я не послушался совета моей матери. Мудрая женщина, она говорила, что прежде, чем начинать новое дело, нужно иметь свободный капитал. Не деньги, а именно капитал, который можно сколотить на любимой работе.

С «Капиталом» Карла Маркса я уже был знаком с училища, с занятий по марксистско–ленинской подготовке. Но там шла речь о золоте и деньгах, как эквиваленте овеществлённого труда.

С моей точки зрения, капитал имеет право на более широкую трактовку. Прежде всего – это приобретённый опыт и полученные знания. За них платят, и платят хорошо. В этом я убедился лично. Ну, и, конечно, информация. Не зря говорят, что тот, кто владеет информацией – владеет всем миром. Но и это не всё. Главное – достижение поставленной цели. Даже себе в убыток. Не дошедший до неё тоже получает информацию, которая оберегает его от будущих ошибок. И ещё неизвестно, что важнее, положительный или отрицательный результат.

Признаюсь, что продвижение по службе Васи Макарова меня обескуражило. Дело в том, что в лётной подготовке парень не блистал и собирался остаться в училище работать инструктором. Не зря говорят, если ничего не умеешь – самое время учить других. А тут – смотри, какая метаморфоза. Неужели я хуже? Ну, уж, нет. Мы ещё посмотрим, кто из нас летает лучше.

Во мне мощно заговорили тщеславие и зависть.

После полудня я связался с редакцией по телефону и передал репортаж о первом дне соревнований. Выступали женщины, и мне удалось взять интервью у нескладной на вид, но вполне симпатичной девочки Вики Гавриловой, победительнице на пятикилометровой дистанции. Знать бы, что судьба нас сведёт через пятнадцать лет, я бы отнёсся к ней более внимательно.

Как репортёр я не особо переживал за качественные показатели команд. Это не международные соревнования, где защищается престиж и достоинство моей Родины. А здесь, какие бы результаты не были, они останутся у нас. Поэтому бесстрастно выполнял свою работу, фотографировал лыжников на дистанции, на старте и на финише, общался с судейской коллегией, и вместе с другими журналистами по горячим следам выслушивал откровения победителей.

Вася Макаров и тут не подвёл и занял два вторых места на десяти – и тридцатикилометровой дистанциях. Обмывать победу он категорически отказался, и мы по-джентельменски расстались, пожелав друг другу здоровья и удач.

Глава третья

Наш разговор с Василием Макаровым заставил меня пересмотреть своё отношение к жизни. В самом деле, почему я должен насиловать себя, отрываясь от любимого дела, и выискивать лакомые кусочки там, где их нет. Какому читателю понравится детский лепет начинающего журналиста, если вокруг тебя работают такие зубры от пера, у которых каждое слово – бриллиант. Что бы там не говорили, а я определённо переоценил свои силы. Пока я стану писать на уровне Серёжи Каширина или Толи Хоробрых, пройдёт уйма времени, которого и так катастрофически не хватало. Мне исполнилось двадцать пять лет, так что для успеха оставалась последняя пятилетка. Я уже давно заметил, что почти все гениальные научные открытия и изобретения, шедевры живописи и словесности созданы людьми не старше тридцати. И если этого не случилось во – время, шансов сделать карьеру почти не остаётся. Отступить? Почему бы и нет? Это только Чапаев никогда не отступал, но однажды нарушил свой принцип, за что и поплатился жизнью.

Взвинченный предстоящими событиями, я прибыл в редакцию и поделился своими мыслями с Кашириным. Обойти его я не мог. Серёжа приложил немало сил, чтобы вырвать меня из цепких лап Туркестанского округа, и мой авантюрный финт оборачивался для него подставой.

Но парень меня понял. Скорее всего, потому, что сам тосковал по полётам.

– Попробуй, старик, – выслушав меня, с большим сомнением подвёл он итоги нашего разговора. – Но боюсь, что из твоей затеи ничего не получится. Шеф не из тех людей, кто запросто расстаётся с добычей. Может, он тебя и отпустит, но с такой характеристикой, что даже уркаган не позавидует.

С неделю я терзался своими сомнениями, как Гамлет перед вопросом быть или не быть, но ослиное упрямство взяло верх над рассудком.

Я попросил об аудиенции с генералом и в ближайший четверг был принят.

– Ну, рассказывай, молодёжь, как служится на новом месте, – встретил он меня доброжелательной улыбкой.

Нас разделял массивный стол под зелёным сукном, заставленный письменными аксессуарами, справа от Тюхтяева разместились несколько телефонных аппаратов, один из которых все почему – то называли «вертушкой», а слева стопкой высились рабочие документы.

Я осторожно присел на краешек стула и коротко обрисовал положение дел.

– Кроме того, – решился я перейти от общего к частному, – встретился с друзьями и однокашниками. Летают ребята, переучились на истребители нового поколения, да так летают, что дух захватывает!

Умный мужик, генерал мгновенно отреагировал на моё слишком эмоциональное восклицание, улыбка исчезла с его лица, и он сухо произнёс:

– Каждый выполняет свой долг по предназначению.

– Так точно, товарищ генерал, – согласился я. – Только честно признаюсь, с некоторых пор затосковал я по полётам. Нельзя ли снова вернуться в авиацию?

От неожиданности шеф хмыкнул, иронически осмотрел мою фигуру и со смешком на губах, ничего хорошего не предвещающим, сказал:

– Да ты, дружище, нахал. Я, лично, оборвал все московские телефоны, чтобы перетащить тебя в Ленинград из провинции, ты бессовестно воспользовался этим, и теперь намереваешься удрать. Ничего не выйдет, голубчик! Иди и работай.

Слова генерала, отлитые в металл, означали только одно: приговор окончательный, и обжалованию не подлежит. Что ж, это его право. Не зря в армии говорят: не можешь – научим, не хочешь – заставим.

Огорчённый отказом чуть ли не до слёз, я поднялся и в отчаянии спросил:

– Могу я надеяться на положительное разрешение моей просьбы?

То ли мой растерянный вид, то ли сокрушённые интонации в голосе то ли комсомольская закваска смягчили сердце рассерженного Тюхтяева. Он на секунду задумался и строго произнёс:

– Ладно, сделаем так: если в течение года к тебе, как журналисту, не будет претензий, я отпущу тебя летать. Иди и работай, – снова повторил генерал, указал на выход и потянулся к папке. – Порадовал, ничего не скажешь.

В тот же день все подробности нашей приватной беседы стали известны всем сотрудникам редакции. Даже машинистка Зиночка, которая печатала со скоростью двести знаков в минуту, жевала бутерброд и занималась косметикой одновременно, чем меня крайне шокировала, и та была в курсе событий.

– В народе говорят, что ты на крючке у шефа. И как тебя угораздило?

Сомневаюсь, что содержание нашей беседы кому – то передал сам Тюхтяев. Не тот уровень, чтобы делиться генеральскими мыслями с подчинёнными. И, кроме того, в пересказе присутствовали моменты, которые не соответствовали действительности. Что и говорить, фантазировать в отделе умели.

– Поспешил ты, – продолжая наш разговор, сказал Сергей Иванович, когда мы по пути домой выпили привычную дозу коньяка с шампанским в кафе на Невском. – Ты у нас без году неделя, а туда же – просишься в дамки.

– Но и ты пойми, у меня уже полуторагодовалый перерыв в лётной работе на истребителях. Кому будет нужен через год мальчик в коротких штанишках?

– Тоже верно, – согласно кивнул Каширин. – Вот и оставайся в редакции. От добра – добра не ищут.

– Не знаю, не знаю. Знаю только, что летать хочу.

– Я тоже, – усмехнулся Серёжа. – Но выше головы не прыгнешь.

Дома меня, как всегда, первым встретил сын. Он бесцеремонно засунул руку в карман шинели и выудил оттуда детскую шоколадку.

– Зря ты его балуешь, – улыбнулась Светлана, вытирая ладони о фартук в цветных разводах. – Как бы аллергии не случилось. Есть хочешь?

– Попозже, – опустил я сынишку на пол, и пока раздевался, прикидывал, стоит ли посвящать женщину в служебные дела.

Поразмыслив, я всё же рассказал жене о своём решении перейти на лётную работу и коротко – о беседе с генерал – майором Тюхтяевым.

– Жаль, – с сожалением покачала она головой. – И что ты такой неугомонный? Живём в таком замечательном городе, скоро получим квартиру, и я уже присмотрела неплохую должность в сельхозинституте. Чего ещё нужно для нормальной семьи?

Она помолчала и с тоской произнесла:

– Господи, как надоели мне вечные переезды! Ты бы хоть со мной посоветовался.

– Поздно теперь шашкой махать. Прости, если обидел. Я ведь хочу, как лучше.

– Я тоже этого хочу. Но не кажется ли тебе, что с некоторых пор наша жизнь делает пробуксовку, – посмотрела она на моё озабоченное лицо и сама определила, что кажется.

– Что ж, в нашем положении остаётся только одно – ждать.

Неотъемлемой чертой характера профессионального журналиста является умение слушать и убеждать. Дайте собеседнику высказаться, может это последний шанс вопиющего в пустыне. И чем терпеливее и естественней вы будете воспринимать его откровения, тем доверчивее он будет. Не важно, согласны ли вы с приводимыми доводами или нет, но уже сам факт, что его рассуждения воспринимаются всерьёз, рождает у человека доверие. И тогда он расскажет вам такое, в чём бы и самому себе не признался. Редко из тех, кто обладает тайной, не

поделится с ней и не освободится от тяжёлого груза даже под страхом смерти. Помните притчу о виртуозе – цирюльнике?

У царя Соломона были ослиные уши. Ни одна живая душа об этом не знала. Но ему приходилось стричься, и каждый месяц он приглашал во дворец брадобрея, а потом отрубал ему голову. Иначе правда об ушах стала бы всеобщим достоянием, а правитель – посмешищем.

Однажды к царю привели такого искусного парикмахера, мастерство которого растопило даже кровожадное сердце властителя, и он сохранил ему жизнь.

– Но если ты поделишься тайной с кем-нибудь из людей – не сносить тебе головы! – жёстко сказал Соломон.

Десять лет брадобрей боролся с искушением поделиться пикантной новостью, но мысль остаться без головы охлаждала его желание. И тогда, чтобы снять с себя тяжкий груз молчания, он ушёл в пустыню, выкопал ямку в песке, наклонился и прошептал:

– У царя Соломона ослиные уши.

Передоверив сверхсекретную информацию пустыне, он тщательно засыпал углубление, с облегчением вернулся во дворец и благополучно дожил до глубокой старости.

Мудрость цирюльника меня настолько покорила, что и я никогда и ни с кем не делился откровениями не только в интимной жизни, но и о делах более прозаических. Похвальба, как мне кажется, – это удел слабых, неуверенных в себе людей. Это один из моментов саморекламы и самовосхваления, когда нет других способов утвердить себя в обществе.

И если ты, читатель, усомнишься в искренности моих убеждений и откровенных признаний, то будешь неправ.

Должен сказать, что я всерьёз увлёкся журналистской работой. Во–первых, другого выбора мне не оставили. Во – вторых, университет находился под боком, и хотя первый курс давался нелегко, я всегда мог найти поддержку и понимание в лице преподавательского состава. И, в – третьих, никогда в жизни мне не приходилось так много путешествовать.

За короткое время посчастливилось побывать в гарнизонах Прибылово и Смуравьёво, Парголово, Вещево и Выборге, Луге и Кронштадте, на финской границе и в Карельских лесах. И я не только восхищался тамошними красотами и историческими памятниками, но и встречался с замечательными, известными во всей воздушной армии людьми.

Конечно, всякая поездка предопределяла работу, но я был молод, напорист, тщеславен, настырен и ничего не боялся. Классик, наверное, про меня сказал, что в моём щекотливом положении я ничего не теряю, кроме своих цепей. Потому что я был лётчиком и по своему социальному положению относился к рабочим, пролетариям то есть. Не то, что штурманы – интеллигенция, которая тяжелее навигационной линейки в руках ничего не держала.

Кстати, вы знаете, кто был самым первым штурманом в нашей стране? Матрос партизан Железняк. Об этом даже в песне поётся: « Он шёл на Одессу, а вышел к Херсону…».Шучу, конечно. Настоящий штурман никогда не заблудится.

Иногда материалы удавались, и меня хвалили. И я был счастлив и горд и приглашал друзей на символическую стопку коньяка, и обязательно с лимончиком. Но в основном критиковали в хвост и в гриву. Сначала я не на шутку обижался, считал её предвзятой, однако ко всему привыкаешь, и я придумал для себя легенду, что это – одна из форм обучения. Теперь – то мне понятно, что даже самая коротенькая планёрка – квинтэссенция творческого образования.

В Управление Воздушной армии неожиданно нагрянули гости – космонавт Павел Романович Попович вместе со своей очаровательной женой Мариной. Я во все глаза рассматривал человека, который каких – то четыре месяца назад был известен нескольким десяткам людей, и в мгновение ока стал славой и гордостью своего Отечества. Он летал на корабле «Восток – 4» одновременно с полётом космического корабля «Восток – 3» и совершил первый в истории освоения космоса групповой многосуточный полёт. Это был солдат удачи, балансирующий,

как на лезвие бритвы, между жизнью и бессмертием, для которого риск так же привычен, как необходимость дышать.

В принципе, каждый лётчик рискует, поднимая самолёт в воздух. Но на фоне тысяч успешных полётов какая – то толика катастроф терялась, как иголка в стоге сена. И лётчики перестали думать об опасностях своей профессии. Обыкновенная работа, не более того. Другое дело – что – то новое, незнакомое, неизведанное. Заманчивое и влекущее, как вечный зов жизни.

Людям свойственно любопытство. И заборы существуют для того, чтобы заглянуть в щель и посмотреть, что за ними находится.

Я был шокирован, когда узнал, что жена Павла по профессии лётчик – испытатель. В этой хрупкой на вид красавице ни на йоту не чувствовалось мужского начала. И я, как ни старался, никак не мог представить её в противоперегрузочном костюме и шлемофоне с ларингофонами.

Но так было. И мне подумалось, что в утверждении семейных отношений совпадения увлечений жены и мужа углубляют гармонию чувств.

После оживлённой беседы мы сфотографировались на память, и я впервые в жизни получил автограф от знаменитого человека.

Жить у реки и не искупаться – абсурд. Так я рассуждал, оценивая наши возможности в приобщении к культуре Ленинграда. Город – музей, город – легенда, город прошлого и будущего, он был и остаётся историей русского народа, гордостью и величием Отечества. Пока я осваивал пригородную зону Северной Пальмиры, Светлана использовала свободное время для посещения музеев, театров и кино. Сын уже заметно подрос и с удовольствием ходил на дневные спектакли в театр юного зрителя, любил гулять по городу и терпеть не мог художественных салонов. Я мечтал попасть в Мариинский, знаменитый на весь мир театр, но одному идти было неудобно, а вместе с женой не получалось – оставить Серёжу на целый вечер без присмотра было рискованно.

В угоду маленькому диктатору каждое воскресенье мы выбирались на детские утренники, и иногда отправлялись на экскурсии. Ближе к лету нам посчастливилось побывать в Петергофе, и я впервые увидел фонтанное великолепие этого райского уголка. Мы были в восторге от монумента «Самсон, разрывающий пасть льва», установленный два с лишним века назад в память о Полтавской битве. Фонтаны «Волхов» и «Нева», «Нимфа» и «Данаида», «Адам» и «Ева», водомёты Монплезирского сада возникали перед нами, словно фрагменты сказок из «Тысячи и одной ночи», и, покорённые ими, мы долго не находили в себе сил, чтобы оторваться от созерцания этого чуда.

Дети любят воду, и Серёжа с явным удовольствием шлёпал ладошками по лужицам, скопившимся на парапете вокруг фонтанов. Но более всего ему понравились игры с фонтанами – шутихами. Он заливался восторженным смехом, когда совершенно неожиданно на нас брызгало с дерева, и как другие, нажимал ножкой на булыжники, выискивая тот, ключевой, который приводил в действие систему орошения. На самом деле, его не было. Сидел служитель где – то в укромном месте и открывал воду по своему усмотрению. Но тогда об этом мы не знали, и искренне верили, что тайный камень – выключатель существует.

К сожалению, посетителей во дворец не пускали, но мы купили буклеты и были шокированы роскошью его внутренних помещений, отснятых на цветную плёнку.

Мы провели в Петродворце почти целый день, а при возвращении в город разговорились с англичанами, и один из них, сухой как жердь верзила, сфотографировал нас диковинным аппаратом и тут же вручил фотографию на память. На берегу вдруг возник ниоткуда поджаристый парень с бесстрастным лицом, представился работником КГБ и попросил показать снимок. Долго его рассматривал, выискивая криминал, разочарованно вернул и исчез в никуда.

Невероятно, но факт, что в музей антропологии, где демонстрируются физиологические аномалии человека и животных, всегда присутствует приличная очередь. Я в этом не раз убеж-

дался, проходя мимо в университет. Подозреваю, что и мужчинам, и слабому полу интересно было посмотреть не на телёнка с двумя головами, а на тот самый знаменитый голландский член, что заспиртован по указу Екатерины Великой. В память о никчемности заморских мужиков. Я, конечно, сводил в музей Светлану, но ничем её не удивил. Зоотехникам и не такие картинки знакомы. Она рассказывала мне, что при прохождении практики ей приходилось случать жеребцов с кобылами и направлять конец осеменителя, куда следует.

– И каковы ощущения? – полюбопытствовал я, представляя мысленно нарисованную женой картину.

– Честно сказать, возбуждает, – засмеялась Светка.– И даже очень.

«Вот, – подумал я, – каждая женщина подсознательно мечтает о толстом и длинном. Наделяя её трепетной чувственностью, природа позаботилась о повышении коэффициента размножения».

Конечно же, мы побывали и в Эрмитаже. Великолепные полотна знаменитых мастеров живописи поражали не только филигранностью исполнения, присущей ювелирам, но и свежестью красок. Казалось, что картины времени не подвластны и написаны не позже, чем вчера. Не верилось, что некоторым из них более четырёх веков. Здесь были собраны работы великих мастеров Франции, Голландии, Фландрии, Италии и Испании, таких, как Мурильо, Пантоха де ла Крус, Дирк Якобс, Ван Дейк, Рубенс, Рембрандт, Пикассо и Анри Матисс – художников, с которыми я был знаком только понаслышке.

Мы долго стояли перед полотном Яна Госсарта, разглядывая снятие Иисуса с креста и сопереживали боль вместе с участниками трагедии. А потом, попав в отдел античного мира, я внимательно рассматривал Танагрскую статуэтку под условным названием «Девушка и Эрот». Господи, неужели и за триста лет до нашей эры люди бредили эротикой, как и я?

Но наибольшее впечатление произвела золотая маска Тутанхамона. Я всматривался в застывшее лицо правителя, стараясь угадать его характер и привычки при жизни, и откровенно жалел, что парень умер явно не своей смертью. Чаще всего молодые скоропостижно покидают наш мир из-за ошибок, допущенных по небрежности в отношении к окружающей среде. Или по необоснованной самоуверенности, хотя, на мой взгляд, самоуверенность обоснованной быть не может.

В апреле мы выбрали время, чтобы всей семьёй нанести визит Петропавловской крепости – колыбели основания Петербурга. Все внешние гранитные стены, выходящие лицом к Неве и песчаный пляж, были облеплены загорающими на солнце ленинградцами. Над ними на специальной площадке Нарышкиного бастиона стояли две пушки полуденного выстрела, по которому жители сверяли часы. Я недоумевал, почему все, кто слышал пушечный выстрел, смотрели на циферблаты, какая неведомая сила заставляла их делать это. Ведь и так знали, что звуковой сигнал отмечает полдень.

Мы прошли через ворота Иоанновского равелина и оказались внутри крепости. Если мне не изменяет память, то называться он стал в честь отца императрицы Анны Иоановны. Да и все названия здесь, так или иначе, были связаны с подвижниками Петра Первого: Трубецкой бастион, Меншиков бастион, Нарышкин и Зотов бастионы. Всё просто. И только Петропавловский собор, построенный два с половиной века назад архитектором Трезини уже после смерти императора, отличался светской изысканностью и благородством.

Вы бы не поверили, что я там был, не упомянув Монетного двора. Не так их и много, чтобы однажды увидев, позабыть. Внешне ничего особенного, так, двухэтажное здание с покатой крышей. Глухие крепкие ворота в центре, входные двери и шесть окон на втором этаже, и над всем этим весь в вензелях герб нашего государства.

Несмотря на невзрачный вид скромного строения, я смотрел на него с явным уважением, понимая, что из чрева этого монстра идут денежные поступления во все банки страны и мира.

Из всего увиденного Серёже понравилось мороженое.

В Государственный русский музей мы попали совершенно случайно. Близилось лето, и необходимо было обновить старый гардероб. Решили до Гостиного двора прогуляться пешком и на Инженерной улице набрели на Михайловский дворец. Роскошный фасад дворца, львы по сторонам широкой лестницы и колоннада обладали такой притягательной силой, что даже Светка предложила перед походом по магазинам пробежаться по залам музея. Эта «пробежка» растянулась на два часа и могла бы продолжаться дольше, если бы не нетерпение сына.

Древнерусская живопись нам не понравилась. Глаз остановился на Георгии – Победоносце и иконах Андрея Рублёва, но вот полотна Брюллова, который выкупил, кстати, Тараса Шевченко из крепостных, Репина и Айвазовского заставили постоять возле себя. Особенно хороши были «Бурлаки на Волге». Вся артель выписана настолько реально, что если смотреть долго, то кажется, что люди шевелятся. Даже тот сачок справа, с трубкой и в шляпе с интеллигентскими замашками – явно не вымышленное характерное лицо. Психологическая полнота образов покоряла. Мне довелось прочитать немало батальных сцен признанных мастеров изящной словесности, но ни Лев Николаевич Толстой, ни Эрнест Хемингуэй не произвели на меня такого впечатления, как Брюллов своей работой «Последний день Помпеи». Ужас, отчаяние и надежда обречённых людей пугала и приводила в содрогание мою душу. Это надо только видеть, словами такого не передашь.

Я попробовал себя в новом жанре и написал фельетон «Сон в руку». Генерал Тюхтяев, прочитав материал, недовольно сказал:

– Что это у тебя за язык, какой – то эзоповский. Не мог написать по – нормальному? Всё выдумываешь, а репортажи у тебя лучше получаются.

Шеф, оказывается, следил за содержанием газеты, и лишняя головная боль ему была ни к чему. Но у ребят было другое мнение.

– Молодец, старик! – одобрил появление фельетона Толя Хоробрых. – Дерзай и не оглядывайся. Может, из тебя новый Зощенко получится.

Карклин, опытный газетный лис, высказался более осторожно.

– Для первого раза неплохо, – сказал он, улыбнувшись. – Но, по – моему, наивно.

А литературный сотрудник Евгений Красненький промолчал, не догадываясь, что я хотел бы услышать и его мнение. Короче, я понял, что газете фельетоны не по вкусу. Да и формат не позволял. Но всё же я ухитрился через некоторое время втиснуть в него малюсенькую, высосанную из пальца, новеллу.

Через несколько дней Анатолий Михайлович поймал меня в курилке:

– Слушай, старик, ты знаешь, что в твоём 26 -м полку скоро юбилей? Давай сделаем разворот, а лучше – номер? Классный материал должен получиться.

Я загорелся. Представил себе, как обрадуются ребята и как будет доволен Борис Иванович Прошкин, участник войны и ветеран гвардейской части. Кроме того, идея, подброшенная Хоробрых, сулила ещё один визит в Сиверскую, к которой я был неравнодушен. И, чего греха таить, подумал о возможной встречей с Мариной. Интересно, как она поживает, не вышла ли замуж, и жив ли тот самый китайский ковёр, на котором мы с удовольствием кувыркались.

Подполковник Ялыгин одобрил задумку Анатолия Михайловича.

Семёнов быстро набросал макет будущего номера, и мы отправились в путь.

Со дня моего посещения в гарнизоне мало чего изменилось. Разве что руководство обновили. Теперь полком командовал гвардии полковник Рубинштейн, толковый и энергичный офицер, жёсткий в руководстве и добродушный в быту. Нас он встретил, как близких родственников, тут же вызвал начальника службы, распорядился поставить на довольствие и обеспечить жильём.

Мы рассказали о цели своего прибытия, и он отослал нас к начальнику политотдела: не его, мол, это дело – чужой хлеб жевать.

Решили разделить свою работу по интересам. Я беру на себя организацию материалов от лётчиков, а Анатолий Михайлович от остальных авиаторов. Кроме того, напарник отдал свой фотоаппарат и попросил меня сделать несколько снимков для иллюстрации номера.

– Пора, старик, приобщаться и к этому, – сказал Толя. – Корреспондент без аппарата, что лошадь без седла, далеко не ускачешь.

Сердцевиной номера стал обзор боевого пути части под заголовком «Традиции живут и умножаются». Статья получилась большой, и мы разбили её на все четыре полосы.

Что касается моей части работы, то я решил предоставить слово командиру эскадрильи, обожаемому мной Борису Ивановичу Прошкину как участнику минувшей войны и Володе Задорожному, командиру отличного звена. Я посчитал интересным сделать перекличку поколений.

Борис Иванович возмутился:

– Ты что думаешь, ибитть, я писатель тебе какой? Я в раздаточной ведомости кое – как расписаться могу, а ты мне – статью. Нет уж, уволь. Сам придумал – сам и пиши, – решительно сказал он и привычно поддёрнул ширинку кверху.

С капитаном Задорожным договорились, что он набросает тезисы выступления, а я их одену в причитающие одежды. Мне в своей должности приходилось и писать за других, и редактировать авторов неудобочитаемых опусов, да и самому частенько их подменять.

На военкоров я был в не обиде. А что с них возьмёшь, если про каждого второго из них говорит известная русская поговорка: писать – пишу, а читать в люди ношу. Я и сам – то совсем недавно был не лучше, и у меня не было никакого морального права осуждать людей, слабых в правописании. У каждого своё призвание и талант. Этим мы и отличаемся друг от друга.

На второй день нашей работы мы побывали на дневных полётах. Здесь я встретился не только со своими друзьями – Лёхой Мазуровым, Голубковым, Колей Пинчуковым и Летуновым, но и поговорил с Лёвой Григорьевым, самым близким корешем Германа Титова. Лётчик – космонавт после полёта уже побывал в здешних местах и встречался в неформальной обстановке с однокашниками, а я вспомнил фотографию, на которой Титов, Григорьев и Кузьмин сидят на полу, перед ними небольшая скатёрка из старых газет, и на ней бутылка водки, три ломтя хлеба, наскоро порезанная большими кусками селёдка и репчатая головка лука. Типичный досуг молодёжи конца пятидесятых годов. Как она ко мне попала, я не помню. Знаю только, что снимок сделан накануне отъезда Герки в отряд космонавтов. Так попросту называли Титова молодые лётчики.

Позже, в Москве, я встречался с ним на его встрече со студентами университета имени Патриса Лумумбы, передал привет от сиверских ребят, и он радовался этому, как ребёнок. А ещё позже мне довелось работать с ним в одной упряжке в журнале «Авиация и Космонавтика». Он занимал пост заместителя Главного редактора товарища Миронова, человека чрезвычайно умного и потому осторожного, безропотно танцующего под дудку Политуправления Военно – Воздушных Сил, живущего с оглядкой и с единственной мыслью, как бы чего не вышло. Но об этом потом….

Не знаю, по какой причине, только Светлана настойчиво избегала всяких со мной контактов. То у неё болела голова, то плохо себя чувствовала, то мешали месячные, и я стал серьёзно подозревать, что она завела себе любовника или подхватила какую – то заразу. У голодного самца всякие мысли лезут в голову. В этой связи отношения резко обострились, начались скандалы по пустякам, свары и недовольства. Несколько раз я пытался поговорить со Светкой серьёзно, но неудачно. В последний раз, не выдержав моей массированной атаки, она пошла на компромисс:

– Может быть тебе сделать вагину?

В моём лексиконе такого слова не было, но я догадался, что оно означает и возмутился неподдельно: разве может быть такое, когда при живой жене пользоваться искусственным половым органом. Почему я должен заниматься извращениями, кого прогневил?

.

Газетный номер был бы совсем неплох, если бы не очередной Пленум ЦК КПСС, состоявшийся накануне. Не обрадовать таким событием читателей ни один печатный орган не имел права. Пришлось убирать выступление командира полка и на его место помещать информационное сообщение об историческом событии. По этому случаю капитану Карклину, наборщику, печатнику типографии и машинистке пришлось дежурить всю ночь. Материал должен был поступить по телетайпу из ТАСС, который имелся в редакции окружной газеты.

Только в четыре утра Саша привёз распечатку Пленума, и Кокина, не машинистка, а пулемёт, за полчаса перепечатала текст и отправила линотиписту.

К утру газета была готова и из экспедиции отправилась по гарнизонам.

Генерал номер заметил. Он ревностно следил за своим детищем, но на планёрках не присутствовал, предпочитая высказывать замечания подполковнику Ялыгину. На этот раз он посчитал уместным лично поучаствовать на разборе вышедшего в свет номера, отметил высокий профессионализм журналистов, участвовавших в его подготовке, и всем объявил благодарность. Как говорят, мелочь, а приятно. Хоробрых ходил гоголем – идея принадлежала ему. Я тоже остался доволен. Обещание Тюхтяеву выполнялось на совесть, и меня не покидала мысль, что он помнит про условия, при выполнения которых я снова окажусь в воздухе.

Приближалась летняя сессия, и я зачастил в университет. С горем пополам сдал в деканат контрольные работы, без выполнения которых вызов на экзамены не высылали. К своему удивлению я обнаружил, что задания для заочников были не индивидуальные, а типичными, давно уже выполненными прошлыми поколениями студентов. Единственное неудобство для молодых – многообразие вариантов. Надо было немало поработать, чтобы найти среди старшекурсников именно того, кто выполнял в прошлом твоё задание. И здесь на первый план выступали связи. Чем больше друзей и знакомых, тем больше шансов найти партнёра из параллельного мира. Можно, конечно, воспользоваться помощью секретариата или даже автора контрольных задач, однако за услуги надо платить, а эта роскошь львиному большинству слушателей была не по карману.

Университет вызывал у меня двоякое чувство. С одной стороны, престиж самого старинного учебного заведения России и слава его выпускников невольно заставляли гордиться уже тем, что и мне посчастливилось приобщиться каким – то образом к истории. Широкие, бесконечно длинные коридоры с паркетными старинными полами, высокими окнами и потолками, вдоль стен которых стояли бюсты знаменитых людей, а между проёмами окон в хронологическом порядке висели портреты учёных, – уже только это вызывало молчаливое почтение к прошлому. А богатейшие библиотеки с сотнями тысяч книг на всех языках мира и современные научные лаборатории, оснащённые последними достижениями техники предоставляли широкий простор созиданию и творчеству.

С другой, – мне не нравились внутренности первого этажа главного здания. Узкие коридоры с низкими подоконниками, с утра и до позднего вечера протираемые задницами студентов обоего пола. Обшарпанные тёмные двери аудиторий с короткими объявлениями снаружи, своды, похожие на купола. Выщербленные полы и толпы людей от пятнадцати до преклонных лет, без умолку говорящих и беспрестанно смолящих разнокалиберные вонючие сигареты в ожидании очереди сдать зачёт или экзамен, – таким он мне запомнился и не изменился за последние полвека.

При входе в эти катакомбы астматик, безусловно, свалился бы в глубоком обмороке. Густой, как сметана, спёртый воздух, этакий коктейль из запахов еды, кофе, дыма, людского пота и несвежего дыхания, навсегда въевшийся в дремучие стены, и замешанный на парфюмах

спрятанного в укромном месте общественного туалета, имел неповторимый специфический дух. Любого, кто провёл в этом здании хотя бы час, можно было узнать где угодно по навсегда пропитавшим одежду специфическому запаху. Даже в аудиториях и актовом зале, где всемирно известные маститые учёные читали нам обзорные лекции на заданную тему, и где окна оставались распахнуты днём и ночью, – он и там стойко удерживался, как извечный спутник элитного ВУЗа.

Как – то вечером после работы я заглянул на кафедру, чтобы уточнить расписание обзорных лекций и предстоящих экзаменов. Кроме этого я получил с десяток программ, ориентирующих студентов на основные направления внимания в процессе подготовки.

Программами разрешалось пользоваться и перед собеседованием с преподавателем, и я быстро усёк, что они не хуже шпаргалок. Обычно я читал предыдущие вопросы и коротко излагал их суть как вступление, и последующие, – как заключение. Это было уже две трети ответа, и, главное, экзаменатору явно нравилось, а середина получалась из трёх – пяти предложений. Коротко, но оппоненту становилось ясно, что студент располагает информацией, о которой ведёт речь. Эту маленькую хитрость я впервые апробировал на зимней сессии, и она удалась. Кроме того, чем хуже я знал предмет, тем более оттягивал время встречи с экзекутором, правильно полагая, что к концу рабочего дня преподаватель выматывается от несусветной белиберды, которую вынужден выслушивать на работе, и ответы воспринимал вполуха, мечтая о хорошем ужине и домашнем уюте.

На выходе я столкнулся с бравым капитан – лейтенантом в морской форме. Лихо заломленная фуражка, чёрный, с иголочки китель, снежной белизны рубашка и безупречно отутюженные брюки говорили о том, что человек явился в храм науки не только за знаниями. Здесь было самое подходящее место для новых знакомств и деловых встреч, и форма являлась визитной карточкой её обладателя. В те далёкие времена военные находились в фаворе, в особенности моряки и лётчики. И редкая женщина не провожала нас взглядом, втайне мечтая познакомиться поближе.

– Какие люди! – искренне обрадовался я, энергично потряхивая руку статного капитана. – Какими судьбами?

– Только самолётом можно долететь, – расплылся в широкой улыбке мой старый знакомый, и его глаза цвета морской волны заискрились нескрываемым удовольствием.

С Альбертом Лысенко, а это был он, я впервые встретился на зимней сессии при необычных обстоятельствах. С неделю мы ходили мимо, кивая друг другу головами и не решаясь заговорить, соблюдая субординацию и сохраняя профессиональную независимость.

Но однажды, проходя по прокуренному коридору первого этажа с новым, только что взятым из библиотеки учебником подмышкой, я был остановлен густым баритоном:

– Эй, старлей, у тебя полчаса времени найдётся?

– Смотря на что, – неопределённо ответил я, повернувшись лицом к навязчивому парню. – А что, очень нужно?

Не отвечая на вопрос, капитан махнул рукой и пошёл вперёд:

– Пошли со мной, не пожалеешь.

Крайне заинтригованный, я, совсем этого не желая, как завороженный двинулся за ним.

– Да куда мы идём, – не выдержал я, догнав его у входа в аудиторию.

– Увидишь, – засмеялся капитан, открыл дверь и пригласил:

– Заходи.

Совершенно обескураженный, я перешагнул через порог и оказался в низенькой сводчатой комнатушке, где за столами сидели трое слушателей университета, отдельно от них – преподаватель с явными признаками лица кавказской национальности, перед ним разложены экзаменационные билеты, раскрытая замусоленная тетрадь и ручка – самописка.

– А– а– а, пожаловали голубчики, – потирая руки, кровожадно взглянул на нас профессор, и крылья его орлиного носа хищно затрепетали.

– Проходите и выбирайте билеты, – пригласил он, – и давайте свои зачётки. «Ни себе хрена! – подумал я. – И куда же ты меня приволок, морячок? И с какой стати я тебя послушался? Ну, будь, что будет. Парень, кажется, с нашей кафедры. Я видел его на лекциях. Не пойдёт же он на экзамен по молекулярной физике».

В билете, который я вытащил наугад, предлагалось сделать обзор русской литературы второй половины восемнадцатого века и рассказать о Ленинской теории отражения. Если первый вопрос трудностей не вызывал, то над вторым пришлось попотеть изрядно. Был большой соблазн заглянуть в книгу, с которой я пришёл на экзамен, но так ни разу и не открыл. Судьбе угодно было надо мной злорадно подшутить. Книга называлась «Введение в литературоведение», тот самый предмет, который я сдавал.

Не помню, что я лепетал на счёт теории отражения, но ангелы хранили меня, и в зачётке появилась вожделенная четвёрка.

Дерзкий капитан, подставивший меня, отвечал первым, и я был удивлён, когда замечал в его рассказе наглое враньё и личное отношение к происходящему в литературе двадцатого века. Но он говорил так быстро, что профессор, мне кажется, не успевал осмыслить пулемётные очереди его предложений.

В знак солидарности морячок дожидался меня за дверью, встретил традиционным вопросом «ну, как», и искренне обрадовался оценке, занесённой в зачётку на веки вечные.

– Капитан – лейтенант Лысенко Альберт Тихонович! – представился он. – Заместитель редактора флотской газеты. Прохожу службу в Североморске.

Фамилия его ни о чём не говорила, но Североморск меня заинтриговал. Это же тот самый город, за который мне сватали, выпроваживая из истребителей. Любопытно было узнать, как живётся в районах Крайнего севера, и мы познакомились.

Не знаю, кто был у Альберта отец, но своего сына он назвал оригинально. Язык сломать можно. Поэтому для простоты общения я стал называть его Аликом, хотя прожил он на белом свете на два года больше. Возражать капитан не стал:

– А, как хочешь, меня и на службе и в быту кличут так же.

Больше всего на свете Алик ценил свободу и независимость. Склонный к авантюризму, он смело ввязывался в дела сомнительного свойства, словно сознательно искал приключений на свою шею, потом долго отскребал себя от грязи и затевал интрижки сначала. Женщин он делил на три категории: простушек, потаскушек и солидных самостоятельных дам.

– А, в общем, женская половина человечества, – говаривал он впоследствии, – делится на два лагеря: на дам и не дам. Но лучше студенток не бывает. Не веришь – проверь…

– Ну, рассказывай, – потребовал Лысенко, когда мы, отодвинув дела на потом, приземлились в ближайшем кафе на Васильевском острове.

Я коротко, мазками, обрисовал свою жизнь, поделился мыслями о будущем и о беседе, состоявшейся с генералом Тюхтяевым.

– А вот этого делать было не надо, – покачал головой Алик. – Не знаю, кто твой шеф, но ни один из них приобретённого товара не продаёт. Поспешил ты, старик, эх, поспешил.

– Что же делать, – спросил я совершенно удручённый.

– А ничего не делай. Процесс запущен. Теперь остаётся ждать. Давай – ка лучше выпьем за встречу, за молодость, за то, что мы есть. Живи, пока живётся.

Мы проговорили около часа, добили вторую бутылку сухого вина и собрались уходить. Я вытащил бумажник, но Лысенко меня остановил:

– Притормози, пилот. У меня халявные башли завелись.

Я поднял брови вверх в немом вопросе.

– Снял квартиру у учёных чудаков. Они укатили на месяц в Сочи, попросили присмотреть за хатой и даже денег дали на питание любимого кота.

« Вы уж поухаживайте за Гермогеном, – передразнил Алька хозяйку. – он у нас сливочки любит и обожает корюшку». Ха, он, видите ли, сливочки любит, барбос, – с возмущением повторил приятель.

– Так что, старик, на два похода в ресторан нас субсидировали.

– А как же кот?

– А что – кот? Не умрёт, пока я прихожу в дом. Здоровый, паразит, жрёт много, как лошадь. Но я его на диету посажу, – пригрозил и засмеялся он и рассчитался с официанткой.

Чтобы закончить эту забавную историю, я расскажу про её финал со слов капитан – лейтенанта:

– Приезжают вчера хозяева квартиры, а я в этот момент картошку чищу. Рядом, как всегда, сидит Гермоген и внимательно следит за моими действиями. Порядок в доме морской, идеальный. Я накануне целый вечер убил по этому поводу. Предупреждая события, говорю прокопчённой южным солнцем мадам:

– А вы не правы были, что ваш великолепный кот обожает только сливки. Он, оказывается, мужчина всеядный.

Для подтверждения бросаю ему кусок сырой картошки. Ну, и Гермоген меня не подвёл. На лету поймал подачку и вцепился в неё зубами, как в живую мышь. Хозяин восхитился моей дрессурой, а его жене чуть дурно не стало. Но я хитрый, на всякий случай, в холодильник поставил бутылку со сливками. Так что разошлись, как в море пароходы.

Мы обговорили план дальнейших действий на сессии и решили сдавать зачёты и экзамены вместе.

Одновременный наезд моряков и лётчиков по нашим расчётам должен был производить положительное впечатление на преподавателей.

Как показала практика, эксперимент удался. Не было случая, чтобы выставленные в зачётках оценки разнились, за исключением тех, когда в силу каких – то причин нам приходилось работать в одиночку.

Красотой спасётся мир. Уже за эту совершенную, гениальную фразу Фёдор Михайлович Достоевский имеет право на бессмертие. На протяжении тысячелетий Природа отбирала лучшие особи жизни, наделяя их способностью адаптироваться в любых условиях и не забывая о привлекательности, как гаранта своего продолжения. Бесчисленные представители флоры и фауны по – своему изящны и безупречны. Но только гомо сапиенс кроме этого наделён даром смеха и разума. К сожалению, воображение человека, если не кастрировано, то уж точно заторможено. Иначе он бы разбирался в красоте тех, кого называет тварями и гадами. И это правильно. Богу – богово, а кесарю – кесарево. И потому я с удовольствием наслаждаюсь видом мужчин и женщин, здоровых, стройных, внешне привлекательных, умных и обязательно с юмором. Без юмора человек долго не живёт. Не зря говорят, что одна минута смеха заменяет два яйца всмятку. Так что для весёлого голод не страшен. Однако нет – нет, да и встречаются люди с угрюмым, нелюдимым характером, даже из тех, кто внешним видом мог бы послужить эталоном красоты. В моём представлении эти качества несовместимы.

Именно с таким парадоксом мне и пришлось встретиться на кафедре журналистики, и именно на нашем курсе.

В поле моего зрения она впервые попала ещё в зимнюю сессию, то ли девушка, то ли женщина с бледным, чистым лицом и оттого ещё более тёмными волосами. Она скромно сидела в уголке публички перед раскрытой толстой тетрадью, держала в руке самописку и задумчиво глядела в никуда.

На столе лежала стопка книг, две из них были раскрыты и, изредка заглядывая в них, мой объект наблюдения время от времени оставлял на полях тетради какие – то пометки. Чёр-

ное платье свободного покроя, строгое неулыбчивое лицо и неторопливые плавные движения очень напоминали монашку, и только юный возраст заставлял усомниться в её принадлежности к служителям церкви. Волосы были зачесаны назад и открывали высокий, без намёка на морщины, широкий лоб. Огромные, издали тёмные глаза украшали длинные густые ресницы, а над ними, словно орлиные крылья, распустились на всю длину надбровных дуг ещё более великолепные, словно нарисованные талантливым художником, брови. Правильной формы тонкий нос со слегка раздвинутыми ноздрями и без намёка на горбинку можно было смело называть классическим греческим, именно такой я видел на лице Афродиты, живущей теперь в Эрмитаже. Скулы, суженные к подбородку и лишённые защёчных мешков, придавали облику незнакомки аристократизм и утончённость, а сочные притягательные губы, ни толстые, но и не тонкие, как раз такие, которые мне нравятся, слегка шевелились, будто шептали молитву.

Не в силах оторваться от этого дива, я долго любовался красотой девушки и ревниво думал, что какой-то счастливец спит с ней в одной постели. При этом я нисколько не умолял достоинств жены Светки, по – прежнему её любил и оторвал бы голову всякому, кто со мной был бы не согласен.

Красотой нельзя не наслаждаться, если её видишь, – это подпитка для здорового восприятия жизни. Она аккумулируется в нашем подсознании и создаёт идеальный образ предмета твоего поклонения и мощную энергию для её захвата. Красота принадлежит всем и никому, за исключением самого носителя, и ревность здесь неуместна.

Алька, этот неисправимый ловелас и дон Жуан, тоже заметил женщину в трауре, попытался с ней заговорить, но безрезультатно. Ей, очевидно, не нравились военные ниже своего роста. Я был на голову выше, но из – за врождённой закомплексованности боялся общения с девушкой – загадкой, опасаясь получить от ворот – поворот. Если такое случится, я перестану себя уважать.

Вскоре, однако, мне удалось выяснить фамилию и имя монашки. Её звали Валентина Вершинина. И сразу же возникли мысли, одна смелее другой. Вполне вероятно, что она – дочь Главнокомандующего ВВС, но, в таком случае, почему учится не в МГУ или в МГИМО, – самых крутых ВУЗах страны, где половина студентов составляли дети сильных мира сего? Если она действительно является родственницей Маршала авиации, то связываться с миссис предельно опасно. Такие люди, как правило, охранялись негласно, и любая попытка наладить с ней контакт будет чревата негативными последствиями. С другой стороны, знакомство с важной дамой в перспективе обещало головокружительную карьеру, если отношения с ней сложатся так, как я себе представлял. Шанс крохотный, молекулярный, но всё же он был. Может рискнуть? При хорошем раскладе – это как сюрприз, как химчистка для души и организма, как беспроигрышная лотерея. Но если не получится, – быть беде.

Совсем недавно я посмотрел индийский приключенческий фильм «Бродяга». Радж Капур, играющий в нём главную роль, произносил, ставшей расхожей в народе, фразу:

– Сын вора должен быть вором.

Если так, то по аналогии дочь генерала должна быть генеральшей. Очень заманчиво…

« Да ну её к чёрту, – подумал я, – зачем искать на свою попу приключений? От добра – добра не ищут. У тебя хорошая семья, прекрасный сын, любимая работа, неплохая зарплата, – чего ещё нужно, дружище? И зачем же табуретки ломать? И потом, в случае неудачи, зашлют куда-нибудь на Соловки тянуть лямку до скончания службы, без права замены».

Да что это, прости меня Господи, что за крамольные мысли лезут ко мне в голову. Выходит, если я увлекусь Вершининой, а она – мной, то само собой разумеющимся предполагается развод со Светкой. Партия такие фортели порицает и жестко расправляется с разрушителями семейной ячейки, как основы советского строя. Выкинь – ка на помойку свои крамольные фантазии.

Однажды, пробираясь с Алькой по навечно прокуренным коридорам университета, мы наткнулись на стайку вполне цивилизованных девушек, нещадно смоливших длинные тонкие дамские сигареты. Студентки жарко дискутировали о влиянии поэзии прошлого века на развитие цивилизации вообще и об эмансипации, в частности. Прикуривая у одной из них, Алька ненароком обронил фразу:

– Все ваши хвалёные доисторические поэты в лучшем случае – предсказатели погоды.

– Фу, какой бяка, – надула губки пухленькая шатенка. – Вы и поэтов – то не знаете.

– Вы не правы, – с достоинством произнёс Алик. – Хотите, процитирую?

И не дожидаясь согласия, начал читать:

– Осень настала. Грачи улетели,
Птички дерьмо перестали клевать.
Ворон сидит на обгаженной ели.
Ну, и погодка, едри её мать…

Девчата от неожиданности раскрыли рты, а потом та, которая была слева, в сером длинном платье, с профилем Анны Ахматовой и плоская, как доска, брезгливо процедила сквозь зубы:

– Вам, мужланам, и не понять, что такое музыка стиха. Это квинтэссенция жизни. Как тезисы ваших шпаргалок, – с сарказмом выдавила она из себя.

– Да брось ты, Нонночка, эти типы только пошлятину воспринимают.

– Почему же, – возразил я пухленькой шатенке. – Настоящая поэзия и нам не чужда. Лично я, например, Пушкина и Есенина понимаю. И Исаев, и Мандельштам мне знаком.

– Нашли чем хвастаться. Вы бы послушали Нонну, – с явным уважением взглянула на подругу шатенка. – Вот у кого талант!

– А что, это возможно? Если так, я готов посидеть с вами за чашечкой турецкого кофе. К тому же – мы журналисты и могли бы быть полезными друг другу. Как, госпожа Нонна, вы смотрите на такое предложение? – с интересом взглянул я налево.

Вечером того же дня я сидел с юной поэтессой в модном ресторане «Москва», она с удовольствием уничтожала закуски, запивала их «Цинандали», и в промежутках между блюдами читала свои, действительно приятные на слух лирические стихи. А потом она перешла к классике, и я впервые полностью услышал знаменитую, но незнакомую мне до этой встречи поэму Александра Блока «Двенадцать». Даже в танцах она нашептывала двусмысленные рубаи Омара Хаяма. К концу то ли концерта, то ли застолья она окончательно покорила меня своей необычностью и доступностью, и я уже всерьёз продумывал, где бы удобнее было её полюбить. Видимо, она это почувствовала, сказала, что хочет отлучиться в туалетную комнату, мило улыбнулась и исчезла за дверью:

– Я ненадолго.

О коварстве и изощрённой хитрости женщин я знал, но никогда не думал, что они коснутся и меня. Слишком уж преувеличивал свою значимость в общении с ними. Оказывается, меня можно кинуть, как последнего фраера: ни в туалете, ни в комнате отдыха, нигде её не было. Но вместо огорчения я, поднимаясь по лестнице, громко рассмеялся над своей наивностью. Мне – то было хорошо известно, что покорить можно любую женщину. Все они от природы любопытны, быстро привыкают к обстановке, не терпят стабильности и всегда в поиске новых приключений. Иногда мне кажется, что и в раю, и в аду они остаются такими же непоседами. Поговорку о синице в руках и о журавле в небе придумали для кого угодно, только не для них. Впрочем, всё началось ещё от Евы: запретный плод всегда сладок. Это известно каждому, а мужчинам – в особенности. Надо только знать привычки и недостатки женщины и ненавязчиво использовать их в своих интересах.

Выбранная спонтанно, по существу – тёмная лошадка, Нонна оказалась умнее. Вечно голодная, как и все студенты, она вдоволь наелась на халяву, накупалась в потоке комплиментов, натанцевалась вволю и по-английски смылась. Молодец, студенточка – заря восточная. Видимо, она посчитала, что испражнение её стихов – достаточный гонорар, входящий в мои расходы за проведённый вечер. Так что, мы были квиты.

– Что, дорогой, – догнал меня весёлый голос молоденькой девочки, – обманула?

– Эт точно, – не переставая смеяться, подтвердил я.

– Тогда пошли. Я не обману.

Своё суточное отсутствие я объяснил Светке тем, что пришлось подменить дежурного по номеру. Враньё было шито белыми нитками, и по недовольству на её лице я понял, что попал под подозрение. Ночью, чтобы как – то смягчить возникшую натянутость отношений, я, будто изголодавшийся по сексу жеребец, добросовестно трудился и поймал себя на мысли, что вчерашнее приключение мне понравилось больше. Да что это со мной происходит, чёрт возьми!

В редакции меня ожидало письмо от матери. Почерк у неё был корявый, но крупный и разборчивый. Я нетерпеливо разорвал конверт и развернул лист из тетради в клеточку. От листа исходил характерный запах сушёной воблы. Значит, торгует по – маленькому моя бизнесменша.

Первые строки повторялись с завидным постоянством, и я выучил их на всю жизнь: «Здравствуй, дорогой и любимый сыночек! В первых строках моего письма спешу сообщить, что от сего письма до настоящего времени мы остаёмся живы и здоровы, чего и тебе пожелаем». Далее следовали уверения в том, что живут они хорошо, подробные отчёты о визитах родных и знакомых, что Юра, мой младший брат, успешно обучается в

Свердловской консерватории по классу баяна и уже даёт уроки в местной музыкальной школе.

Весь тон письма был полон оптимизма, и только в последних строчках звучала жалоба на неустроенность в жизни и что против неё началась тяжба за комнату, которую они занимают. Эта сволочь – заводской адвокат, катит на неё бочки и затаскал по судам, пытаясь выгнать семью на улицу. Комната, конечно, крошечная, но ведомственная, однако в ней, пока не преставилась, жила какая – то дальняя родственница матери. Вот она и борется на правах наследницы. Пока они держатся, но кто знает, что будет завтра.

Невесёлые известия от близких меня расстроили. Кому, как не мне, бездомному, было понять, что такое – жить без своего угла. Хорошо бы чем – то помочь матери, но чем и как? Похоже, что прошлое меня не отпускает, а настоящее выставляет новые проблемы.

В августе правдами и неправдами мне удалось свалить летнюю сессию и перейти на второй курс обучения с двумя посредственными оценками. Да шут с ними. Не помню случая, чтобы при предъявлении диплома кому – то из чиновников понадобилось и приложение к нему. Главное, – корочки.

В секретариате я получил пухлый пакет программ, контрольных заданий, инструкций и наставлений, а вместе с ним десятка два книг – обязательной для изучения литературы. Но это была мизерная часть того, что предстояло перемолоть моему первобытному, девственному в большой науке мозгу. Я это понял из длиннейшего списка рекомендованных фолиантов, без знания которых авторы и деканат факультета не представляли себе будущего дипломированного журналиста. Всё это можно было найти в богатейшей университетской библиотеке, но я, с уже приобретённым опытом, знал, что самым коротким и верным путём выполнения обязательных контрольных работ – головной болью каждого заочника, – без которого вызова на зимнюю сессию не получишь, – вычислить коллегу старшего курса и добросовестно списать из его черновиков нечто подобное.

Всего найти не удалось, но половину из них я разыскал. Кроме того, мы предусмотрительно обменялись адресами с несколькими сокурсниками, для подстраховки.

По случаю успешного завершения сессии я со своими друзьями из редакции устроил скромный ужин в кафе «Север». Мы с удовольствием наслаждались ароматными цыплятами «табака», запивая еду сухим грузинским вином, вели светскую беседу о вреде алкоголя и втихаря разливали под столом принесённый с собою коньяк. Крепких напитков в кафе не подавали.

Ответственный секретарь майор Семёнов жаловался на боли в пояснице и грозился лечь в госпиталь, Толян Хоробрых мечтал о предстоящих международных соревнованиях по прыжкам с парашютом, а Серёжа Каширин надеялся, что издаст, наконец, сборник стихов, поскольку принципиальная договорённость с издательством «Красная звезда» уже имеется.

Каждый говорил о своём, наболевшем, и не было никому никакого дела до проблем, ожидающих нас на работе в понедельник. Журналисты просто отдыхали.

Между тем, именно понедельнику я обязан коренными изменениями в моей жизни и карьере. Мне предстояло выезжать в Прибылово, где расквартировался вертолётный полк, и сделать несколько репортажей об участии вертолётчиков по спасению людей с потерпевшего бедствие судна в Балтийском море. Тема о стихийных бедствиях, катастрофах и любых негативных явлениях в советской прессе, как правило, не муссировалась. Но газеты на западе как – то пронюхали о затонувшем рыбацком траулере и растрезвонили на весь мир о, якобы, полностью погибшем экипаже. На самом деле слухи были явно преувеличены, и мы уже знали, что четверых рыбаков выловили из воды наши вертолётчики.

Честно сказать, у армейской газеты не было оснований ввязываться в большую политику, не тот уровень и не та читательская аудитория. Но по каким – то соображениям Член Военного Совета приказал редактору подключиться к международной шумихе.

Фактуры на месте оказалось достаточно, и ночью я передал дежурному по выпуску очередного номера телефонограмму всю наработанную корреспонденцию.

Судя по поведению Ялыгина, моя командировка удалась. Правда, благодарности не последовало, но ровно через неделю меня пригласил к себе начальник отделения кадров политотдела майор Батехин. Гладко выбритый, с румянцем во все щёки, аккуратно подстриженный и безупречно одетый, он производил впечатление преуспевающего в службе военного чиновника, знающего себе цену. По обличию офицер отдалённо напоминал мне князя Меншикова – верного помощника и беззаветно преданного сподвижника императора Петра Великого. Разница заключалась в том, что Леонид Лукич по характеру был более сдержан, тактичен и далеко не авантюрист. Он относился к людям, про которых говорят: чужого не возьмёт и своего не упустит.

По широкой улыбке и весёлому блеску глаз майора я догадался, что предстоящий разговор обещает быть позитивным. Сердце ёкнуло в предвкушении, что мне предложат долгожданную квартиру. Однако, я оказался не прав.

– Как настроение, – назвав меня по имени – отчеству, поинтересовался начальник, когда мы расположились по обе стороны его огромного письменного стола, похоже, Екатерининских времён.

– Как учили в первом классе! – подхватив игривость в тоне майора, бодро ответил я.

Опыт общения с людьми у меня выработался, я не робел даже при разговорах с генералами, и накрепко усвоил самое главное: гиблое дело – в беседах изливать свои болячки.

Всё объясняется просто: загружая собеседника информацией о своих проблемах, ты как бы перекладываешь часть своих забот на его плечи, и волей – неволей ему приходится ломать голову, как тебе помочь. Да кому это понравится? Так что я избегал ставить людей в неловкое положение, тем более зная, что неудачников не любят и относятся к ним с сочувствием, как к больным.

– Вижу – не лукавишь, – одобрительно кивнул коротко стриженой головой Леонид Лукич, взял со стола бумагу и, поигрывая ею в воздухе, произнёс:

– Накануне я имел беседу с генералом Тюхтяевым, и он принял решение удовлетворить вашу давнюю просьбу о желании летать. Как вы на это смотрите?

Я чуть не упал со стула. Ай, да генерал, ай да сукин сын! Резок, груб, но хорош! Не забыл ведь, почти год держал в памяти, и выполнил своё обещание. Выходит, я славно потрудился, если мне выдают индульгенцию? И я, стало быть, тоже хорош? Ай, да сукин сын!

– Положительно смотрю, – расплылся я от уха до уха. – Хочется полетать, пока молод, Леонид Лукич. Думаю, журналистика от меня никуда не денется.

– Я тоже так думаю, – ответил майор. – А пока, коли вы согласны, есть мнение отправить вас в Польскую народную республику. Но, – поднял Батехин указательный палец кверху, – здесь имеется небольшой нюансик. Дело в том, что по приказу Министра Обороны мы не имеем права отправлять военнослужащих в загранкомандировку, если они не имеют жилплощади в Союзе. Но правил без исключения не бывает, – повертел он карандаш пальцами. – Так что вам решать. С ответом не тороплю, но и затягивать его нецелесообразно. Должность дефицитная и может быть аннулирована. Трёх дней вам хватит?

– Вполне, товарищ майор. Мне бы только с женой посоветоваться.

– Тогда свободны. Жду вашего решения…

Возбуждённый до крайности, я вышел из кабинета и осторожно прикрыл за собой тяжёлую дверь.

– О чём тут думать, старик, – хлопнул меня по плечу Толя Хоробрых, – когда я рассказал ребятам о своей беседе с Батехиным. – Хоть и существует поговорка, что курица – не птица, а Польша – не заграница, но люди брешут зря: по крайней мере, поправишь своё здоровье в материальном плане. Молодой семье хозяйством необходимо обзаводиться.

Серёжа Каширин в сомнении покачал головой:

– Суета сует, и суть – суета, – философски изрёк он, откинул волосы назад и разъяснил свою позицию. – Имеет ли смысл прыгать с места на место, когда есть наработки в нашей профессии? По – моему, репутация, пусть и не материальна, для человека важнее материальных благ. Здесь надо крепко подумать.

– И думать не надо, – не согласился с ним литературный сотрудник.. – В кои – то веки подворачивается богатый фарт, и не использовать его – просто грех. Кстати, приедешь на зимнюю сессию, не забудь какой ни то сувенирчик привезти.

Я еле дождался конца рабочего дня и помчался домой, представляя, как оглушительно прозвучит для Светки потрясающее известие.

Уже по моему внешнему виду жена сразу определила, что случилось что – то неординарное:

– Ты что сияешь, как новая копейка? Машину в лотерею выиграл? Или звание досрочно получил?

Я молча повесил шинель, разулся, взял на руки обрадованного моим появлением сына и уселся за стол:

– Знаешь ли ты, мальчик, – обратился я к нему, – что твоему папе предложили снова летать? – и на радостях защекотал его подмышками.

Серёжка залился смехом, я поднял его над головой и завертел в воздухе: – Вот так, вот так!

– А ты не разыгрываешь? – Светка присела рядом на краешек стула. – В самом деле? И что, снова в путь – дорогу?

– В дорогу, Светочка, в дорогу! И не куда-нибудь, а за рубеж. Как ты на это смотришь?

Светкины глаза в удивлении округлились, и она, усевшись поплотнее, приказала:

– А ну, выкладывай всё по порядку.

Не торопясь, я пересказал события минувшего дня, не упустил ни одной мелочи и закончил свою речь тривиальным вопросом:

– Что ты обо всём этом думаешь?

Светка посмотрела на меня долгим взглядом и с уважением произнесла:

– А ты молодец. Смотри – ка, добился – таки своей цели. Только вот жаль, что квартиру в городе не получили. Была бы надежда снова вернуться в Ленинград. А так, кто знает, куда забросит нас судьба после Польши.

– Не унывай, – жарко отреагировал я на её слова. – Живы будем – не помрём., а помрём – не живы будем! Значит, ты не против?

– А куда деваться? Мне кажется, ты уже всё давно решил.

Глава четвертая

Тот, кто никогда не был за кордоном, поймет волнение человека, оформляющего документы на заграничную командировку. Да так ли они жируют, эти господа, как шептались люди?

Сколько себя помню, народ наш, отрывая ото рта своего последний кусок хлеба, отправлял его в помощь голодающим.

В стране повседневно чувствовалась нехватка продовольствия, люди испытывали дефицит в жилье, одежде, элементарных предметах домашнего обихода, находились на грани выживания, но ради солидарности и во имя милосердия к далёким угнетённым товарищам делились последним. Все были глубоко убеждены, что в странах третьего мира люди десятками тысяч умирают от голода, как когда – то в России, во время мора в двадцать девятом. Что и говорить, идеологическая доктрина партии без сопротивления скользила по накатанным рельсам, и немалую роль в этом играла советская печать.

В семидесятые годы по сравнению с народом офицерский состав армии и их семьи жили сносно. Деликатесов не было, но в праздники столы выглядели вполне прилично.

Что касается предметов роскоши и всяких излишеств, о них мечтали, как о манне Небесной, и, экономя на желудках, копили деньги и годами стояли в очередях в предвкушении момента приобретения дефицитных товаров. Позволить иметь личный автомобиль могли лишь те, кто побывал за рубежом, да и то крайне редко.

Попасть в заграничную командировку считалось великой удачей, – всё равно, как выиграть дорогую вещь по лотерейному билету. Денежное содержание, которое офицер получал на родине, начислялось на книжку, а командировочных в валюте с лихвой хватало, чтобы достойно жить в стране, интересы которой тебе доверили охранять.

И если уж быть до конца откровенным, то на валюту можно было приобрести столько, что и за трёхмесячную получку в Союзе не купишь.. Поэтому каждый злотый в семьях военнослужащих, особенно у сверхсрочников и у вольнонаёмных, был на счету. Экономя и даже голодая (были такие прецеденты), советские люди по всей Польше охотились за тряпками, и, сбывая их через русские комиссионные магазины, активно копили денежку впрок.

Об этом я узнал позже, а пока стоял на перроне Брестского железнодорожного вокзала, чистого и опрятного, как Пасхальное яичко, и ощущал повсюду густую ауру сдержанной деловитости и озабоченности окружающих.

На станции состав переставляли на другие колёса: железнодорожная колея по территории Польши, по каким – то соображениям была сделана поуже.

До таможенного досмотра, как объявили проводники, было не менее двух часов, и пассажиры дружно устремились в городские магазины тратить оставшиеся рубли, да и продукты на нашей стороне, по рассказам, стоили дешевле.

Багаж мой остался в вагоне, и я налегке отправился знакомиться с внутренним содержанием вокзального помещения.

Прежде всего, обращала на себя внимание чистота и интерьер залов. На стенах висели аккуратные указатели на русском и иностранном языках, ярко горели большие театральные люстры, на жёстких диванах в окружении детей и вещей сидели женщины и вполголоса решали какие то важные проблемы.

На широкой, как ворота, двери я прочитал, что за ней находится зал, где наводят шмон бдительные клерки таможенной службы. О строгостях на границе я наслышался от соседей по купе, и хотя ничего лишнего и запрещённого с собой не вёз, испытывал какой-то дискомфорт и тревогу. Кто их знает, этих чиновников, прицепятся к чему-нибудь, стыда не оберёшься.

В роскошном ресторане, куда я зашёл пообедать, швейцар любезно пригласил раздеться, и франтоватый метрдотель, разнаряженный как артист, по ковровой дорожке с почтением, словно какую – то знаменитость, проводил меня до столика.

Немногочисленные посетители, в том числе и дети, сдержанно перебрасывались словами и щебетали. Воздух был насыщен пряными ароматами, вызывающими аппетит.

Под стопку русской водки я с удовольствием съел великолепный борщ с пампушками по-белорусски, сочную свиную отбивную с картофелем фри и, как истый джентльмен, не торопясь выкурил сигарету, попивая из чашки натуральный кофе, подливая его из кофейника.

Через час в благодушном настроении я вышел наружу. Первый этаж изучил досконально, а на второй меня не пустили – там находились служебные помещения.

Вскоре диктор на русском и английском языках пригласил отъезжающих в таможенный зал. Люди, сидящие на скамейках, оживились, И я вместе с потоком, вошёл в огромное, в пол – стадиона помещение с тремя длиннющими, окованными дюралем столами, за каждым из которых стояли таможенные досмотрщики в форменной одежде и при фуражках. Меня удивило, что среди них была и женщина.

Пассажиры ставили багаж на столы и клали рядом таможенные декларации. Я последовал их примеру, а в декларации честно признался, что бриллиантов с собой не везу, и вещей для передачи третьим лицам у меня нет.

Худой и длинный, как жердь, чиновник, в большущих, как иллюминаторы, очках ходил по ту сторону барьера и спонтанно и неторопливо выбирал жертву для досмотра. Меня он демонстративно не замечал, два или три раза продефилировав мимо.

Боковым зрением я заметил на втором этаже на балконе невзрачного человечка в гражданской одежде. Облокотившись на перила, он внимательно отслеживал, снимая, словно скрытой камерой, ситуацию в зале и психологический настрой разношерстной публики. Так мне, во всяком случае, показалось. И от мысли, что в каждом из пассажиров он видит потенциального контрабандиста, стало унизительно и от того противно.

Жердь в очках, соизволила, наконец, удостоить и меня своим вниманием. Равнодушно обшарив бесцветными глазами видимую часть моего тела и не притронувшись к выставленным напоказ вещам, он шлёпнул печатью по декларации и вальяжной походкой удалился вон. Догадался, гад, что в первый раз пересекаю границу и от того являюсь самым послушным исполнителем таможенных правил.

Без лишних вопросов я сдёрнул сумку со стойки и устремился к выходу на перрон.

В жёстком купе, куда я вскоре добрался, не хватало только меня. Двое из попутчиков были моими ровесниками, а третий новенький – крепыш ниже среднего роста и с квадратной челюстью – выглядел посолидней.

– О, авиация, – приветствовал он на правах непризнанного лидера, – забрасывай свою поклажу наверх и присаживайся к столу. Тяпнем посошок на дорожку.

Чемодан, оставленный в купе, был на месте.

У окна на расстеленной газетке уже стояла бутылка водки в окружении крупно нарезанной копчёной сельди и горкой хлеба.

– Здорово! – восхитился я, обнажив все тридцать два зуба. – Как в поговорке: с корабля – на бал. А если патруль?

– Тю, – с пренебрежением поморщился мой собеседник, – ему всё это до лампочки. В нашем поезде безобразий никогда не нарушают и водку не пьянствуют.

В проёме двери появился пограничник в безупречно выглаженной форме и со строгим, беспристрастным, как на светском приёме, лицом. Сзади, словно прикрытие, высилась дюжая фигура сержанта. Офицер неодобрительно покосился на выставленную, словно напоказ, бутылку и поджал губы:

– Прошу предъявить паспорта и вещи для проверки, – лаконично предложил он и застыл в позе ожидания.

Я молча протянул ему служебную синюю книжку, новенькую, ещё пахнущую типографской краской, он вложил её в стопку других и удалился. На багаж даже не взглянул.

Молодые ребята оказались танкистами и служили в Колобжеге, а скуластый был вертолётчиком и ехал в Легницу, где располагался штаб Северной группы войск. Документы вскоре вернули, и мы тронулись в путь.

До самой границы вдоль неторопливо движущего состава, словно в почётном карауле, стояли вооружённые пограничники, завистливо провожая нас глазами. Проплыла мимо контрольная пограничная полоса, неширокая речка Буг, и я вдруг оказался за рубежом моей Родины. Надо же, какая она узенькая.

В Тирасполе, приграничном польском городке, казалось сплошь накрытом островерхими черепичными крышами, процедура сличения паспортных данных с оригиналом повторилась. На этот раз в вагонах хозяйничали в серой, мышиного цвета форме, пограничники и жуликоватые, с бегающими глазками, таможенные власти.

Наши чемоданы не шерстили, а вот в соседнем купе пристали к даме и вывернули её баулы наизнанку. Нашли ли у неё что – то криминальное, не знаю, но пригласили к себе в контору, и только через час женщина вернулась, покрасневшая, возмущённая и злая, как мегера.

Наконец, официальная часть закончилась (всё когда – то приходит к концу) и поезд, свистнув на прощанье фальцетом, устремился в глубинные территории чужой страны.

По вагонам вереницей потянулись польские коммивояжёры, предлагая нехитрую, но броскую бижутерию, карты с полуобнажёнными женщинами и откровенную порнуху.

Я с любопытством рассматривал необычный товар, но ничего не купил, поскольку в карманах не имелось ни одного злотого.

– Можливе панове маён цось до спшеданья? – явно шипя, пытал нас тощий, как сушёный лещ, поляк. – Не? А пенёнзы? Тэж не ма? Пше прашам…

Он исчез, как приведение, а старшой, пропустив очередную порцию водяры, презрительно произнёс:

– Эти барыги скупают всё. Предложи атомную бомбу – не откажутся. Торгуют поголовно. Не держава, а рынок какой – то. Ну что, старлей, так и не пригубишь рюмашечку? Нет? Ну и фиг с тобой, нам больше достанется.

Лёжа на верхней полке, я думал о завтрашнем дне. Дело в том, что меня направили именно туда, откуда взяли – в вертолётные войска. И пусть работа на вертушках у меня ладилась, но хотелось вернуться в истребительную авиацию. А это всецело зависело от начальника отдела кадров. И от того, сумею ли я его убедить, что на истребителях буду много полезней, зависит моя судьба.

В Легницу поезд прибыл по расписанию ранним утром. Город уже не спал, и у вокзальной площади дежурили, встречающие приезжих, машины. Стоял и автобус до штаба армии, про который мне подсказали патрульные.

Серые однообразные дома под островерхими красными крышами растворялись друг в друге, и только высоченное здание кирхи в центре с позеленевшим от времени шпилем обращало на себя внимание.

Когда – то эта земля принадлежала Германии, и город назывался Лигнитц, но после войны новые хозяева подкорректировали труднопроизносимое слово на свой манер с ударением на последнем слоге.

Оставив вещи на пропускном пункте, я вошёл в здание штаба и отыскал на втором этаже кабинет начальника отдела кадров. За дверью, за широким, как футбольное поле, столом, из – за бумаг еле просматривался подполковник неопределённой национальности, но явно не русский.

– Сахады, лэйтэнант, садысь, – пригласил он меня с явно выраженным грузинским акцентом. – Ми ознакомились с вашим личным делом, и рэшили удовлетворить вашу просьбу. Вы направляетесь в вертолётный отдэлный полк на должность лётчика – штурмана. Получайте прэдписание и отправляйтэс. Тэм более, что част дислоцируэтся здесь же.

Вот как! Без меня – меня женили. Приговор окончательный, и обжалованию не подлежит? Но ведь даже обвиняемому дают последнее слово.

– Я закончил истребительное училище, товарищ подполковник. С отличием закончил. Хотелось бы вернуться на самолёты, – неуверенно заговорил я, и увидел, как у собеседника густые широкие брови с удивлением взметнулись вверх.

– Ваши лётные навыки давно утрачены, лэйтенант. Эсли вы нэ согласны с нашим предложэнием – отправим обратно. Ходи на коридор – думай.

Вот и весь разговор. А я – то возмечтал по простоте душевной, что сумею уговорить и не такого чурку, как этот барбос.

Ультиматум, предъявленный мне, был жёстким и неоспоримым. Все козыри – на руках противника, и позиция у него – выше некуда. Писать против ветра – себя обгадить. Придётся соглашаться. В конце концов, отступление – это ещё не проигрыш в войне, всего лишь манёвр для достижения победы.

Отдельный вертолётный полк и впрямь расположился на краю города. Почему он «отдельный», я не знал. Может быть, был спрятан за глухим бетонным забором? Или потому, что находился при штабе воздушной армии и в просторечье назывался придворным? Ну, хорошо, эскадрильи со статусом самостоятельности имеют право называться отдельными, потому что в полках их по четыре штуки. А вот все части транспортной авиации – почему отдельные? Даже батальоны аэродромно – технического обеспечения ?

Тридцать пять календарных лет прослужил в войсках, но так и не раскрыл великой тайны. Склонен думать, что у вертолётчиков нет дивизий, в этом, скорее всего, и вся загвоздка.

Военный городок произвёл на меня благоприятное впечатление. Сразу за КПП начиналась асфальтовая аллея с двух сторон обсаженная липами и магнолиями, а за ними над кронами просматривались жилые служебные корпуса, увитые плющом так густо, что и стен не разглядеть. Только амбразуры окон чёрными прямоугольниками поблескивали, отражая лучи полуденного солнца.

В двух шагах от проходной, с левой стороны, размещалась двухэтажная гостиница коричневых тонов, на углу которой, энергично жестикулируя, разговаривали двое мужчин.

– Эй, лейтенант, – окликнул меня один из них, когда я прошёл мимо, – из пополнения, что ли?

– Похоже, что так, – подтвердил я, опуская чемодан и сумку на землю.

– Значит, по мою душу. Я как раз и есть комендант гостиницы. Пойдём, определимся с жильём… А тумбы ты мне привезёшь, – это он уже к своему собеседнику, – я с тебя с живого не слезу…

После коротких формальностей комендант отвёл меня в скромно меблированную комнату и сказал:

– Вот здесь, значит, и будет твоё пристанище, – указал он на кровать справа. – Женат? И дети есть? Мальчик? Это хорошо. Получишь квартиру, пошлёшь вызов семье, и заживёте вы за милую душу.

Я огляделся. Стол, накрытый цветной скатертью, на столе – гранёный полупустой графин со стаканом, рядом пара стульев, в углу – видавший виды тёмной расцветки трёхстворчатый шкаф, под овальным зеркалом стеклянная полочка, заставленная мужскими аксессуарами, а под ними – раковина для умывания. Что ещё человеку нужно?

– Ты сейчас в штаб не спеши. Начальство всё равно на полётах, – сообщил комендант и посмотрел на часы. – Ступай– ка в столовую, проголодался, небось, с дороги – то? Обед у нас с двух до трёх, не опаздывай.

Распаковывать вещи я не стал, неудобно как-то в отсутствие старожила. Только достал туалетные принадлежности, умылся и привёл себя в порядок.

Заведующая столовой Галина Ивановна, красивая блондинка с выраженными признаками любви к противоположному полу, встретила меня как родного, с которым не виделась лет десять. Говорила она с явным украинским акцентом, и грудь её, на глазок шестого размера, соблазнительно перекатывалась под серым трикотажным платьем. Овальное лицо и карие глаза, припухшие сочные губы и пунцовые ухоженные щёки напоминали мне картину, на которой возлежала на постели роскошная Даная. Лет Галине было не более тридцати, а то и меньше, кто их разберёт, этих женщин, искусно скрывающих свой возраст.

– Вот туточки и будет ваше место, – указала она на пустой стол в середине обеденного зала. – Приятного аппетита!

И величавой походкой, соблазнительно покачивая крутыми бёдрами, словно Екатерина Великая, уплыла на кухню.

Обедающие рядом офицеры с любопытством поглядывали в мою сторону, явно заинтересованные появлением в их кругу новой фигуры. Слышался негромкий разговор, позвякивание приборов и едва уловимые звуки радиопередачи.

Но вот подъехал автобус, и в столовую ввалилась развесёлая летающая братва. Стало шумно, раздались взрывы смеха, колкие остроты и подначки.

За стол напротив меня плюхнулся парень в защитного цвета комбинезоне, бросил на меня пытливый взгляд, окунул указательный палец во все четыре стакана с компотом, стоящих в центре стола, и нагло улыбнулся, ожидая моей реакции.

Я невозмутимо покончил с бифштексом, и запил его фруктовым напитком.

– О, – с растерянным удивлением приподнял кустистые чёрные брови возмутитель спокойствия, – молодцом! Капитан Цыганков! – представился он. – Будем знакомы.

И протянул широкую ладонь.

– Не возражаю, – сказал я, улыбнулся и назвал своё имя.

– Из каких краёв пожаловал, старлей?

В авиации что – то скрывать не принято. И я коротко рассказал свою историю.

– Стало быть, потянуло в небо? Это и понятно: летать рождённый – не может ползать, – перефразировал он известный афоризм Горького. – Что ж, успехов тебе, старлей.

В приёмной командира полка пришлось посидеть не менее часа. То у него совещание, то входили приближённые со спешными сообщениями. Прямо министр какой – то, а не командир. Но, наконец, ожидание кончилось, и я вошёл в длинный узкий кабинет со столами, составленными в виде посадочного знака «Т».

Под портретом Министра обороны на стуле с высокой спинкой, как на троне, восседал здоровенный мужичина с седой прядью во всю голову и бесцеремонно, будто покупал коня на базаре, рассматривал меня придирчиво и с недоверием. Такому самое подходящее – хребты ломать, знатный бы из него борец получился. А вот гляди – летает.

По – человечески я его понимал: прислали какого-то типа с неуравновешенной психикой и мятущейся душой. Истребители ему не нравятся, с вертолётов сбежал, снова потянулся к небу. Болтается, прости Господи, как дерьмо в проруби, чего от такого ждать? Поманит кто-нибудь куском послаже, и поминай его, как звали. Ж– журналист, пся крев… Так примерно рассуждал я мыслями начальника, глядя на его задумчивое лицо.

– Будете летать в третьей эскадрилье с майором Хлыстовым, – выслушав мой доклад о прибытии к новому месту службы, без предисловий сказал командир полка полковник Мельничук. – В процессе работы познакомимся поближе, а сейчас ступайте, обживайтесь.

Геннадия Степановича Хлыстова я застал в канцелярии за заполнением лётной книжки. Он не стал копаться в моей биографии, спросил о налёте, посмотрел результаты контрольных проверок в лётной книжке, подводя итоги, сказал:

– А что, хорошая у тебя родословная. Получишь пару – тройку контрольных полётов, обновишь навыки и – вперёд. Да ты садись, в ногах правды нет, – запоздало предложил он и коротко обрисовал круг задач, которые выполняла его эскадрилья.

Командир мне понравился. Мягкое овальное, типично русское лицо с умными голубыми глазами, приветливая улыбка с небольшими, привлекательными ямочками на чисто выбритых щеках, неторопливая и ясная речь вполне гармонировали с ладно скроенной фигурой.

Я давно заметил, что первые впечатления при общении с новым человеком для меня становятся определяющими. Если уж понравился, то надолго, до возможного предательства или подлянки, чего я терпеть не могу. Этот, по всему было видно, не такой.

Впоследствии мои первые выводы оказались правильными. Благородства и чести у старшего офицера было ничуть не меньше, чем у Кутузова. Как правило, людей такого склада любят, а за умение достойно себя вести и оберегать честь своих подчинённых – уважают.

– У хорошего руководителя все подчинённые – умницы, – не уставал повторять Геннадий Степанович, когда кто-нибудь из командиров звеньев или инженеров жаловался на неадекватное поведение офицеров и просил призвать к порядку. – Обязанности свои они должны выполнять не потому, что приказали, а потому, что хотят их выполнять, – делал нажим на слове «хотят» комэска. – Это и является основой осознанного отношения к службе.

Летал Хлыстов в любую погоду, минимум её составлял 50 на 500, то есть, нижняя кромка облаков днём должна была быть не менее пятидесяти метров, а видимость – полкилометра. При полётах ночью эти цифры удваивались, но когда припекало, майор взлетал и садился и при худших условиях. Словом, первоклассный лётчик, и с этим замечательным мастером мне в недалёком будущем предстояло работать.

А пока я должен был выполнить несколько контрольных полётов, потому что для человека, однажды совершившего вылет самостоятельный, вывозных не бывает.

Медицинское обследование подтвердило, что я здоров, как бык, полковые инженеры пришли к выводу, что знания по конструкции и эксплуатации вертолёта и двигателя сносные, штурман полка согласился, что район полётов мной изучен, а инструкцию по технике пилотирования и действия в особых случаях я вызубрил чуть ли не наизусть.

28 июня 1963 года меня проверили по кругу и в зоне, и в тот же день я занял правое кресло и полетел по маршруту.

С воздуха хорошо было видно, как разительно отличаются здешние земные пейзажи от русских. Во-первых, поселения отстояли друг от друга на незначительных расстояниях. Не трудно было догадаться, что из-за нехватки земли. По территории Польша страна маленькая, но густонаселённая. Отсюда и теснота. Во-вторых, земли принадлежали частным владельцам, оттого везде и чересполосица.

У нас в Союзе поля засеяны сельскохозяйственными культурами с размахом, от края и до края, а здесь – каждый во что горазд. И потому под нами рваное многоцветье, как в калейдоскопе.

Полётная карта лежит у меня на наколеннике, ветрочёт под рукой, за ухом – карандаш, слева – шаг-газ, а между ног в беспокойном танце кружилась ручка управления. С приборной доски считываю показания времени, курса и скорости, определяю угол сноса и вношу поправки так, чтобы вертолёт следовал по линии пути. Я веду детальную ориентировку и в принципе всегда знаю, где мы находимся, но с этими чёртовыми названиями деревень язык сломать можно. Шипящих звуков в польской речи не меньше, чем на змеином майдане.

Хлыстов вальяжно сидит в командирском кресле и почти незаметно шевелит ручкой управления. На голове майора вместо привычного шлемофона – изящная модная гарнитура

с толстыми наушниками и выносным микрофончиком перед губами. Очень удобно, и не паришься, как в шлемофоне. Инженеры-радисты сопротивлялись нововведению, говорили, что шлемофон предохраняет голову в случае пожара в кабине вертолёта, да сами в это не верили. Лавсановые лётные комбинезоны из синтетики куда как опаснее. Они, конечно, практически не рвутся и не горят, но плавятся, как восковые свечи, и даже быстрее. Пожар на борту никакая одежда не остановит, разве что из асбеста. Нет, что ни говори, а гарнитура штука полезная. Непременно раздобуду, как только разбогатею.

Вечером после полётов у меня состоялся разговор с начальником политотдела подполковником Омельченко. Стандартные душеспасительные беседы мне порядком надоели, но от этого ритуала спасения не было.

От последней встречи я ожидал, что мне вдруг повезёт, и я получу жилище для семьи. Но чуда не произошло. Меня внесли в список очередников и обнадёжили в решении квартирного вопроса в ближайшее время. Только после этого я получал право послать вызов Светлане на оформление документов для выезда за рубеж.

Жилая зона для всех кадровых военных находилась вне пределов гарнизона, за исключением гостиницы. Основная масса семей располагалась за второй проходной в удобных красивых коттеджах, оставленных немцами после Второй мировой войны. В каждом доме проживало по две семьи с раздельными входами, но те, кто был рангом пониже, теснились в одном крыле по двое.

Несмотря на большой спальный район, часть людей проживала в городе. Здесь были свои плюсы и минусы. Обладатели коттеджей радовались близости к гарнизону, горожане – пользовались относительной свободой: недрёманое око агентов безопасности за всеми уследить не могло. Кроме того, в городе на центральной площади находился Дом офицеров и военный универмаг – место паломничества каждой женщины. По выходным в Доме устраивались танцевальные вечера и всегда отмечались государственные праздники.

На краю улицы Армии Червоной за высоким бетонным забором с колючей проволокой поверху разместилась ставка Северной группы советских войск, и Легницу заглаза называли русской столицей в Польше. Я там уже имел счастье побывать и не раз ещё здесь буду по вопросам службы и приятельским приглашениям.

В гостинице я снимал номер на двоих. Моим напарником был старший лейтенант Сабиров, по национальности татарин, по роду деятельности – оружейник. Молчаливый и флегматичный по характеру, он, если не работал и не ел, постоянно лежал на кровати, и его необъёмный живот свисал с панцирной сетки чуть ли не до самого пола. Заветной мечтой техника было желание накопить столько денег, чтобы обеспечить безбедную жизнь в старости. Ему нравилась одиозная фигура господина Черчилля, главы английского правительства и талантливого политика, и Сабиров брал с него пример.

– Ты знаешь, шкет, почему он так долго живёт, хоть бокалами жрёт коньяк и не выпускает изо рта сигары? Потому что он живёт по китайской поговорке: если есть возможность сидеть, он никогда не стоит. А по мне, если есть возможность лежать, я не сижу.

Золотая молодёжь гостиницы отдыхать и оттягиваться на всю катушку умела. В субботу любого холостяка можно было отыскать в «Полонии» или «Пиасте», самых популярных ресторанах города, а утром, отмачиваясь пивом, они резались в карты «на интерес», предпочитая игру в храп, простецкую, как кукиш. Сначала, следуя поговорке «Кто не рискует, тот не пьёт шампанского», я дико проигрывал, но потом пересмотрел свои взгляды, и с тех пор на шампанское стало хватать. Дошло до того, что перед съездом из этого дурдома, в игру меня принимали неохотно. Боря Тятькин, молодой повеса и выпивоха со второго этажа задолжал мне половину получки, и как не пытался отыграться, под нажимом офицеров вынужден был перевести на мой счёт сто пятьдесят русских рубликов. И вообще, по общему мнению, Боря слыл неудачником. Как-то после игры, демонстрируя своё безразличие к проигрышу, он так широко и смачно

зевнул, что вывихнул челюсть. Пока Тятькин бегал в санчасть, вся гостиница умирала от смеха. Когда Боря вернулся, опоздавшие начали приставать с расспросами, как это случилось.

– Как, как, – сказал в сердцах пострадавший, – вот так!

И снова зевнул, и снова вывихнул. И снова побежал в санчасть. Здесь уж и свидетели, и новички легли в гомерическом смехе.

Вскоре я научился играть и в интеллектуальный, загадочный и увлекательный преферанс. Это вам не какой-нибудь кинг или очко, знакомые мне с детства. Здесь нужна была голова и мозги. А начало всему положил Феликс Цыганков.

– Пойдём, проведаем Краснопольского, – позвал он меня к простудившемуся в разгар лета командиру звена.

Как полагается, мы взяли бутылку «Выборовой» – отборного лекарства против гриппа, и что-то из закуски, и когда пришли на квартиру, поняли, что он уже с утра лечится с приятелем. Кому-то пришла в голову светлая мысль расписать пульку, но преферанс втроём, хоть и возможен – не интересен.

– Ты что же, и в картах не соображаешь? – удивились присутствующие. – Чем же ты в авиации занимался? Ну, паря, ты даёшь! Садись, научим. И не дрейфь, новичкам всегда везёт.

Обучали меня скопом. Тот, кто сдавал, заходил за мою спину и советовал, как поступать в том или ином случае. И всё шло хорошо до тех пор, пока я не заявил, что хватит, что не нуждаюсь в посторонней помощи.

Ребята переглянулись и рассмеялись над моей неосторожной самоуверенностью.

Крах я потерпел на двух мизерах, и сумма моих убытков была внушительной. Все были довольны и посмеивались в мой адрес.

По этому поводу Краснопольский рассказал анекдот:

– Хоронят пожилого пенсионера. Умер от инфаркта. Сзади за гробом идут друзья, горюют. Один другому говорит: «Эх, Стёпа – тёпа! Ну почему ты не пошёл с семёрки пик? Он бы не без двух – без трёх остался! Ещё легко отделался»…

Я кисло посмеялся, а Феликс решил:

– Ладно, бойцы, не будем кровожадными. Лети-ка ты, приятель, в магазин и неси пару пузырей. На первый раз хватит. Не обдирать же тебя, как липку.

Приколы и розыгрыши в гостинице обожали. Вовке Ермолаеву по прозвищу «Дерево» перед отъездом в отпуск завернули в пергамент и уложили на дно чемодана два красных кирпича. С юмором Володька дружил, и когда вернулся, взахлёб рассказывал, как его шерстили на таможне.

– Это, – говорят, – что? А ну, пройдём в смотровую комнату. И как я не уверял, что это розыгрыш, заставили – таки разбить кирпичи, раздели догола и перетряхнули багаж вверх дном. Я из-за вас чуть на поезд не опоздал, паразиты…

Подумал и сказал:

– То-то я ещё перед отъездом подумал: что это у меня чемоданы такие тяжёлые?

С Витькой Киселёвым придумали номер похлеще. Прижимистый парень вечно клянчил у ребят закурить. И вечно у него были какие-то отговорки. То штаны не те одел, то магазин закрыт, то злотых не хватило. Нам это порядком надоело, и в день его рождения мы подарили ему пятьсот пачек сигарет «Новость». Витька так расчувствовался, что выставил на стол две бутылки популярной среди вертолётчиков водки «Выборовой».

Откуда ему было знать, что сигареты приобрели на деньги, снятые с его счёта. Когда до него дошло, он чуть ли не в драку полез. Но от попрошайничества мы его вылечили.

Я тоже однажды отличился. Во время обеда к лётной столовой постоянно подъезжала, запряжённая лошадью, телега за остатками пищи для свинарника. Кляча была настолько стара, что ничего не видела, не чувствовала и доживала свой век по инерции. Смеха ради я как-то сунул ей в отвисшие губы зажжённую сигарету и отошёл в сторону. Картина, я вам скажу,

вышла классная. Ребята от души хохотали. До тех пор, пока не пришёл возница, обозвал нас тварями, и всё допытывался, размахивая кнутом, чья это работа. Хорошо, что авторства на этот забавный проект я не оспаривал.

Старинный город Лигнитц, как я уже говорил, с давних времён принадлежал Германии, но после окончания войны часть польских земель отошла к России, а в качестве компенсации Польша получила обширную территорию бывшего насильника.

Проводимая политика нацистов на геноцид польского населения, в результате которой было уничтожено шесть миллионов человек, настолько запугала людей, что, боясь их возврата и мести, они отказывались заселять территорию, на которой совсем недавно хозяйничали немцы.

Чтобы выйти из щекотливого положения Лигнитц, переименованный в Легницу, получил статус Открытого города. Но и после этого предлагаемые в бесплатное пользование роскошные квартиры долгое время оставались невостребованными.

От гарнизона до городского вокзала редко, но строго по расписанию постоянно курсировал местный автобус, и это было весьма кстати. Добираться до центра пешим порядком в целях экономии русские не хотели. Но мне спешить было не куда, и, знакомясь с городскими достопримечательностями, я исходил все улицы вдоль и поперёк.

Центром города считалась площадь, объединяющая несколько вымощенных булыжником улиц. Здесь же, цепляя облака своим шпилем, стоял костёл, возведённый в шестнадцатом веке, с позеленевшей от времени крышей, строго красивый и ухоженный. По субботним и религиозным праздничным дням здесь проводились службы. Прихожан, как мне показалось, было не густо, но костёл не пустовал. Напоминая католикам об их долге перед Господом, над городом в утренние часы плыли зазывные колокольные мелодии.

Каждое воскресенье площадь превращалась в подобие наших барахолок, где за сравнительно небольшую цену можно было приобрести полезные для тебя вещи. Если нужного товара не находилось, его можно было заказать, и предприимчивые торгаши за небольшое вознаграждение доставляли его к обговоренному сроку.

Вокруг торговой площади в цокольных этажах ютились десятки частных магазинов и лавочек с широким спектром предоставляемых услуг, конкурирующих с государственными предприятиями. На фронтоне одного из них крупными буквами синела реклама на польском языке: «Естем мы задоволёны, бо купуемы в склепах PSS». Положим, PSS – это понятно, но почему магазины поляки называют склепами? У нас для склепов другое предназначение.

Особой примечательностью вещевой ярмарки является назойливость предпринимателей к русским. Как они определяют национальность, непонятно, но никогда не ошибаются. Возможно, знают всех в лицо.

Как только я впервые оказался на рынке, отбою не стало от желающих у меня что-нибудь купить. Неважно что, лишь бы провернуть сделку. Мне это порядком надоело, и, чтобы отвязаться, я в шутку шепнул одному цыганистому нахалу, что имею для продажи юани. Мужчина воспринял предложение всерьёз, сказал «пше прашам, момент» и растворился в толпе.

Догнал он меня в двух кварталах от места нашего разговора и с сожалением сказал, что предложенная валюта не нужна. А может пан ма цось иннего до спшеданнья? Да пошёл ты к чёрту, прилипала!

В кинотеатре «Пиаст» демонстрировали новый американский боевик с переводом, но я прошёл мимо. Всё равно ничего не пойму, а догадываться о сюжете по картинкам не приучен. Остался в стороне и ресторан «Полония». Но впоследствии мы в нём обязательно побываем, и не однажды, в пику нашим органам, зорко оберегающим моральные устои советского общества. Здесь произойдут трагикомические события, которые поставят под сомнение моё членство в партии и, стало быть, дальнейшее пребывание за границей.

В каких-то ста метров от ресторана за стволами лип и клёнов просматривалась глянцевая поверхность городского пруда. Рядом с берегом величаво и неторопливо плавала пара чёрных лебедей, с изыском подбирая с поверхности угощение пожилой дамы.

Напротив, через дорогу, утопая в цветах, белело одноэтажное здание пивного бара. О широком ассортименте питейного заведения мне уже все уши прожужжали, и не посетить его было бы преступлением.

За стеклянными дверями, окружённая высокими пуфиками на стальных ножках, возвышалась стойка, за которой работал мордастый бармен в чёрно-белой паре. Позади него прямо из стены, инкрустированной морёным под дуб деревом, торчало полдюжины отполированных бронзовых кранов, над которыми висели аккуратные таблички с названиями сортов пива. По числу кранов посетителям предлагалось пиво ясне, тёмне, дубельтове, – сладковатое на вкус и потому популярное у женщин, портер, кжепке и ещё какое-то, названия которого я не разобрал. Цимус заключался в том, что оно доставлялось в пивную прямо с завода по пивопроводам.

Бар был обставлен круглыми мраморными столиками, вокруг которых стояла разношерстная публика. Закусок здесь не подавали, и разодранная вобла на отдельных столах служила верным признаком, что вокруг неё стоят наши люди. Что касается поляков, то они считали, что запивать рыбу пивом – признак дурного тона.

Я взял высокую кружку портера и придвинулся к столику с вяленой чехонью. Двое мужчин и одна женщина, прекратив дискуссию, сразу же обратили на меня внимание. Как подобает в этих случаях, я представился, люди назвали себя, и мы познакомились. Оказалось, что они москвичи, служат в Варшаве по части снабжения, приехали в Ставку по делам и по рекомендации друзей решили посетить это замечательное заведение. Через пять минут я уже на равных с наслаждением поглощал жирную рыбу. Щедрот у русских не занимать.

Портер оказался и впрямь отличным. Совсем не такой, как у старухи Изергиль. Ни она сама, ни её клиенты не знают, кому впервые пришла в голову мысль назвать скромную женщину именем знаменитой горьковской героини, но прозвище пришлось ко двору и навек прикипело. Эта толстая полячка с пальцами, похожими на сардельки, держала пивной ларёк на пути из гарнизона в город и имела неплохой бизнес. Место как бы и на отшибе, но редкий прохожий русский пройдёт мимо, не утолив жажды в разгар жаркого лета. За стеклом у старухи красовалась поговорка на русском языке: «Кто пиво пьёт, тот сто лет живёт!». Пиво у старухи было тёплым и несвежим, вряд ли на таком доживёшь до полувека, но не дорогим. Злые языки поговаривали, что она разбавляет его своей мочой. Когда я услышал эту фразу, меня чуть не стошнило. Тем не менее, у её ларька постоянно кучковалась наша братия – военные, останавливаясь побазарить на нейтральной земле между работой и домом.

Вскоре я познакомился с национальной польской кухней. Больше всего мне пришлась по вкусу свиная голонка с тушёной квашеной капустой. Голонка – это голень по-нашему. Мать моя частенько варила говяжьи голени для холодца, на местном диалекте называя их лытками. Но чтобы студень был помясистей, она их измельчала, а здесь подавали целыми кусками. Съешь такую громадину, и сыт на весь день.

Изысканной закуской показалась и селёдочка в горчичном соусе. Особенно под водочку. А вот «татары» мне совершенно не понравились. Толик Бахтин – рубаха парень – угостил на похмелье. Обыкновенный сырой фарш в виде бифштекса. Слеплен в форме корзиночки, и с разбитым яйцом в ямочке. Правда, к блюду прилагался целый набор приправ, и сухих и жидких во флакончиках.

Повар в высоком белом колпаке тщетно пытался объяснить последовательность доведения полуфабриката до съестного состояния, но голова болела от вчерашнего непомерного возлияния, а когда поправилась, я проглотил бы не только бифштекс, перемолотый в манную кашу, но и кусок сырого мяса, даже несоленого.

Аэродромы – не люди, они не имеют национальности, и каждый в своём составе оборудован типично. Есть взлётно-посадочная полоса, окаймлённая световыми огнями различного предназначения, дальний и ближний приводы для захода на посадку в простых и сложных метеорологических условиях, система пеленгации и, конечно, стартовый командный пункт во главе с руководителем полётов.

В стороне от ВПП расположены ангары для ремонта и хранения техники, где находятся, кроме прочего, инженерные каптёрки с запасными частями различного предназначения.

От немцев в наследство полякам досталась бетонированная полоса и два громадных высоких ангара, остальную технику перебросили из Союза. Вертолётов в полку немало, и для каждого была определена стоянка под открытым небом. Вертушки были всегда зачехлены, если не летали или на них не производились регламентные работы.

Кроме нашего полка на аэродроме базировалась отдельная транспортная эскадрилья, оснащённая летательными аппаратами типа «АН-2» и «Ил-12». Как правило, самолёты были в разлёте и вместе собирались только по праздникам.

Штурман нашей эскадрильи Иван Иванович Агафонов уверял, что на «Ли-2», списанном за древностью, но ещё стоящем на приколе в сторонке от всех, в сорок четвёртом году он вывез золотой запас Чехословакии.

– Ровно тысячу двести килограммов, тютелька в тютельку, доставили из Праги прямо в Москву, – с гордостью говорил майор, словно золото принадлежало ему лично. Как специалист, он был профессором своего дела, а как человек – прост и доступен, и пользовался непререкаемым авторитетом в разрешении конфликтных ситуаций. К «Ли-2», на котором летал в войну, он относился, как к старому другу, и высказывал надежду, что найдётся какой-нибудь умный человек и определит заслуженную машину в музей авиации.

Умник нашёлся, только не из историков, а из вполне предприимчивых поляков.

В один из воскресных августовских дней ранним утром часовой задержал грабителя, который на быках решил угнать знаменитый самолёт со стоянки. Когда разбойника доставили в караульное помещение, он стал божиться, что не совершал противоправных действий и купил машину вчера вечером у русского жолнежа. Вычислить часового, стоящего в указанное время на посту, для начальника особого отдела полка старшего лейтенанта Папшева не составляло труда.

– Та я шо ж, – с готовностью вытащил пачку денег солдат с явно украинским акцентом, – пошутковал. Вин дае мэни гроши, я и взял.

Незадачливому бизнесмену вернули деньги, солдата сняли с наряда и здесь же посадили на гауптвахту, а инцидент использовали в дипломатических дискуссиях с местными властями.

Не всегда, однако, солдатские шуточки обходились мирными путями. Месяца через три двое архаровцев, возвращаясь в казарму с ближней приводной радиостанции, повстречали поляка из рядом расположенной деревни. Поляк попросил помочь забить быка за приличное вознаграждение.

– Нет проблем, отец, – почуяв халтуру, обрадовались ребята и рано утром явились по указанному адресу.

Бык – животное серьёзное, при случае может и на рога поднять, поэтому, чтобы свести риск к минимуму, солдаты раздобыли у друзей двухсотграммовую тротиловую шашку, бикфордов шнур и детонатор. Поляк засомневался было в благополучном исходе авантюрной затеи, но солдаты уверили, что взрыв будет направленным и что всё будет о,кей. Сообразили, однако, что забивать скотину во дворе опасно, и привязали её на всякий случай к одинокому дереву, стоящему на огороде. Рассчитали, казалось, всё, заботливо закрепили брусок тола на лбу приговорённого, но бык повёл себя непредсказуемо. Когда запалили шнур и отбежали на приличное расстояние, испуганный огнём и дымом, он начал мотать головой из стороны в сторону, сорвался с привязи и кинулся в хлев. И как только исчез в проёме ворот, тут и ахнуло! Да

так, что прихватило на тот свет ещё полдесятка бурёнушек, не пожелавших идти на похороны мужа, а хлев раскидало по брёвнышку.

Когда этот случай получил огласку, вся Группа войск потешалась от смеха, а потерпевший выставил счёт за причинённые неудобства, и солдаты отстроили животноводу новое подворье, возместили материальный ущерб в троекратном размере, а исполнителей упрятали в дисциплинарный батальон на три года.

Поляки за личную собственность постоять умеют, и даже за случайно задавленную русской машиной курицу требовали баснословную, словно за дойную корову, компенсацию, скрупулёзно подсчитав, сколько бы пеструшка могла снести за свою жизнь яиц, оставшись в живых. А куры у поляков сплошь долгожители…

Газета «Знамя Победы» отыскала меня по своим журналистским каналам. Моё имя, оказывается, уже муссировалось среди сотрудников армейской прессы. Осознание того, что где-то далеко у меня есть неизвестные доброжелатели, подливало топлива в тлеющий костерок тщеславия.

Письмо со штемпелем издательства вместо обратного адреса вызвало у обитателей гостиницы неподдельный интерес. Конверты с таким оформлением сюда не приходили. Мне не хотелось афишировать свою причастность к журналистике перед разудалой публикой, ревниво относящейся к успехам соплеменников и порождающей зависть, и я придумал версию, что консультировался у специалистов по вопросу оказания социальной помощи престарелым родителям.

Собственно, я был недалёк от истины. Мать с отцом и с младшим сыном навсегда оставили постылый барак на Урале, перебрались в родной Сталинград и испытывали острую потребность хоть в каком-то угле и прописке. Без жилья не было прописки, без прописки не было работы. Читай хоть спереди, хоть сзади, а получается замкнутый круг, разорвать который простому мещанину невозможно. Правда, мать со свойственной ей активностью нашла небольшую комнату на Красном Октябре и даже прописалась на правах дальней родственницы хозяйки, но площадь была ведомственной, и заводской адвокат из кожи лез, чтобы выгнать её на улицу. И начались судебные тяжбы, опустошающие и без того тощий кошелёк ответчика и выматывающие ему нервы.

Чтобы как-то свести концы с концами, отец нелегально устроился грузчиком на винный завод и был и сыт, и пьян и нос в табаке. Однако его постоянные приходы домой навеселе матери никак не нравились, и, несмотря на приличную зарплату, она заставила его уволиться.

Юра заканчивал учёбу в музыкальном училище по классу баяна и по совместительству устроился преподавателем в музыкальную школу на полставки. Какой ни на есть, а всё же денежка.

В промежутках между судебными разбирательствами мать приторговывала на местном базарчике жареными семечками и вяленой рыбой.

Отец стал разнорабочим в продуктовом магазине, но не ужился в коллективе. Как-то раз он застукал старшего продавца за разбавлением сметаны кефиром, и со свойственной ему прямотой высказал всё, что он о ней думает…

Вместо ответа на предложение сотрудничать я послал в редакцию зарисовку о майоре Агафонове, и когда её опубликовали, Иван Иванович проникся ко мне чувством отеческой признательности.

Дня через три меня, как автора, пригласили к Омельченко. Начальник политотдела высказал удовлетворение по поводу выхода в свет первого материала, но настоятельно рекомендовал впредь обговаривать с ним намеченные мной планы. Такая постановка вопроса меня не устраивала. Я понял, что наш идейный бог решил посадить меня под колпак, и что я буду плясать под его дудку. Однако я не стал высказывать свои догадки вслух, в принципе согла-

сился с его доводами, но заметил, что журналистика – дело творческое, и не всегда удаётся совмещать желаемое с экспромтом. И потом иногда возникают темы, не терпящие отлагательства.

Не дразните гусей, господа! Да и есть ли в этом необходимость? Крикливая и агрессивная птица переорёт самых лучших ораторов. Не зря бытует мнение, что они спасли Рим.

То ли заявление о себе в прессе, то ли очередь подошла, но и месяца не прошло, как мне предложили небольшую комнатёнку в районе коттеджей, почти рядом с гарнизоном. Дом принадлежал инженеру эскадрильи капитану Титову – с одной стороны, и лётчику-штурману старшему лейтенанту Егорычеву – с другой. Как и другие, коттедж от пешеходной дорожки отделяла ажурная чугунная решётка с палисадничком, густо засаженным цветами, а на задах росло несколько фруктовых деревьев и кустарник – ягодник. На малюсеньких грядках, как напоминание о родине, женщины выращивали лук, петрушку, морковь и другую полезную для здоровья зелень.

Мне так надоело одиночество, что я тотчас согласился на заселение, отправил разрешение на выезд семьи и дал телеграмму Светлане, чтобы упаковывала вещи. Но прошло ещё долгих три недели, прежде чем мы увиделись.

Соседи встретили приезжих, как родных, живо интересовались новостями с родины, закидали вопросами, и готовы были поделиться всем необходимым для обустройства дома.

Ниже среднего роста, но спортивного телосложения инженер Титов в эскадрилье слыл своим человеком, которому ничего человеческое не чуждо. И работал, как вол, и выпить при случае был не дурак. Русские оцениваются, прежде всего, по этим параметрам.

Под стать мужику была и его вторая половина – крепко сбитая говорливая женщина лет тридцати пяти с красивым овальным лицом и чёрными, вразлёт, бровями. Когда Светка пожаловалась на головную боль, она уверенно успокоила:

– Ничего, живот на живот – всё заживёт!

У Егорычева, тощего, высокого и скуластого блондина, была такая же худая, болезного вида жена Лизавета с претензией на интеллигентность. Как всякая женщина, она любила модно наряжаться и носила вычурные заграничные шляпки в любое время года. По характеру общительная, Лиза втайне страдала неизлечимым, жгучим недугом – завистью. Вполне возможно, что этим и объяснялась её худоба.

Их сын – карапуз, откормленный, весёлый краснощёкий крепыш, совсем не похожий на родителей, выглядел постарше моего Серёжи, и на правах старожила сразу захватил лидерство в затеях и играх. Большой озорник и выдумщик, не по годам развитый, он мне нравился своим неординарным мышлением. То тапочки к полу прибьёт, то солонку опорожнит в кастрюлю, то розетку забьёт спичками. Жук – короед какой-то с криминальным будущим.

Возвращаясь из командировок, я всегда привозил небольшие подарки сыну и его другу. Лизавета категорически возражала против этого, чем ставила меня в неловкое положение. У неё было правило: чужого не брать, своего не транжирить.

Делить молодым нечего, и до поры, до времени наши семьи уживались в мире и согласии.

Невезучие любят повторять: знал бы, где упасть, – соломки б подстелил. Я не причислял себя к неудачникам, но жизнь выставляла проблемы, которые при разумном подходе можно было предусмотреть. Зачем, спрашивается, тащить за рубеж всякую дребедень вместо того, чтобы запастись учебной литературой. Когда я вплотную приступил к выполнению контрольных работ, оказалось, что большинство поставленных вопросов зависли в воздухе. В библиотеках подходящего материала не нашлось, и я ломал голову, как протранскрибировать дурацкое задание. Как я понял, требовалось слова переложить на звуки с помощью слов? Но как? Выход оставался один – включить сигнал SOS и уповать на судьбу.

Студент, да ещё заочник, по натуре своей существо безмятежное, но если жареный петух клюнет в задницу, он проявляет такую творческую энергию, которой хватило бы выиграть новую мировую войну.

Я немедленно разослал письма о помощи по всем адресатам, которые успел записать на летней сессии, уповая на то, что возможности справиться с контрольными работами в местных условиях практически равны нулю. Ребята немедленно откликнулись, но только Лысенко прислал материал с готовыми работами совершенно другого варианта, чем был у меня. Кому нужны эти точности, пояснял он в сопроводительной записке, и какой уважающий себя профессор будет проверять, те ли задания исполнил студент. Его дело – оценить переданную на проверку макулатуру и поставить диагноз: «да» или «нет». Прокукарекал, а там – хоть не рассветай. «Так что, не сомневайся, брат. Я эти контрольные у ребят с параллельного курса взял. Что поделаешь, наука требует времени, а где его взять, когда кругом – одна работа», – писал Альберт.

Сроки отправки контрольных работ стали критическими, других альтернатив не было, и я, закрыв глаза, как перед первым прыжком с парашютом, и, замирая от страха перед разоблачением фальшивки, отправил их в университет.

Глава пятая

За неделю до начала Нового года во всём цивилизованном мире и примкнувшей к нему Польской Народной Республики начинались Рождественские торжества. Праздники были культовыми, и официально в Союзе ССР не отмечались, поэтому на дополнительные выходные рассчитывать не приходилось. Впрочем, у кадровых военных рабочий день не нормирован, и где бы ты ни находился, дома ли, на рыбалке или в отпуске, по приказу командира в кратчайший срок обязан явиться в часть. Отговорки типа «я не знал» не воспринимаются. Чтобы вообще изъять эту фразу из армейского лексикона, каждому предписывалось, выходя из дома, оставлять записку, где его можно найти. Так что по большому счёту я всегда находился под присмотром. Не припомню, однако, случая, чтобы сигнал тревоги поступал в новогоднюю ночь. Начальству тоже хотелось покоя.

Не знаю, кому как, а мне выбирать подарки для близких и неблизких – сущее мучение. То, что нравится тебе, – не всегда по карману, хотя во всём мире считается, что главное – не цена, а внимание. Может так оно и есть, но неизменно хочется подарить что-то экстравагантное, неординарное, вызывающее удивление.

Как бы там ни говорили, но идеальным на женщине смотрится костюм Евы. Так я думаю. Дяди тратят уйму времени, чтобы задрапировать свою пассию в дорогие наряды, но лишь только для того, чтобы снять их в интимной обстановке. И я давно заметил парадоксальную вещь: чем длиннее платье на предмете твоего обожания, тем легче оно снимается. Я не жадный, мужики, возьмите это себе на заметку.

В Колобжеге, в гарнизонном военном универмаге, где мне пришлось побывать накануне, я приобрёл для жены потрясающую вещь, – французский гарнитур нижнего белья и пеньюар. Прозрачные газовые трусики в затейливых кружевах и рюшечках и воздушный бюстгальтер не только не скрывали интимных прелестей супруги, они активно требовали освободить их от условного заключения. Гарнитур был серовато – голубеньким, идеально сочетался с цветом Светкиных глаз и дико возбуждал.

Серёже я от имени Деда Мороза подложил под разнаряженную ёлку детское духовое ружьё, пусть привыкает парень к профессии папаши.

Праздник, начатый в узком семейном кругу, через час объединил всех обитателей нашего дома. У Титовых детей не было, и мы славно устроились на их кухне. Пили за присутствующих, за родителей, за друзей и знакомых, пили за живых и мёртвых. Когда порядком нагрузились, кому-то в голову пришла бредовая мысль пойти в офицерский клуб на танцы. Почему бы и нет, если душа требует оттянуться по полной? Пей, гуляй, Вася, однова живём!

Клуб от выпитого спиртного еле стоял на ногах. Но благодаря присутствию начальника политотдела вёл себя достаточно пристойно. Слегка поддатые полковые трубачи лихо играли фокстроты и вальсы. Нарядные пары танцевали, и только заядлые билиардисты с увлечением гоняли шары по зелёному полю стола в насквозь прокуренной комнате.

Всё было бы хорошо, но ни с того, ни с чего ко мне пристал изрядно выпивший Вовка «Дерево»:

– Нет, ты скажи, почему с нас партия гребёт двойные налоги?

– Как это?

– Посуди сам: получку в валюте перечисляют в рубли, и мы платим в партийную кассу положенные три процента. И, кроме того, три процента высчитывают с валюты. Кому-то это надо, а? Ох, дурят нашего брата! Ох, дурят!

– Не мелочись, Вова, – посоветовал я.

– Да мне не жалко, – махнул он рукой. – Но где справедливость? Ты журналист, вот и объясни.

– Иди – ка ты на хрен со своими проблемами, – решил я уйти от щекотливого вопроса, и в этот момент появился Омельченко. Неужели подслушал наш разговор? Тогда беды не оберёшься. Партия не любит, когда роются в её карманах.

– В чём дело, ребята, – строго спросил полковой идеолог.

– А ни в чём, – мгновенно отреагировал я. – Вас это не касается.

Резкий тон и неприязнь в моём ответе не понравились подполковнику. Он обиженно поджал и без того тонкие губы, промычал что-то неуловимое и отошёл в сторону. Так-то лучше.

О мимолётном разговоре я и думать забыл, но начальник политотдела о нём напомнил.

– Как вы, молодой перспективный офицер, могли оскорбить меня в глазах подчинённых своим пренебрежением? – начал он отчитывать, когда я оказался в его кабинете. – Я могу понять неотёсанного солдафона, но вы-то, с вашим интеллектом… Возмутительно!

Вот это да! Я и не подозревал, что подполковник так самолюбив и тщеславен. Вот ведь как оказалось: нужно было лизнуть, а я по неопытности гавкнул.

В смущении я пролепетал свои извинения, и клятвенно заверил, что никак не хотел испортить настроение глубоко уважаемого мной человека, что готов за ним в огонь и в воду, и если потребуется… И т. д., и т. п.

Кажется, мне удалось убедить начальника в безусловной преданности и нежной своей любви к нему. Свирепый взгляд его потух, и к концу аудиенции голос смягчился. Повинную голову и меч не сечёт, на этот раз вроде бы пронесло, но кто знает, как поведёт себя дальше растревоженная кобра. Возьмёт и зарубит мой выезд на зимнюю сессию. Рекомендации-то Лысенко, к радости, сработали, контрольные зачли, и я уже имел на руках приглашение на факультативные сборы.

Военнослужащему учиться на заочном отделении ВУЗа накладно. Кроме проездных документов никакой денежной компенсации не положено. Даже зарплату выдают из расчёта сто рублей в месяц, и ни копейки больше.

Надо было выкручиваться из создавшегося положения, кормить себя и семью, и я посоветовался с Егорычевыми, как разрешить возникшую проблему.

– Да проще простого, – сказала Лизавета, гремя на кухне кастрюлями. – Вези в Союз пару – тройку дивандеков, нейлоновые покрывала или болоньевые плащи, сдавай в комиссионку, и компенсируешь расходы. Вещи модные, с руками оторвут.

Дефицитные тряпки я приобрёл через друзей и по простоте душевной похвастался ими перед соседкой.

– Надо же, – позавидовала Лизавета, – и как тебе это удалось?

– Не имей сто друзей, а живи, как Аджубей, – перефразировал я известную поговорку, намекая на родственные отношения известного журналиста с главой правительства.

– Молодец, – одобрила она и пожаловалась: – А мой-то – тюхтя в этом плане.

Благополучно миновав Брестскую таможню, я прибыл в Ленинград и остановился в гостинице «Октябрьская». Номер был однокомнатный и, главное, с душем. «Вот вырасту, выучусь, – мечтал я, подставляя лицо под ласковые струи тёплой воды, – обязательно приобрету квартиру с ванной и душем и буду мыться по два раза в день».

Уладив дела с комиссионкой, я помчался в университет. Прошло полгода, но здесь ничего не изменилось. Дымили сигаретами, подпирая плечами двери аудиторий и оккупировав широкие подоконники студенты, взахлёб читали и не могли начитаться перед экзаменами заочники, сновали с бумагами и списками в руках клерки, и над всем этим висела нескончаемая аура озабоченности, зубной тряски и нервозности.

В деканате мне вернули проверенные контрольные работы, выдали расписание обзорных лекций и консультаций по предметам, вынесенным на испытания, и порекомендовали, не откладывая дела в долгий ящик, приступить к подбору рекомендованной для дальнейшего

обучения литературы. По опыту зная, как часто порой выручают нас секретарши, я подарил девушке коробку польских конфет.

Альку Лысенко в гражданской одежде трудно было узнать. В роскошном бостоновом костюме цвета морской волны, в светлой рубашке и при галстуке, в модных коричневых ботинках, он больше подходил к преуспевающим учёным, нежели к бедным студентам – бессребреникам.

– Клад отыскал или наследство получил от богатого дяди? – приветствовал я его, с интересом и со всех сторон разглядывая, как Тарас Бульба своего сына.

– Сам ты ненормальный, – обнял меня североморец. – У меня в кармане – вошь на аркане. А с тебя причитается. Или нет?

Я замялся, просчитывая, хватит ли у меня денег, чтобы оплатить номер прежде, чем получу комиссионные.

– Ладно, не бледней, – похлопал он меня по плечу. – Башли есть.

Вечером мы гудели в ресторане «Москва», пили коньяк и жевали красную икру. Слащавая чёрная, она нам была не по нраву.

Ближе к полуночи незнакомый нам гость во всём, не по сезону белом, начал выступать и бить зеркала бутылками. Пришёл наряд милиции и угомонил дебошира. Говорили, что это был сам Михаил Дудин, знаменитый поэт города Ленинграда, всей страны и её окрестностей. Мы смылись от греха подальше, но в версию ресторанных сплетников я не поверил. В прошлом году я видел Дудина. Этот был не похож. Мало ли что кому-то спьяну покажется.

Сербско-хорватский писатель Бронислав Нушич, великий сатирик и по-английски тонкий юморист, в своей «Автобиографии» описывает момент окончания школы. Учёба в бурсе ему настолько обрыдла, что он, получив аттестат зрелости, бежал галопом по улице, в восторге размахивал документом в воздухе и орал во всё горло:

– Я созрел! Я созрел!

Эйфория молодого человека вполне объяснима и вызывает весёлое сочувствие. Оставить за плечами сотни контрольных проверок, зачётов и экзаменов, навсегда избавиться от мандража и постоянного страха перед преподавателями, впервые почувствовать независимость и свободу, – что может быть прекраснее этого ощущения!

Рано радовался сатирик. От проверок, всякого рода инспекций и связанных с ними решений проблем, пока жив, никуда не денешься. Именно жизнь предъявляет нам бесконечный поток вопросов, для ответа на которые требуется – жизнь.

Исходя из личных соображений и опыта, каждый школяр разрабатывает собственную тактику сдачи экзаменов. Одни считают, что лучше не тянуть резину и идти на экзекуцию в числе первых. Экзаменатор не дурак, и понимает, что если у тебя пусто в голове, вряд ли ты рискнёшь совать её в пасть льва первым. И это правильно. Другие предпочитают заходить в аудиторию последними. К этому времени твой оппонент, рассуждают они, наслушается такой белиберды и так отупеет, что думает только об одном: скорее бы закончилась никому не нужная свистопляска и отправиться бы домой, попить бы чайку, отдохнуть от трудов праведных. И это тоже правильно. Третьи глубоко уверены, что в психологическом плане лучшим временем получить заветный зачёт являются часы послеобеденные. Умиротворённая утроба преподавателя расслабляется, агрессивность сходит на нет, и он настроен выслушать ваши непредсказуемые словоизлияния и доверительные измышления вполне демократично. Да и способен ли человек после приёма пищи на какой-то анализ?

Я отношу себя к категории нетерпеливых. Главное – нырнуть первым, а там посмотрим, что из этого получится. Поэтому и на сдачу экзамена по основам технологии промышленности решил прийти пораньше. А чего тянуть, всё равно ничего не знаю. Учебник, просмотренный за ночь по диагонали, в памяти даже царапин не оставил.

Картина, представившаяся перед моими глазами, ввела в оторопь. К закрытым ещё дверям аудитории рвались полсотни мальчиков и девочек, напрочь забыв о правилах хорошего тона. Такого столпотворения я не видел с послевоенного детства, с тех пор, когда сотни людей атаковали хлебные магазины.

Всё объяснилось после прихода плотненького, энергичного и до ушей улыбающегося мужчины с папкой в руках. Он открыл дверь, и студенты, сметая преграды на своём пути, ринулись занимать последние столы.

– Что ж, начнём пожалуй? – предложил преподаватель, когда все угомонились. – Билеты все взяли? Замечательно! Кроме того, вы должны ответить на дополнительный вопрос. Вы вот, – обратился он к молодому человеку, сидевшему впереди. – Где работаете? О, в кузнечно-прессовом цеху! Штампуете? Тогда расскажите технологию заготовки промышленных полуфабрикатов.

Подобные задания получал каждый.

– А вы?– дошла очередь и до меня.

– Летаю на вертолётах.

По растерянности на лице профессора я понял, что с этой стороной деятельности он не знаком, и решил ему помочь:

– Может вас заинтересует технология производства регламентных работ на геликоптерах?

– Просто замечательно! – обрадовался преподаватель. – Действуйте!

Про выплавку стали я добросовестно списал с учебника, а когда представил пооперационный график движения вертолётов в ТЭЧ, профессор чуть не прослезился:

– Отлично, просто отлично, молодой человек.! Давайте зачётку…

Уже потом, подбивая итоги экзаменов, мы выяснили, что исключительно все студенты мужского пола получили отличные оценки. Девушкам преподаватель ставил «хорошо».

– У них по природе на один балл меньше, – усмехнувшись, прокомментировал этот феномен циник Лысенко.

Сдача зачёта по основам агротехники, зоотехники и механизации сельского хозяйства происходила намного веселее. Филиал этой кафедры находился на пятой линии Васильевского острова и совершенно не походил на учебное заведение. Три девчонки в белых халатах сидели над микроскопами, окружённые десятками пробирок и колбочек, и мгновенно навострили уши, как только я появился на пороге. Явное любопытство к человеку в авиационной форме позволило сделать вывод, что девушки озабочены решением своих судеб. Они немедленно доставили профессора Теплова из недр лаборатории и скромно склонились над столами.

– Так, так, – оглядел меня с головы до ног холёный и душистый профессор, – а вы уверены, что готовы к беседе?

– Так точно, товарищ генерал! – пожирал я глазами его круглую, похожую на колобок, фигуру.

– Эк, хватил, голубок, – снисходительно, но уже с интересом снова оглядел меня бородатый мужчина. – Хотя по статусу, – почесал он в затылке, – званию этому соответствую. А вы читали последнюю книгу академика Лысенко?

Надо же, обрадовался я такому совпадению, и протянул увесистый труд учёного, только что купленный у входа на улице.

– Не успел, но обязательно прочитаю. Времени нет, завтра на службу улетаю. Вот и билет купил, – вытащил я для убедительности авиадокументы.

– Мм-да, – в раздумье выдавил из себя популярное междометие Теплов, – ну, что ж, попробуйте, – и протянул пачку контрольных билетов.

Нагло демонстрируя свою самоуверенность, я выдернул из стопки прямоугольный квадратик и уставился в текст: «Клевер и люцерна. Породы коров. Приготовление и хранение

силоса». Батюшки мои, да откуда я мог это знать, если кроме картошки ничего в жизни не сажал? Светку бы сюда. Уж она-то отвела бы душу.

– Всё понятно?– с хитрецой склонил крупную голову Теплов. – Тогда так: я отлучусь по делам минут на сорок, а вы готовьтесь.

– Девчонки, горю синим пламенем! Выручайте! – взвыл я, призывая лаборанток к солидарности, как только дверь за профессором захлопнулась.

Через пять минут передо мной выросла гора литературы высотой в полметра.

– Это несерьёзно, девчата. Я и за день не смогу перелопатить ваши фолианты, а времени у нас двадцать минут. И если вы действительно хотите распить бутылочку шампанского в узком кругу ограниченных лиц, каждая в тезисах должна набросать ответы по заданным направлениям. Я умный, в записях разберусь.

Наверное я им понравился, потому что к приходу профессора у меня уже сложился план беседы. Но Теплов тоже был оригинален. Вскользь выслушав мои познания по травам, он вдруг спросил:

– А почему люцерну выращивают на юге, а клевер в средней полосе?

– У люцерны корневая система мощная.

– Гут. А чем отличается бык от вола?

Это уже после ответа на второй вопрос.

– Как будто вы не знаете, – обиделся я. – Бык – он муж коровы. А вол, пардон, кастрат – животное рабочее.

– Абсолютно рихтих, – похвалил Теплов мою осведомлённость и заодно хвастаясь знанием немецкого языка. – А то едет как-то ваш брат-журналист в поезде, увидел лошадь и восхитился: «Вот это коняга!». А крестьянин – попутчик замечает: «Был конём, а стал мерином». Как так? А так, новую породу вывели путём скрещивания. Ну и опубликовали вскоре статью о новой породе лошадей.

И профессор зашёлся в мелком ехидном смехе.

О силосе оппонент точно всё знал, потому что слушать не захотел. Зато задал вопрос на засыпку:

– А вот едут две подводы с навозом. От одного пахнет хорошо, от другого – плохо. Какой лучше?

Да откуда военному лётчику знать такие пикантности? По мне – они оба воняют. Зато у пилотов крайне развита наблюдательность и ориентировка. Боковым зрением я засёк, что одна из девиц держит указательный палец вертикально вверх.

– Господи, и глупому ясно, что по качеству лучше первый, – с обидой в голосе оскорбился я.

– Что ж, вопросов больше нет, – удовлетворённо хмыкнул профессор и придвинул к себе зачётку.

Вечером кафе на Невском, что расположено рядом с кассами Аэрофлота (куда, кстати, я вернул, купленный для обработки экзаменатора билет), разорилось на две бутылки «Цинандали» и четыре порции цыплят – табака.

За услуги симпатичных лаборанток джентльмену надо платить.

Экзамен по русской литературе 19-го века я сдавал в перерыве между парой лекций и чуть не завалил. Молодая, мне ровесница, особа в роговых очках, безумно влюблённая в свой предмет, затерроризировала дополнительными вопросами, и если бы не Михаил Юрьевич Лермонтов, «Песню про купца Калашникова» которого я в далёком детстве на спор выучил чуть ли не наизусть, – быть бы в зачётке первому «неуду».

Впоследствии, умудрённый горьким опытом, я, по мере возможности, избегал встреч с преподавателями моложе меня возрастом. Но если они происходили, я предпочитал нефор-

мальную обстановку: в театре, ресторане, на набережной Невы, дома, в бане, наконец. И никогда осечки не происходило.

Было бы невежливым, находясь в Ленинграде, не нанести визит к моим крестникам из «Боевой тревоги». Мы договорились о месте встречи, и на субботу я заказал в ресторане «Нева» столик на четыре персоны. Ресторан пользовался популярностью, и попасть в него после шести вечера было невозможно.

К восьми, к моменту начала музыкального вечера, экипаж был укомплектован и сидел за столом, уставленным деликатесами и отборным коньяком. Никто из приглашённых, за исключением Хоробрых, побывавшем в Болгарии на международных соревнованиях по парашютному спорту, за рубеж не выезжал, и мне пришлось вкратце обрисовать закордонную службу.

– Не печалься, старик, что не вернулся к истребителям, – обнимая меня за плечи, сказал Серёжа Каширин. – Будь оптимистом. Что на этом свете ни делается, всё – к лучшему. Но писать не бросай. Ни дня без строчки!

– Сам-то как, тоскуешь по полётам?

– Э, что – я?

Я теперь летаю
Только пассажиром.
По небу скучаю,
Обрастаю жиром,

– грустно процитировал он. – Это из моего последнего сборника.

– Подари, будь другом, – попросил я.

– И подарю! Тираж, конечно, маловат, и гонорар пустяшный. Но ведь не только деньгами жив человек. Распорядись, пусть принесут ещё пузырёк.

Весёлый саксофонист со сцены объявил «белый танец», и мужское население ресторана напряглось. Вальс исполнялся под занавес, давая возможность слабому полу в открытую заявить о своих симпатиях к намеченной жертве. После него начинался так называемый «развод», похожий на развод часовых по постам. Это последний шанс поймать партнёра на ближайшую ночь.

Две прехорошенькие барышни остановились у нашего стола, сделали книксен и протянули руки ко мне и Сергею. Польщённый вниманием, я встал, одёрнул пиджак, подхватил девушку под крендель и вышел на «сковородку» – так в просторечии называли танцевальную площадку. От партнёрши терпко пахло духами «Красная Москва», а гибкое, как тростник, тело источало призывные флюиды.

– Чем обязан быть удостоенным внимания красавицы? – заглянул я в её зелёные глаза и слегка прижался к податливой фигуре.

– Вы меня заинтриговали. Просидеть целый вечер в ресторане и ни разу не станцевать – редкое терпение. Я за вами давно наблюдаю.

– Это что – профессия такая, за людьми подсматривать?

– Ну, что вы – подсматривать. Лучше ловить, – сказала девчонка. – В наше время найти хорошего человека – проблема.

– И что, клюёт?

– На крупную рыбу не сезон, а кильку не люблю.

Я подумал, что с моим ростом и весом никак не похожу на речную мелочь, и вопросительно спросил:

– А не найдётся ли в вашей заводи местечка для такого судака, как я?

– Это что, предложение проводить? – спросила юная рыбачка. – В принципе я не против. Только предупреждаю, что заводь на Петроградской стороне.

Я быстро просчитал варианты развития событий и решил рискнуть. В крайнем случае, мне придётся добираться до гостиницы на попутках.: найти такси после полуночи в огромном мегаполисе просто невозможно:

– Тогда встречаемся в гардеробной.

Не посмел бы сказать, что моя русоголовая знакомая была привлекательной. Таких в нашей стране – хоть пруд пруди. Но эта чем-то отличалась от других и словно магнитом беспокоила и будоражила моё воображение. Я интуитивно чувствовал, что девушка соскучилась по мужчине, и её визит в ресторан связан только с тем, чтобы вином заглушить природную застенчивость и обратить на себя внимание.

До дома Зоечки, как она представилась, мы добрались без приключений, и поднялись на третий этаж по широкой мраморной лестнице старинного дома.

Я слегка волновался в ожидании неизвестности, но ничего страшного не произошло. Девушка занимала небольшую квартирку, обставленную недорогой мебелью, и сразу же объяснила, что получила её в наследство от бабушки. Слава Богу, а то я, грешным делом, подумал, что попаду в ленинградскую коммуналку, и меня будет встречать дюжина любопытных соседок. Афишировать себя в неподходящее время было бы глупо.

– Водки хочешь? – спросила меня Зоечка, как только мы отдышались, и, не ожидая ответа, плеснула в два фужера прозрачной жидкости.

– А целоваться?

И я понял, что добираться до гостиницы придётся завтра..

– Вы меня не так поняли, капитан, – улыбаясь чему-то своему, проговорила хозяйка, когда я, возбуждённый близостью, потащил её на кровать. – Ваше место на диване или, если хотите, на улице.

Я опешил и открыл рот, а она быстро соорудила мне ложе, расправила для себя постель в алькове, потушила свет и со смехом сказала из темноты:

– Спокойной ночи, малыш!

«Ни себе хрена, – ломал я голову, лёжа на диване и вслушиваясь в её дыхание, – и как это всё понимать? Каприз избалованной женщины? Или я где-то допустил ошибку?».

Минут пятнадцать я терзался сомнениями, а потом решил, что с неопределённостью, в которой оказался, надо кончать:

– Ты спишь, Зоечка? – задал я глупый вопрос, на который нельзя получить утвердительный ответ. – Мне холодно и одиноко, – воззвал я к её милосердию, – и пожалеть меня некому.

Из алькова раздался смешок, и это меня приободрило: женщинам нравится, когда их веселят. И они с симпатией относятся к беспомощности мужчин.

– Ладно уж, – снисходительно раздался бархатный голосок с противоположного конца комнаты, – иди. Только ложись с краешку.

В кровь мощной струёй хлынул адреналин, тело напряглось в предвкушении сласти, и я, как изголодавшийся барс, стремительно прыгнул к своей жертве. Кроватные пружины жалко пискнули от боли, и я осторожно прижался к пылающему огнём телу женщины. Уже по запаху я определил, что она меня хочет, и мой лучший друг по сексуальным играм немедленно восстал, требуя сатисфакции. Однако я уже давно понял, что лучшим наслаждением в любви является ожидание и обязательный ритуал ухаживания, когда нервы, словно струны настраиваемой гитары, напрягаются, а чувства растут до беспредела.

С некоторых пор я осознал, что высшим мастерством в сексе является доведение женщины до кондиции, когда она теряет контроль над собой и готова на всё. Для этого, однако, необходим сущий пустяк – уметь владеть собой. Здесь, как в воздушном бою, важна не только высокая техника пилотирования (научить летать можно и медведя), но выдержка, хладнокровие, безупречный анализ обстановки и чёткое определение момента начала стрельбы. Только тогда ты испытаешь полное наслаждение победой.

Я прекрасно понимал, что женщина сгорает от страсти, и она понимала, что я это понимаю. Мы встретились по прихоти Зоечки, но каприз её не противоречил моим желаниям.

Осеменитель по своей сущности, ни один мужчина не устоит перед женскими чарами, если он здоров и молод.

Помню случай, когда мы, летуны, стояли кучкой в курилке, а мимо проходила прекрасно сложенная фея в голубом. Когда она удалилась на приличное расстояние, Валера Капанадзе в восхищении зацокал языком и, сжав кулак, воткнул в него указательный палец:

– Ай, кацо, как бы я ей сейчас замастрячил!

– Да ты что, парень? Это же жена нашего комэска!

– Виноват, ребята, не знал, – смутился Валера, вытащил палец из кулака и аккуратно, словно масло с ножа, обтёр его о края ладони, приговаривая: – Извиняюсь, извиняюсь…

Жаркое тело Зоечки напряглось, когда я положил ладонь на её живот.

– Ах, как от тебя весной пахнет! – прошептал я ей на ухо, слегка лизнув мочку .– Черёмухой. Ты помнишь запах черёмухи? Когда голова идёт кругом?

Она мгновенно повернулась ко мне лицом и прижалась по-девичьи упругими грудями:

– Вот фантазёр. Где ты видел, чтобы такая старуха, как я, черёмухой пахла?

Но по тону вопроса, по чуть заметным заинтересованным ноткам в голосе чувствовалось, что завуалированная лесть с благодарностью принята.

– А вот мы проверим, какая ты старуха, – игриво сказал я, лаская девушку ладонью от талии и ниже. Соблазн немедленно запустить руку между бёдер был настолько велик, что я задрожал мелкой зыбью и стал осыпать упругое тело подруги частыми и нежными поцелуями. Она затрепетала, как лист на ветру, и в нетерпении стала срывать с меня остатки одежды. Походя, Зоечка ухватилась за мой, звенящий как тетива, пенис и сжала его в сладострастном призыве.

Девятый вал, словно судьба, обрушился на нас со всей несокрушимой мощью, и мы, бессвязно лопоча что-то в угарном бреду, наперегонки, лихорадочно ринулись навстречу обоюдным желаниям и слились, отрешённые от всего мира. Зоечка, как сражённая наповал птица, на мгновение замерла, а потом стала падать, с каждой секундой набирая скорость. Лихая амазонка, она пришпорила своего жеребца с места в карьер и без устали скакала к заветной цели, выбирая дорогу поухабистей. Она кричала в экстазе и просила ещё, кончала, но не останавливалась. Желая хоть как-то продлить быстротечные минуты любви, я сдерживал свои страсти, сильно и больно сдавливал её каменно-налитые груди, но это её не останавливало, и, казалось, ещё более распаляло. Мой неизменный друг «ванька», раздутый до неприличия, стоял на цыпочках и лопался от гордости, купаясь в роскоши девичьих чресел. Он точно знал, что среди его подружек – эта была ударницей в любви.

Как я себя ни сдерживал, но тайны природы нам не подвластны. Вся накопившаяся во мне страсть с восторгом была выплеснута в волшебный сосуд деторождения. И в этот миг, совершенно бессознательно я притянул к себе девчонку и слился с ней в долгом благодарном поцелуе.

За окнами висел январь, стужа настойчиво стучалась снаружи, резвились по стенам блики уличных фонарей, а мы лежали удовлетворённые и молча слушали тишину. От недавнего пьяного угара не осталось и следа.

Потом Зоечка из ничего извлекла полотенце и стала деловито наводить порядок на «Ванькином» подворье. Я не роптал, стало быть, так надо, и мне было приятно, что так надо.

Женщина что-то тихо шептала, и сквозь дрёму я расслышал уменьшительно-ласкательные слова «кентаврик», «мой маленький», «дай, я тебя расцелую».

Утром, не сговариваясь, мы снова занялись любовью. Только переменили позу. Зоечка, изящно приподняв попу и упираясь грудью в подушки, стояла на коленях, а я, вцепившись

руками в основание её талии, мощно и ритмично помогал «ваньке» достать головой до её сердца.

Зоечка бесподобно крутила задом, приподнималась на руках, зубами рвала наволочки и повизгивала от удовольствия. Я наслаждался доступностью партнёрши, её раскованностью, и гордился, что покорил прелестное создание с первой встречи. Во мне бушевал звериный инстинкт самца – укротителя, я чувствовал себя господином и владыкой, непревзойдённым мастером штыковых атак и покорителем женских сердец. Моё тщеславие купалось в роскоши, и я благодарил судьбу, что она ко мне благосклонна.

Вылезая из постели, я заметил дольку лимона и сообразил, что она использовалась как противозачаточное средство.

– Давай пить чай, – сказала Зоенька, когда мы почистили пёрышки и привели себя в порядок. Пить чай по утрам, закусывая бутербродами, – традиция ленинградцев.

– У тебя какие планы на сегодня?

За окнами сияло воскресенье, занятий в университете не было, и я подумывал повидаться с родственниками. Если узнают, что я был в городе и не зашёл, могут не понять. Следовало заглянуть и в гостиницу. Дежурная по этажу наверняка заметила моё отсутствие, и я, по выработанному в армии иммунитету, хотел обезопасить себя от кривотолков. Кроме того, надо сделать и кое-какие закупки для семьи: до отъезда в Польшу оставались считанные дни.

Странно, но я не испытывал никаких угрызений совести перед женой. Ну, отхватил кусочек от чужого пирога, удовлетворил свою ненасытную утробу, сбросил давление – что из того? Что изменилось в мире? Не жить же мне долгий месяц всухомятку.

По общепринятым меркам действия мои аморальны. Может быть и так, но ценность мужика заключается в том, куда он возвращается после манёвра налево. Так я себя оправдывал, хотя глубоко в душе понимал, что здесь что-то не так.

Договорились с Зоей, что первую половину дня я займусь личными делами, а ближе к вечеру загляну на огонёк, с её разрешения….

История моего краткосрочного романа со страстной девушкой была бы неполной, если бы я не рассказал о её развитии.

Уже стемнело, когда, нагруженный деликатесами из Елисеевского гастронома и падая от усталости, я ввалился в квартирку на Петроградской и вручил хозяйке букет розовых хризантем. Она была не одна и представила свою товарку – хрупкую изящную женщину с достаточно развитой грудью и чуть заметной мушкой на правой щеке. Пропорционально сложенная фигурка девушки напоминала Мэрилин Монро в миниатюре. Она казалась лёгкой, почти воздушной. Светлые, с подпалинкой, волосы, похожие на цвет спелой пшеницы, обрамляли круглое кукольное личико с тонким румянцем во всю щёку и маленькими ямочками по бокам. И когда я целовал протянутую руку с длинными пальцами, в серых глазах её уловил неподдельное любопытство к моей особе.

Не трудно было догадаться, что разговор обо мне уже состоялся, и присяжные заседатели вынесли свой вердикт. Тем лучше для всех.

Оказалось, что соседка Зоечки работает статисткой в Мариинском театре оперы и балета и что зовут её Людой.

У меня никогда не было знакомых балерин, и я с интересом рассматривал сидящее напротив милое создание, недоверчиво представляя, как оно может порхать по сцене.

Балет я полюбил с «Лебединого озера». Это не опера, где разговаривают неправдоподобно, это театр, в котором роли исполняют немые.

Напичканный произведениями французских романистов, я тут же преобразовал имя новой знакомой в «Люси».

Мы пили шампанское, заедая его маринованным виноградом, мололи всякую чепуху, и в порыве минутной откровенности я признался, что летаю и пишу:

– Почти как Сент Экзюпери, – пошутил я, – только у меня «Маленького принца» нет.

– Летать – это так романтично, – мечтательно закатила глаза Люси и наивно попросила: – Покатайте меня на вертолёте.

Я кисло улыбнулся и объяснил маленькой девочке, что военные вертушки предназначены для других целей.

– Очень жаль, – скривила она пухленькие губки и пригубила бокал.

Женщины говорят глазами, а любят ушами. Люси в меня определённо втюрилась. Она бесцеремонно разглядывала меня, словно покупала коня на базаре. Разве что в зубы не заглядывала и мышцы не щупала.

Зоечка не могла не видеть явного внимания своей подруги лично ко мне, но, лукаво улыбаясь, не обращала на это внимания. И я начал догадываться, что между ними, возможно, произошёл сговор по эксплуатации моего тела. Версия подтвердилась, когда Зоя отлучилась на кухню.

– Приходи ко мне в гости, – пригласила Люси. – Я живу этажом выше.

Мне стало весело:

– Мадам, вам не кажется, что мы с вами в разных весовых категориях?

– Мышь копны не боится, – рассмеялась балерина и строго приказала: – Жду в четверг к десяти вечера. Учти, я дважды не приглашаю…

Утром на кафедре меня поджидал Алик Лысенко.

– Ты где пропадаешь, старик? Несколько раз звонил в гостиницу.

Я коротко отчитался о своих приключениях, и он немедленно загорелся:

– Познакомь, в долгу не останусь. Впрочем, это мелочи. У меня проблемы покруче. Вчера пришлось съехать с квартиры – приехали хозяева. Так что принимай на постой, я и на раскладушке перекантуюсь.

Вечером после соблюдения небольших формальностей с администрацией отеля, мы сидели с Алькой в гостиничном номере и отмечали новоселье…

В четверг, ровно в 22.00 я нажал кнопку звонка в квартиру Люси, и дверь тотчас же открылась. Я понял, что меня ждали, и смело переступил через порог.– Тихо, – предупредила в прихожей женщина, – сына разбудишь.

– Ты что же, замужем?

– Что из того, – прошептала она. – Муж, уже как месяц, в командировке, а жить-то хочется. Раздевайся.

– А не застукают?– спросил я, прикидывая, что нахожусь на четвёртом этаже и что отступление перед грозящей опасностью возможно только через балкон. Перспектива не из приятных.

– Не бойся, – прошептала женщина. – Я сама боюсь.

В глубине комнаты в детской кроватке посапывал двухлетний малыш, мягко светил голубенький торшер, метались по стенам блики света от уличных фонарей, всё было призрачно и таинственно. Честно говоря, я впервые встретился с замужней женщиной, и подумал, что выступаю в роли сексуального вора. По существу так оно и было. Пока хозяин отсутствовал, я бесцеремонно забираюсь в чужую квартиру и краду его честь и достоинство. Знать бы, что Люси замужем, сомневаюсь, что клюнул бы на приманку. Есть же на свете хоть какая-то мужская солидарность. Но пути отступления отрезаны, игра началась, господа. Ставок больше нет.

Люси деловито распустила брючный ремень, сняла с меня рубашку и плавки и игриво пощекотала до предела возбуждённый фал.

– Фу, какой противный, – прошептала она в его адрес, взяла меня за руку и ввела в апартаменты.

В углу, прямо на полу был раскинут широкий матрац, прикрытый лёгкой накидкой и застеленный цветной простынёй. В изголовье лежали две пуховые подушки. Люси молча опу-

стилась на жёсткое ложе и потянула меня за собой. Я не сопротивлялся. Она выскользнула из халатика, опустилась рядом и прильнула к моей груди. По телу мелкой дробью рассыпались короткие сочные поцелуи, и мешочек с удовольствием ощутил нежные ласки тонких пальцев.

Женщина не торопила события, наслаждаясь неограниченной властью над потенциальным любовником, и когда поняла, что я созрел, взяла в рот резиновое изделие и начала натягивать его на голову обезумевшего «ваньки». Ничего подобного до этого я не испытывал. Сердце зашлось в незнакомой истоме, каждая клеточка, каждая молекула моего организма запела, я провалился в небытие, и если есть рай таким, как его описывают, то в этот момент он должен быть похож на состояние моей души.

Люси озабоченно перекинула ножку через мой круп, ловко нанизала себя на шампур и растянулась в шпагате. Её маленькие, с кулачок, груди налились страстью, сосочки, обрамлённые светло– коричневым основанием, заострились, и она, опираясь на пятки, с пируэтами и азартом заскакала навстречу своему счастью.

Я глухо застонал и сразу же почувствовал ладонь девушки на своих губах: Люси оберегала наше уединение. Сдерживать себя дальше просто не хватило сил, и я мощно и толчками выплеснул накопившуюся страсть наружу. «Ванька» заметно заскучал, но девочка продолжала неистово трудиться и через минуту к моему удивлению заставила его выбраться из окопов и снова подняться в атаку.

Блуждающая улыбка не сходила с одухотворённого лица балерины. Закинув руки на затылок, закрыв в блаженстве глаза и приподняв подбородок, она вдохновенно исполняла роль примадонны, была царицей большого секса и властно контролировала ситуацию. Никогда ни раньше, ни потом, не приходилось испытывать чувства слаще, чем те, которые дарила мне эта карманная женщина.

Люси трепетала, неистово целовала мои соски, и слёзы, как перламутровые бусинки, катились из её прекрасных глаз. По судорогам, пробегающим по телу, я догадывался о моментах её экстазов и как профессиональный борец становился на мост, отрывал от постели и радовался, что ей это нравится.

– Всё, – сползла с меня и улеглась сбоку ненасытная женщина. – Давай отдохнём, а то так и умереть можно.

«Почему бы и нет, – не согласился я, – умереть на женщине, – что может быть прекраснее?».

– А ты хорош, – одобрительно прошептала Люси. – Зойка меня не обманула.

Ну, что я говорил?

Мы молча лежали в полумраке, и я думал о мотивах измены в принципе. Со стороны мужчин всё, как бы, ясно. Кобели – они и есть кобели. Им любая баба по нраву, лишь бы поманила. Но вот женщины замужние? Какие подвижки бросают их в объятия незнакомцев? Что заставляет их рисковать семейным благополучием? Не нашли в брачном союзе воплощения своей мечты? Наверное, так. Розовые досвадебные свидания влюблённых безжалостно растёр чёрный семейный быт, а единственный и неповторимый принц на деле оказался банальным мещанином. И заполняя прореху в душевном хозяйстве, женщина ищет альтернативы на стороне. Это её болезнь и беда. Умная тщательно скрывает любовные интрижки, глупая о конспирации редко заботится. Последних по моему разумению больше, иначе, чем объяснить великое множество разводов?

Успокоившись, моя милая дама принялась за уборку интимной территории. Она аккуратно сняла отсыревший и скользкий кондом, отложила его в сторону, тщательно протёрла промежности и, распаляя себя, затеяла новую игру с «ванькой». Тот долго упирался, не желая вступать в контакт с инопланетянами, но под действием всесокрушающих ласк и нежности замаячил и встал на вахту. Хладнокровно и обдуманно я поглаживал эротичные места Люськи,

и она, закрыв глаза, мурлыкала от удовольствия, осыпала поцелуями и лизала мою грудь. Я был настороже. Только засосов мне не хватало накануне отъезда.

И снова началась вдохновенная погоня за счастьем, и снова мы кинулись в бездну, и с замиранием сердца парили в свободном падении, не думая о встрече с землёй. А разлюбезная гуттаперчевая пони стойко выдерживала натиск моей пятипудовой туши, оседлавшей её по всем правилам верховой езды.

– Прости, Люси, но больше не проси, – взмолился я, в пух измочаленный после пятой скачки с препятствиями. – Теперь твоего дружка и краном не подымешь.

Серо-синие окна говорили о приближении рассвета, и надо было уходить. Засмеявшись, женщина кивнула головой:

– Надеюсь, тебе понравилось, и ты придёшь ещё?

– О чём базар, дорогая. В жизни не встречал более сладкой девочки. Теперь я от тебя – ни на шаг, – заверил я, уверенный, что больше не приду.

У выхода я остановился и в последний раз окинул взглядом комнату, переполненную любовью. Так же мягко светил голубой торшер, метались по стенам напуганные нами блики и мирно посапывал малыш в своём углу. Всё было призрачно и нереально. И только изуродованная любовными потехами постель и резиновые сопливые жгуты в стороне молча свидетельствовали о волшебных битвах былой ночи.

Успешно преодолев таможенный барьер, нагруженный учебной литературой и подарками, я переступил порог своего дома и оказался в объятиях жены и сына. По поведению Светки было видно, что она соскучилась. Разлука сближает людей.

Как водится, накрыли праздничный стол, но Егорычевы не пришли.

– Мы с ней поссорились, – виновато опустила глаза жена. – Дети подрались, а мы переругались. Но Серёжа не виноват.

Моя попытка примирить враждующие стороны успеха не имела. Более того, Лизавета обострила ситуацию, обозвав меня спекулянтом и пообещав, что заявит, куда надо, сколько дивандеков я отвёз в Советский Союз.

Разозлённый подлостью, которая зрела в её славной головке, я понял, что мирное сосуществование закончено, и принял меры к нашему расселению. Через пару месяцев мы перебрались на улицу Армии Червоной и стали жить в центре города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.